

процессахъ, ихъ обстановку, свидѣтельскія показанія, признанія обвиняемыхъ, сопоставляя съ актами, удостоверяющими, какъ одна часть еврейства изобличала въ изувѣрствѣ другую—мы получаемъ незыблемый, провѣренный матеріаль, гораздо болѣе важный. Онъ, правда, не касается вопроса, какъ правильнѣе, съ научно-кабинетной точки зрѣнія, понимать тотъ или иной текстъ, но зато онъ удостоверяетъ, какъ на самомъ дѣлѣ понимали эти тексты жида-фанатики и какъ, въ силу такого пониманія, они дѣйствовали.

Въ этой области экспертиза ученыхъ, вызванныхъ по ходатайству защиты, не дала рѣшительно ничего. Относительно судебныхъ дѣлъ объ убійствахъ, совершенныхъ іудеями по побужденіямъ религіознаго изувѣрства, проф. Троицкій заявилъ, что всесторонне вопроса этого не изучалъ и относящихся сюда актовъ, историческихъ документовъ не имѣлъ. То же объяснилъ суду проф. Коковцовъ: «опредѣленнаго отвѣта, къ сожалѣнію, дать не могу, потому что не имѣлъ возможности основательно изучить соответствующихъ дѣлъ по документамъ». Не далъ здѣсь сколько нибудь опредѣленнаго заключенія и проф. Тихоміровъ. Равнымъ образомъ и про Львовскій диспутъ названные эксперты не дали никакихъ свѣдѣній. На мое указаніе, что вѣдь обвиненія, предъявленныя тамъ одной частью еврейства къ другой—это историческій фактъ, проф. Троицкій отвѣтилъ: «Но подробностей содержанія этого факта я не знаю, такъ какъ съ этимъ дѣломъ знакомъ очень поверхностно». Наконецъ, весьма краткія и самыя общія данныя о хасидахъ были сведены проф. Троицкимъ къ выводу, что, де, хасиды—не секта. Такое утвержденіе послѣдовало, какъ указано выше, и въ «заявленіи раввиновъ Россіи», сдѣланномъ передъ дѣломъ Бейлиса для опроверженія «кроваваго навѣта». Однако, еврейскій историкъ—писавшій, конечно, въ этой специальной цѣли—Грецъ, многократно, прямо и текстуально называетъ хасидизмъ сектою, обильно приводя, такъ же, какъ и другой еврейскій историкъ, Дубиновъ, документальныя данныя, не оставляющія никакого сомнѣнія, что, по существу вопроса, это именно секта, притомъ изувѣрная, а ученіе ея, съ точки зрѣнія «правовѣрнаго талмудизма»,—очевидная ересь.

По сравненію съ этими еврейскими учеными не оказался ли въ данномъ случаѣ профессоръ Духовной Академіи Троицкій, ни словечка не проронившій о хасидскомъ изувѣрствѣ, «болѣе

евреемъ, чѣмъ сами евреи». Экспертъ былъ призванъ дать заключеніе о существованіи или несуществованіи у іудеевъ догмата крови и ритуальныхъ убійствъ. Если онъ съ ученіемъ еврейскихъ мистиковъ знакомъ мало, если актовъ и историческихъ документовъ по дѣламъ о жидахъ, обвинявшихся въ ритуальныхъ убійствахъ, онъ не имѣлъ и сихъ дѣлъ всесторонне, научно, не изучалъ, если съ такимъ историческимъ фактомъ, какъ Львовскій диспутъ, онъ знакомъ очень поверхностно—то не должны ли мы признать, что, значить, такой экспертъ не обладаетъ тѣми свѣдѣніями, которыя необходимы для данной экспертизы, хотя, быть можетъ, въ другихъ областяхъ, касающихся іудаизма, располагаетъ громадной ученостью...

VI.

Дѣла Велижское и Саратовское.

Много столѣтій государство Россійское зорко, съ проникновенною мудростью, ограждало себя отъ вѣдренія жидовъ. Пока не было въ Россіи сколько-нибудь значительнаго еврейскаго населенія, до тѣхъ поръ не было, разумѣется, и дѣлъ о ритуальныхъ жидовскихъ убійствахъ, но какъ только, въ концѣ XVIII вѣка, послѣ раздѣловъ Польши, къ Россіи былъ присоединенъ густо заселенный жидами Западный край и жидовское населеніе вошло, такимъ образомъ, въ составъ нашего государства, такъ сейчасъ же начали возникать ритуальные процессы, которыхъ раньше въ Польшѣ было едва ли не болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Прошло лишь двадцать три года послѣ третьяго раздѣла Польши, и уже успѣлъ появиться въ Россіи актъ, вполне схожій съ тѣми, разобранными въ предшествующемъ изложеніи, папскими буллами и королевскими декретами, которые, въ жидовскомъ ихъ толкованіи, будто бы, «осуждали кровавый навѣтъ и, разъ навсегда, воспрещали по нѣму преслѣдовать»: 6 марта 1817 года главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, княземъ Голицынымъ, «по поводу оказывающихся въ нѣкоторыхъ отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей якобы для крови», объявлено всѣмъ управляющимъ губерніями словесное Высочайшее пове-

лѣніе Императора Александра I, «чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови».

Подобно вышеупомянутымъ булламъ и декретамъ, Высочайшее повелѣніе заключало лишь совершенно правильное и не подлежащее оспариванію положеніе, что осуждать безъ уликъ, по одному лишь подозрѣнію, нельзя, но лица, объявлявшія словесную волю Монарха, придали ей такую форму, что получилась нѣкоторая возможность толковать, будто Высочайшимъ повелѣніемъ отвергается самое существованіе у іудеевъ догмата крови и ритуальныхъ убійствъ—совершенно такъ же, какъ оно бывало и на Западѣ, гдѣ іудеи даже специально, напряженнѣйшими усиліями, добивались этихъ буллъ и декретовъ именно ради возможности такого толкованія. Однако у насъ, въ Россіи, сія возможность очень быстро исчезла: черезъ шесть лѣтъ послѣ Высочайшаго повелѣнія 6 марта 1817 года возникло такъ называемое Велижское дѣло—объ убійствѣ въ городѣ Велижѣ, въ апрѣлѣ 1823 года, жидами, съ цѣлью полученія крови, солдатскаго сына Федора Емельянова. Послѣ того, какъ тогдашній дореформенный судъ опредѣлилъ «случай смерти солдатскаго сына Емельянова предать волѣ Божьей», Императору Александру I при проѣздѣ его въ 1825 г. черезъ Велижъ была подана объ этомъ всеподданнѣйшая жалоба, по которой Государь повелѣлъ «строжайше изслѣдовать». Для этой цѣли былъ командированъ флигель-адъютантъ Его Величества генералъ-маіоръ Шкуринъ и образована особая слѣдственная коммиссія, обширные, тщательные труды которой шли именно въ направленіи ритуальнаго убійства и сопровождались запечатаніемъ всѣхъ еврейскихъ молитвенныхъ домовъ («школь») г. Велижа, которые оставались запечатанными до самаго окончанія дѣла, послѣдовавшаго лишь черезъ десять лѣтъ—въ 1835 г. Факты эти наглядно свидѣтельствуютъ, насколько далекъ былъ Императоръ Александръ I отъ того, чтобы отрицать возможность существованія у жидовъ догмата крови и ритуальныхъ убійствъ.

Для окончательнаго разрѣшенія Велижское дѣло уже послѣ смерти Императора Александра I, при Императорѣ Николаѣ I, поступило въ Государственный Совѣтъ, который призналъ улики, имѣвшіяся противъ многочисленныхъ подсудимыхъ-іудеевъ недостаточными для ихъ осужденія. Однако самое событіе пре-

ступнаго дѣянiя, еіо отличительныя черты и характеръ были установлены съ достаточной опредѣленностью.

Акты производства гласятъ:

«1823 года, въ Свѣтлое Христова Воскресеніе (22 апрѣля) Велижской инвалидной команды рядового Емельяна Иванова сынъ Федоръ, имѣвшій четвертый годъ, вышедъ изъ дома днемъ, не возвратился и неизвѣстно куда дѣвался. На третій день (24 апрѣля) начальникъ инвалидной команды, подпоручикъ Степановъ, объявилъ о семъ городской полиціи, но по розыскамъ оной мальчика въ городѣ не отыскано. А на Оминой недѣлѣ въ среду (2 мая) мѣщанскимъ сыномъ Коханскимъ, отправившимся въ поле за лошадыю, найдено тѣло того мальчика за Велижемъ не далѣе версты на болотѣ, заросшемъ кустарникомъ, къ которому замѣченъ въ разстояніи саженой 15-ти слѣдъ повозки, подѣзжавшей парюю лошадей съ кованными колесами.

По осмотрѣ того тѣла (4 мая) Велижскій штабъ-лекаръ объяснилъ: 1) во многихъ мѣстахъ тѣла, какъ-то: на ногахъ, рукахъ, животѣ, лбу и головѣ отъ крѣпкаго тренiя сукномъ, или щеткою, кожа, такъ сказать, сгорѣла, желта или красна и затвердѣла; 2) оказались на правой рукѣ отъ кисти до локтя, какъ съ внутренней, такъ и наружной стороны пять, на лѣвой рукѣ такимъ же образомъ три, на правой ногѣ сзади выше колѣна одна, на спинѣ одна, на головѣ на самомъ темени и на правой сторонѣ за ухомъ четыре до самой кости черепа доходящія, но безъ поврежденiя онаго ранки маленькія, круглыя, а глубиною не болѣе, какъ такъ подобно до ранъ, когда дробью подстрѣлено, сдѣлано какимъ-то тупымъ орудіемъ—какъ онъ, штабъ-лекаръ, полагаетъ, гвоздемъ, у котораго острый кончикъ нарочно отломленъ; 3) на обѣихъ ногахъ отъ колѣна внизъ, шириною на $\frac{1}{4}$ аршина, кожа отличалась отъ прочей темнымъ, почти чернымъ цвѣтомъ, такъ что легко можно было замѣтить, что сильная тамъ находилась перевязка, черезъ которую циркуляція остановлена была; 4) губы крѣпко къ зубамъ и носъ ко рту придавлены, на затылкѣ же шеи темно-багровый, кровью натекшій знакъ доказываетъ сильную перевязку рта, которая вокругъ шеи переходила; 5) внутренности сего младенца—желудокъ и кишки—совершенно пусты и только воздухомъ надуты, впрочемъ, здоровыя и никакого духа гнилости, или порчи не имѣвшія.

Штабъ-лекаръ заключилъ: 1) что сей младенецъ разсудительно замученъ; 2) что дробью не могъ быть стрѣлянъ, ибо ни одной дробинки нигдѣ не найдено; раны же не могли бы быть всѣ такъ ровной глубины и нѣкоторыя могли бы проникнуть въ мускулярныя части, а болѣе всего не могли бы попадать вдругъ и сзади, и спереди, и съ боковъ; 3) что сей младенецъ, будучи родителями своими хорошо кормленъ (ибо гдѣ только онъ его вскрывалъ, вездѣ подъ кожею не мало жиру находилъ), нѣсколько дней былъ содержимъ на большой діетѣ, что доказываютъ празднаго его внутренности; 4) что ротъ его былъ крѣпко завязанъ, дабы крика его не было слышно; 5) что или сукномъ, или щеткою былъ тертъ, дабы привести кровь въ сильную циркуляцію; 6) что ноги потому были сильно связаны, дабы теченіе крови къ верхнимъ частямъ болѣе привести; 7) что былъ колотъ или, лучше сказать, кожа проверчена въ 14-ти мѣстахъ для достанія оттуда самой только кожной крови; 8) что сіе злодѣяніе исполнено на раздѣтомъ ребенкѣ, ибо на его рубашкѣ вовсе знака крови не было; наконецъ 9) что сіе варварство не далѣе, какъ два, или три дня передъ находженіемъ тѣла мертваго было сдѣлано».

Изъ дальнѣйшаго видно, что на немъ оказались слѣды обрѣзанія, а ногти на рукахъ и на ногахъ обстрижены вплоть до мякоти.

Улики, изобличавшія отдѣльныхъ подсудимыхъ евреевъ, сводились главнымъ образомъ къ показаніямъ трехъ «доказчицъ»-христіанокъ—Терентьевой, Максимовой и Козловской, изъ которыхъ Максимова и Козловская служили у заподозрѣнныхъ іудеевъ, а Терентьева постоянно исполняла въ жидовской средѣ разныя порученія и отдѣльныя работы. Нельзя забывать, что надлежащее, серьезное разслѣдованіе началось лишь два года спустя послѣ совершенія преступленія (убійство въ концѣ апрѣля 1823 г., а командированіе генерала Шкурина въ маѣ 1825 г.), Улики, слѣды преступленія за такой срокъ, разумѣется, успѣли въ значительной степени изгладиться. Рѣшеніе дѣла, въ смыслѣ осужденія или оправданія подсудимыхъ, сводилось всецѣло къ вопросу, въ какой мѣрѣ можно было довѣрять тому, что говорили противъ іудеевъ вышепоименованныя три «доказчицы». Не входя въ разборъ ихъ показаній, ибо таковыя въ окончательной инстанціи признаны для обвинительнаго приговора недостаточными, надлежитъ, однако, отмѣтить, что по дѣлу, разработанному хотя и съ запозданіемъ, но весьма подробно, пред-

ставляется совершенно необъяснимымъ и невѣроятнымъ, кто же и для чего могъ такимъ способомъ убить четырехлѣтняго мальчика и выбросить, какъ падаль, его трупъ—если здѣсь не было жидовскаго ритуальнаго убійства.

Подсудимые принуждены были ограничиться въ этомъ отношеніи заявленіями, явно вздорными, что, де, «мальчикъ задушенъ экипажемъ нечаянно и выброшенъ въ поле, а послѣ мертвый, по злобѣ на евреевъ, исколотъ», или что, молъ, вѣроятно мальчикъ просто застрѣленъ изъ ружья. Одинъ изъ жидовъ, впоследствии привлеченный, Орликъ, началъ говорить это сразу же, какъ только былъ обнаруженъ трупъ—почему въ протоколѣ медицинскаго осмотра и содержится объясненіе штаб-лекаря, что «младенецъ дробью не могъ быть стрѣлянъ». Обширное заключеніе слѣдственной комиссіи оканчивается категорическимъ утвержденіемъ: «комиссія по всѣмъ симъ основаніямъ никакъ не можетъ полагать иначе, какъ что солдатскій сынъ дѣйствительно умерщвленъ евреями». Тутъ же комиссія удостоверяетъ, что «обвиняемые евреи, не имѣя ничего къ своему оправданію, основываютъ всю спасенія своего надежду единственно на успѣхѣ въ наклоненіи или расположеніи доказательницъ, какимъ бы образомъ ни было, къ показаніямъ въ ихъ пользу и остаются въ непоколебимой увѣренности, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ направленіи самаго слѣдствія согласно ихъ желаніямъ, лишь бы только дѣло ихъ вышло изъ рукъ комиссіи, о чемъ говорятъ утвердительно даже въ ея присутствіи».

Эта «непоколебимая, неизвѣстно по какимъ причинамъ, увѣренность» не обманула іудеевъ: какъ только особая назначенная по Высочайшему повелѣнію самого Государя комиссія передала законченное ею слѣдствіе въ дальнѣйшія инстанціи, такъ сейчасъ же дѣло приняло благоприятный для жидовъ оборотъ.

Характерно такое замѣчаніе слѣдственной комиссіи: «евреи ко лжепоказаніямъ столько приобыкли, что, когда по сему дѣлу, при произведеніи о подсудимыхъ повальныхъ обысковъ, надлежало приводить евреевъ къ присягѣ, то даже самъ раббинъ и два подраббина, составляющіе Бесдинъ¹⁾ и долженствующіе

¹⁾ Бесдинъ, или, правильнѣе, Бетъ-динъ—свой, еврейскій судъ, существующій въ каждой еврейской общинѣ.

быть при присягѣ одной съ приводимыми секты, удостовѣрили комиссію данною подпискою, что живущіе въ городѣ Велижѣ евреи ни къ какой особенно сектѣ не принадлежать, тогда какъ комиссіи, и по мѣстному пребыванію и по показанію подсудимаго еврея Цетлина, извѣстно, что въ Велижѣ евреи раздѣляются на двѣ секты: Хоседовъ и Мейснагедовъ».

Однако, если слѣдственная комиссія останавливала вниманіе на томъ, «сколько евреи приобыли къ лжепоказаніямъ», то въ Государственномъ Совѣтѣ возобладали иные взгляды, и Гражданскій его Департаментъ въ составѣ графа Николая Мордвинова, Алексѣя Бахметева и Алексѣя Оленина полагалъ не только «немедленно освободить подсудимыхъ по дѣлу евреевъ, какъ ни въ чемъ не уличенныхъ», но «участъ означенныхъ подсудимыхъ, претерпѣвшихъ тюремное заключеніе въ теченіе 8 лѣтъ и неразлучное съ онымъ разстройство въ торговлѣ и промыслахъ, повергнуть Монаршему воззрѣнію съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству въ вознагражденіе освободить ихъ впредь на восемь лѣтъ отъ платежа казенныхъ повинностей... Дабы положить конецъ предубѣжденію о употребленіи евреями христіанской крови въ обрядахъ ихъ вѣры и отвратить возрожденіе дѣлъ, подобныхъ Велижскому производству, повсемѣстно подтвердить, чтобы Высочайшее повелѣніе 6 марта 1817 г. исполняемо было во всей силѣ... Запечатанныя еврейскія школы въ Велижѣ открыть, дозволивъ въ нихъ служеніе».

Такое въ высшей степени благопріятное жидамъ и чрезвычайно яркое въ этомъ смыслѣ рѣшеніе Департамента было Общимъ Собраніемъ Государственного Совѣта значительно обезпѣчено: предположеніе, чтобы подсудимые іудеи, недостаточно изобличенные, были на восемь лѣтъ освобождены отъ платежа государственныхъ податей, изъято изъ рѣшенія вовсе; отдѣльныя выраженія такового смягчены. Въмѣсто словъ: евреевъ подсудимыхъ, какъ ни въ чемъ не уличенныхъ, немедленно освободить, сказано: «евреевъ подсудимыхъ, какъ положительно не уличенныхъ, отъ суда и слѣдствія освободить». Высочайшее повелѣніе 6 марта 1817 г. предположено подтвердить, но фразы о томъ, что это нужно «дабы положить конецъ предубѣжденію о употребленіи евреями христіанской крови въ обрядахъ ихъ вѣры и отвратить возрожденіе дѣлъ, подобныхъ Велижскому производству»—исключены.

Въ остальномъ Общее Собрание согласилось съ Гражданскимъ Департаментомъ, соотвѣтственно чему мнѣніе Государственнаго Совѣта было предложено на утверждение Государя Императора Николая I, съ проектами двухъ предписаній Министру Внутреннихъ Дѣлъ: 1) объ открытіи въ Велижѣ еврейскихъ молитвенныхъ домовъ (школъ) и 2) о подтвержденіи Высочайшаго повелѣнія 6 марта 1817 года. Первый проектъ былъ одобренъ Государемъ и посланъ для исполненія, а на второмъ имѣется помѣтка Государственнаго Секретаря: «Разсматривано Государемъ Императоромъ въ С.-Петербургѣ 22 Генв. 1835; но Высочайшаго соизволенія не воспослѣдовало».

На меморіи Государственнаго Совѣта по Велижскому дѣлу собственноручно положена Государемъ Императоромъ такая резолюція:

«Раздѣляя мнѣніе Государственнаго Совѣта, что въ дѣлѣ семъ, по неясности законныхъ доводовъ, другого рѣшенія послѣдовать не можетъ, какъ то, которое въ утвержденномъ Мною мнѣніи изложено, считаю, однако, нужнымъ прибавить, что внутренняго убѣжденія, чтобъ убійство Евреями произведено не было, не имѣю и имѣть не могу. Неоднократные примѣры подобныхъ умерщвленій съ тѣми же признаками, но всегда непонятными по недостатку законами требуемыхъ доказательствъ и даже нынѣ производимое весьма странное дѣло въ Житомірѣ доказываютъ, по моему мнѣнію, что между евреями существуютъ, вѣроятно, изуверы или раскольники, которые христіанскую кровь считаютъ нужною для своихъ обрядовъ,—сіе тѣмъ болѣе возможнымъ казаться можетъ, что, къ несчастью, и среди насъ, христіанъ, существуютъ иногда такія секты, которыя не менѣе ужасны и непонятны. Напримѣръ, сожигальщики и самоубійцы, которыхъ неслыханный примѣръ былъ уже при мнѣ въ Саратовской губерніи. Словомъ, не думая отнюдь, чтобъ обычай сей могъ быть общимъ евреямъ, не отвергаю, однако, чтобъ среди ихъ не могли быть столь же ужасные изуверы, какъ и между насъ, христіанъ».

Слѣдующее, еще болѣе громкое ритуальное дѣло—Саратовское, дало наглядное, документальное подтвержденіе изумительно вѣрнаго взгляда, высказаннаго съ такою проникаемостью Императоромъ Николаемъ I. Если значеніе Велижскаго дѣла,

очень яркаго по событію преступленія, стараются умалить тѣмъ, что отдѣльные, заподозрѣнные въ ритуальномъ убійствѣ іудеи не были осуждены, то въ дѣлѣ Саратовскомъ нѣтъ даже этой лазейки. Обстоятельства его настолько разительны, что воспроизвести ихъ необходимо тѣмъ болѣе, что подлинныя акты Саратовскаго дѣла, хранящіеся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, равно какъ и относящіеся сюда данныя изъ дѣлѣ Еврейскаго Комитета были осмотрѣны судебнымъ слѣдователемъ Машкевичемъ и протоколы осмотровъ приобщены имъ къ слѣдствію объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго.

Въ началѣ декабря 1852 года, въ г. Саратовѣ, сынъ цехового Шерстобитова, Теофанъ, 10 лѣтъ, ушелъ утромъ въ школу, а домой уже не возвращался.

Въ январѣ 1853 г. такъ же загадочно и безслѣдно исчезъ въ томъ же Саратовѣ другой мальчикъ—11-лѣтній сынъ государственнаго крестьянина, Михайль Масловъ.

По поводу ихъ исчезновенія саратовскою «градскою» полиціею было произведено «разслѣдованіе», которое «ничего не обнаружило» и дѣлу, казалось, суждено было подвергнуться забвенію такъ, какъ «остались безгласными» случаи исчезновенія мальчиковъ въ той же мѣстности за предшествующіе годы.

4 марта 1853 г., совершенно случайно, на Волгѣ, недалеко отъ берега, былъ найденъ трупъ Маслова, а черезъ нѣкоторое время, когда Волга уже вскрылась, на Беклемишевомъ островѣ, противъ Саратова, въ тальникѣ, тоже случайно—обнаружили трупъ Шерстобитова.

Стоило этимъ трупамъ лежать на аршинъ правѣе или на аршинъ лѣвѣе—и половодье, по всей вѣроятности, окончательно бы уничтожило слѣды преступленія.

Признаки насильственной смерти обоихъ мальчиковъ были несомнѣнны. У Маслова на головѣ обнаружены двѣ раны—одна нанесенная тупымъ, другая острымъ орудіемъ. На шеѣ вдавленіе и рубцы отъ шерстяного кушака. На правомъ плечѣ часть кожи вырѣзана кругообразно. Ясныя слѣды обрѣзанія. На рукахъ и ногахъ синія пятна.

Врачъ, производившій вскрытіе, опредѣлилъ, что смерть послѣдовала отъ удара тупымъ орудіемъ по головѣ—настолько сильнаго, что темянная и височныя кости дали трещину отъ одного уха до другого. Послѣ этого удара, но еще до наступленія смерти, шею мальчика давили кушакомъ. Обрѣзаніе, соот-

вѣтствующее іудейскому обряду, и вырѣзаніе кожи на плчѣхъ учинены при жизни, но незадолго до смерти. Синія пятна на рукахъ и ногахъ—или отъ тугихъ перевязокъ, или отъ того, что мальчика очень крѣпко держали руками—тоже незадолго до смерти.

Трупъ Шерстобитова успѣлъ сгнать настолько, что, вполне изслѣдовать поврежденія на его тѣлѣ уже не представилось возможнымъ, однако слѣды произведеннаго и надъ нимъ обрѣзанія были установлены вполне опредѣленно. На вискѣ обнаружено большое краснобагровое пятно, а значительный кровоподтекъ, ему соотвѣтствовавшій, свидѣтельствовалъ о прижизненномъ его происхожденіи и о томъ, что сильный ударъ, нанесенный по виску, если не повлекъ смерти ребенка, то, во всякомъ случаѣ, ошеломилъ и лишилъ сознанія.

Если, однако, результаты судебно-медицинскаго осмотра и вскрытія Шерстобитова страдали поневолѣ пробѣлами, то слѣдственный матеріалъ обогатился двумя чрезвычайно важными находками, оказавшимися около трупа—это были: солдатская фуражка, однако, безъ номера, и солдатскія же подтяжки, сцѣпленная петля въ петлю, служившія, повидимому, для переноса на нихъ трупа, хотя не исключена возможность, что Шерстобитовъ былъ этими подтяжками задушенъ такъ, какъ Масловъ, тоже получившій сильный ударъ по головѣ, былъ удушенъ кушачкомъ. Возможно, конечно, въ видѣ предположенія, и то, и другое, то есть, что подтяжки были и орудіемъ удушенія, и орудіемъ послѣдующаго переноса трупа. Ногти на рукахъ и ногахъ Шерстобитова были обрѣзаны вплоть до мякоти.

Очевидно, найденныя одно за другимъ мертвыя тѣла ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, замученныхъ, оскверненныхъ, изуродованныхъ, брошенныхъ, какъ падаль, должны были вызвать сильное возбужденіе среди мѣстнаго населенія. Отдѣляться разслѣдованіями ничего не обнаруживающей градской полиціи больше нельзя было, и губернаторъ возложилъ слѣдствіе на особаго чиновника, Волохова, котораго вскорѣ смѣнилъ слѣдователь, спеціально присланный изъ Петербурга—надворный совѣтникъ Дурново.

Необычайной энергіи, искусству, полной неподкупности этого дѣятеля, а также помогавшаго ему жандармскаго офицера Языкова и обязано своимъ раскрытіемъ одно изъ интереснѣйшихъ и ужаснѣйшихъ судебныхъ дѣлъ русской уголовной лѣтописи.

Однако, уже и Волоховъ нашелъ кончикъ отъ того клубка, который былъ потомъ распутанъ съ такимъ мастерствомъ. Онъ обратилъ тщательное вниманіе на мальчика Степана Канина, который былъ вмѣстѣ съ Масловымъ передъ исчезновеніемъ послѣдняго.

Канинъ показалъ, что его и Маслова какой-то человѣкъ въ дубленомъ, желтаго цвѣта, тулупѣ позвалъ на Волгу помогать въ переноскѣ аспидныхъ досокъ, посуливъ по пятаку за доску. Они отправились, но по дорогѣ Канинъ одумался, не захотѣлъ идти дальше и вернулся домой, а Масловъ пошелъ къ берегу и больше не возвращался.

Тогда Волоховъ началъ предъявлять Канину проживающихъ въ Саратовѣ іудеевъ, коихъ, повидимому, было въ то время не особенно много: главнымъ разсадникомъ саратовскихъ жидовъ оказался, весьма неожиданно, мѣстный гарнизонный батальонъ, объ изумительныхъ порядкахъ котораго, такъ же, какъ и о злоупотребленіяхъ «градской» саратовской полиціи, было произведено особое разслѣдованіе, паралельно со слѣдствіемъ объ убійствахъ Шерстобитова и Маслова.

Беспорядки эти заключались въ крайне слабомъ надзорѣ за нижними чинами—точнѣе—въ полномъ отсутствіи надзора. Нижніе чины батальона, проживая въ значительномъ числѣ на частныхъ квартирахъ, не только безпрепятственно разгуливали въ любое время по городу, но даже отлучались самовольно съ дежурствъ и карауловъ—обстоятельства, выяснившіяся при послѣдующемъ ходѣ событій и для оцѣнки ихъ весьма существенныя.

Жидовъ въ батальонѣ было 44. Всѣхъ ихъ, въ числѣ другихъ іудеевъ, производившій слѣдствіе Волоховъ предъявилъ мальчику Канину. Надо замѣтить, что въ это время былъ найденъ только трупъ Маслова, хотя пропавшаго позже, а трупъ пропавшаго раньше Шерстобитова, съ валявшейся около солдатской фуражкой, обнаруженъ еще не былъ. Такимъ образомъ, слѣдственная власть, имѣя основаніе заподозрить въ убійствѣ кого-либо изъ еврейской среды (вслѣдствіе факта обрѣзанія Маслова), никакими указаніями, что въ убійствѣ замѣшаны солдаты-евреи, еще не располагала.

Мальчикъ Канинъ, изъ предъявленныхъ ему евреевъ вообще и солдатъ-евреевъ въ частности, призналъ солдата Михеля Шлифермана, заявивъ: «Онъ ровно тотъ, кто сманилъ». Впо-

слѣдствіи, на одномъ изъ передопросовъ, Канинъ выразился еще категоричнѣе, сказавъ Шлиферману: «Это ты увелъ Мишу».

Итакъ, съ одной стороны, по убійству Маслова, которое совершено позже, но подверглось разслѣдованію раньше, свидѣтель, въ добросовѣстности котораго нельзя сомнѣваться, прямо указалъ на солдата-еврея, какъ на одного изъ виновныхъ, а съ другой стороны, уже послѣ этого показанія, обнаружались несомнѣнныя, чисто объективныя данныя, что виновный или виновные въ первомъ убійствѣ, Шерстобитова,—вышли изъ среды: 1) еврейской (фактъ обрѣзанія Шерстобитова) и 2) солдатской (подтяжки и фуражка, оказавшіяся около трупа).

Михель Шлиферманъ, учинивъ полное заперательство, однако не могъ отрицать, что, будучи по ремеслу цирюльникомъ, именно онъ совершалъ обыкновенно у саратовскихъ евреевъ обрядъ обрѣзанія младенцевъ.

Когда Канинъ опозналъ Шлифермана, естественно возникъ вопросъ о дубленомъ, желтаго цвѣта тулупѣ, въ которомъ, по словамъ мальчика, былъ человѣкъ, «сманившій Мишу». Сначала поиски были безуспѣшны, но затѣмъ нашелся свидѣтель, удостоившій, что видѣлъ, какъ въ такомъ тулупѣ приходилъ на квартиру Шлифермана другой солдатъ-еврей, служащій сторожемъ въ еврейской молельнѣ. У этого сторожа, солдата инвалидной команды Янкеля Бермана, произвели обыскъ и, дѣйствительно, нашли тулупъ, по примѣтамъ подходящій къ описанію, сдѣланному Канинымъ.

Чтобы закончить эту часть изложенія, слѣдуетъ еще добавить, что, какъ только былъ найденъ трупъ Маслова, на слѣдующій же день въ полицію добровольно явился нѣкій Авксентій Локотковъ, бродяга-подростокъ, ночевавшій гдѣ попало, безъ копѣйки денегъ,—и заявилъ, что это онъ совершилъ убійство. Локоткова препроводили къ слѣдователю Волохову, который удостовѣрился, что рассказъ явившагося съ повинною бродяги о томъ, какъ онъ убивалъ, совершенно невѣроятенъ. Впрочемъ, и Локотковъ уже отъ своего сознанія отказался, заявивъ Волохову, что говорилъ все это въ полиціи спьяна, а пришелъ туда потому, что не имѣлъ ни пристанища, ни денегъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ предъявленъ Канину, который сказалъ, что это не тотъ человѣкъ, который увелъ Маслова. Тогда Волоховъ отослалъ Локоткова обратно въ полицію, гдѣ его оставили подъ арестомъ «за безписьменность». На первоначальное пока-

заніе его, очевидно, взглянули, какъ на незаслуживающую вниманія болтовню пьянаго бродяги—и лишь въ послѣдствіи выяснилось, что болтовня эта была не столь вздорной и безпричинной, какъ казалось.

Этимъ закончилась первая стадія дѣла—дѣйствія полиціи и Волохова до пріѣзда Дурново, ставшаго во главѣ особой слѣдственной комиссіи.

Впослѣдствіи, когда уже производилось разслѣдованіе о самой саратовской городской полиціи, отцы убитыхъ мальчиковъ, Шерстобитовъ и Масловъ, удостовѣрили, что сразу, немедленно послѣ исчезновенія ихъ сыновей, задолго до обнаруженія труповъ, они заявили подозрѣніе на жидовъ и настаивали, «ежедневно просили», по выраженію потерпѣвшихъ, чтобы въ жидовскихъ помѣщеніяхъ—повторяю, немногочисленныхъ—были произведены обыски. Однако полиція упорно «подозрѣніе это отводила», ни одного обыска тогда не произвела, а Шерстобитова, напри- мѣръ, увѣряла, что его сынъ «навѣрное гдѣ-нибудь замерзъ, потому что былъ шалуномъ».

Въ числѣ рядовыхъ саратовскаго гарнизоннаго батальона находился крестьянинъ Антонъ Богдановъ, характеристика котораго представляется еще болѣе отрицательною, чѣмъ Локоткова. вмѣстѣ съ матерью, бѣжавшею отъ помѣщика, онъ долго велъ бродячій образъ жизни, подобно Локоткову. Въ рекруты былъ сданъ за дурное поведеніе. На военной службѣ не исправился, отличаясь, по удостовѣренію начальства, буйствомъ и пьянствомъ. Происходя изъ Витебской губерніи, съ дѣтства привыкъ къ польской и еврейской средѣ, а потому, по словамъ другихъ солдатъ, «съ русскими былъ русскій, съ поляками полякъ, съ жидами жидъ». Въ вещахъ его нашли подвязную бороду и парикъ.

На первой недѣлѣ Великаго Поста 1853 года, Богдановъ явился въ «Петербургскую гостиницу» гор. Саратова и тамъ, въ пьяномъ видѣ, началъ буянить: шумѣть, кричать, бить посуду.

Такъ какъ о «Петербургской гостиницѣ» будетъ дальше много разговоровъ, то надлежитъ теперь же отмѣтить, что содержателемъ ея состоялъ нѣмецкій колонистъ Гильгенбергъ, что подъ зданіемъ гостиницы было особое подвальное помѣщеніе, а во дворѣ—флигель, гдѣ жилъ съ семьей пожилой зажи-

точный еврей Янкель Юшкевичеръ, по ремеслу мѣховщикъ. Поселился онъ въ Саратовѣ давно, еще съ 1827 г., конечно, не имѣя на это ни малѣйшаго права. Нѣсколько разъ, какъ водится, «возникла переписка» о его выселеніи, но «оканчивалась ничѣмъ».

Поднявшій скандалъ Богдановъ вдругъ началъ требовать, чтобы этого Юшкевичера позвали въ гостиницу: пусть, молъ, платитъ за ту посуду, которую онъ, Богдановъ, побилъ.

Несмотря на дикость такой фантазіи, гостиничные служащіе дали знать объ этомъ на квартиру Юшкевичера, откуда, за отсутствіемъ самого Янкеля, въ гостиницу немедленно пришелъ его сынъ, Файвишъ. Богдановъ, однако, не унимался: онъ полѣзъ на Файвиша съ кулаками и заявилъ, что не платитъ самъ вовсе не по неимѣнію денегъ, а лишь потому, что считаетъ жидовъ обязанными платить за него, Богданова. Въ доказательство, Богдановъ вытащилъ изъ кармана нѣсколько золотыхъ монетъ и, обращаясь къ Файвишу, сказалъ: «У меня самого есть деньги: вы же мнѣ дали за мальчиковъ». Но въ это время появился Янкель и сумѣлъ успокоить Богданова, а за разбитую имъ посуду безпрекословно заплатилъ пять рублей,—сумма по тогдашнимъ временамъ, несомнѣнно, очень крупная для солдатскаго кутежа.

Однако, и это весьма важное событіе осталось пока «безгласнымъ». Кому было обратить на него вниманіе? Отношеніе къ дѣлу саратовской полиціи было вполне определеннымъ, что же касается служащихъ въ гостиницѣ, то даже тогда, когда за слѣдствіе взялся Цурново, они были въ началѣ крайне молчаливы и несообщительны. Можетъ быть, на нихъ вліялъ Янкель Юшкевичеръ непосредственно, а вѣрнѣе, что имъ приказалъ молчать хозяинъ Гильгенбергъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ концовъ, эти служащіе показали именно такъ, и Правительствующій Сенатъ, рѣшая дѣло, даже предполагалъ «Якова Гильгенберга оставить въ подозрѣніи въ преступныхъ сношеніяхъ съ Янкелемъ Юшкевичеромъ и въ знаніи обстоятельствъ о скрытіи слѣдовъ сдѣланнаго Юшкевичеромъ преступленія». Тогда, при дореформенномъ процессѣ, существовалъ особый юридическій институтъ «оставленія въ подозрѣніи», какъ нѣчто среднее между обвиненіемъ и оправданіемъ.

Между тѣмъ Богдановъ съ каждою недѣлей пьянствовалъ все сильнѣе и сильнѣе, сталъ нелюдимымъ, все болѣе и болѣе

сторонился товарищей, пока, наконецъ, уже въ маѣ 1853 г., не заявилъ начальству, что «желаетъ раскрыть жидовское дѣло». Его отправили къ Дурново.

Послѣ цѣлаго ряда тщательныхъ и весьма подробныхъ допросовъ, показанія Богданова свелись къ слѣдующему:

Поступивъ въ Саратовскій гарнизонный батальонъ лѣтомъ 1852 г., онъ быстро сдружился со служившими тамъ солдатами-евреями, а въ особенности съ Федоромъ Юрловымъ, бывшимъ тогда еще шарманщикомъ и принятымъ въ батальонъ рядовымъ къ зимѣ. Федоръ Юрловъ доводился сыномъ Янкелю Юшкевичеру, но принялъ православіе. Однако, это не воспрепятствовало ему сохранить близкія, дружественныя отношенія и съ евреями вообще, и съ Янкелемъ Юшкевичеромъ въ частности. Юрловъ не только бывалъ у отца самъ, но и водилъ туда Богданова, которому оказывали хорошій пріемъ и поили водкой.

Съ зимы Богдановъ сталъ красть для евреевъ казенныя дрова и носить въ еврейскую молельню. Это еще болѣе сблизило его съ евреями и усилило ихъ довѣріе.

Въ срединѣ декабря 1852 г., ночью, Юрловъ уговорилъ его, Богданова, уйти съ караула на квартиру Янкеля Юшкевичера, расположенную, какъ уже было сказано, на одномъ дворѣ съ «Петербургскою гостиницею».

У Юшкевичера Богдановъ засталъ солдатъ-евреевъ Фогельфельда, Берлинскаго, Зайдмана и двухъ незнакомыхъ ему жидовъ, не изъ Саратова: одинъ былъ въ халатѣ и высокой грузинской шапкѣ, другой—въ чапанѣ. Богданова, по обыкновенію, начали поить водкой, послѣ чего повели въ подвалъ, находившійся подъ гостиницей. Тамъ, на полу, онъ увидѣлъ мальчика, котораго сейчасъ же положили на скамейку. Мальчикъ вертѣлся и мычалъ. Янкель сѣлъ на него верхомъ, вынулъ инструментъ изъ какого-то краснаго футляра и совершилъ обрѣзаніе, но при этомъ нечаянно порѣзалъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ—изъ пальца пошла кровь. Мальчика, послѣ обрѣзанія, повернули и, сдѣлавъ раны на спинѣ, или на шеѣ дали крови стекать въ мѣдный тазъ. Затѣмъ кто-то нанесъ мальчику сильный ударъ въ високъ, и тотъ пересталъ шевелиться. Съ полной точностью и отчетливостью Богдановъ всего происшедшаго вспомнить не можетъ, потому что находился тогда подъ вліяніемъ сильнаго испуга и выпитой водки. Онъ даже хотѣлъ убѣжать, но Юрловъ принудилъ его остаться, послѣ чего жида стали настаивать, чтобы онъ вынесъ трупъ

мальчика изъ подвала и выбросилъ куда-нибудь подальше. Богдановъ, въ испугѣ, отказался, но, подъ вліяніемъ просьбъ и угрозъ, обѣщалъ эго сдѣлать черезъ нѣсколько дней. Тогда его снова начали напаивать водкой.

Спустя нѣкоторое время Богдановъ, опять отлучась изъ караула самовольно, пришелъ къ Янкелю и съ Юрловымъ, Берлинскимъ, Зайдманомъ спустились въ подвалъ. Тамъ связали трупъ мальчика подтяжками, сложили въ сани и повезли на Волгу. У берега Богдановъ взвалилъ мертвое тѣло себѣ на спину и сталъ спускаться, но было круто и онъ сорвался съ своей ношей внизъ. Помочь ему подоспѣлъ Юрловъ. Вдвоемъ, они стали искать проруби, но не нашли, а потому переправились по льду на островъ и спрятали трупъ въ кустарникѣ, гдѣ Богдановъ второпяхъ потерялъ фуражку. Тогда Берлинскій далъ ему свою, такъ какъ, живя на вольной квартирѣ, могъ незаметно вернуться и безъ форменной фуражки,—въ шапкѣ. За свое участіе въ вывозѣ трупа онъ, Богдановъ, получилъ отъ Янкеля плату.

Въ февралѣ Берлинскій и Зайдманъ снова позвали Богданова къ Юшкевичеру. По дорогѣ оба еврея заглядывали въ нѣсколько кабаковъ, видимо, кого-то отыскивая. Наконецъ, въ одномъ кабакѣ они увидѣли Федора Юрлова, въ штатскомъ платьѣ. Зашли туда и угостили Богданова водкой, а потомъ продолжали путь уже вчетверомъ. На Сергіевской улицѣ Зайдманъ зашелъ въ какой-то домъ и вернулся изъ воротъ на улицу въ сопровожденіи незнакомой Богданову женщины, не жидовки. Богдановъ обратилъ вниманіе, что она говорила пс-русски чисто, но скороговоркой и, прощаясь, сказала: «Богъ съ вами».

Придя къ Юшкевичеру, Богдановъ выпилъ еще водки, а потомъ, около полуночи, увидѣлъ во дворѣ сани, на которыхъ лежалъ трупъ мальчика, чѣмъ-то покрытый. Въ саняхъ расположились Юрловъ, Берлинскій, Зайдманъ. Онъ, Богдановъ, сталъ на запятки, и поѣхали къ Волгѣ. На поворотѣ у взвоза Богдановъ, охмѣлѣвъ, сорвался съ запятокъ. Жиды уѣхали безъ него и что они дальше дѣлали—ему неизвѣстно. Не остановились они, вѣроятно, потому, что на взвозѣ было очень круто и сколько—трудно удержать лошадь, а, кромѣ того, вблизи стоялъ будочникъ.

Онъ, Богдановъ, вернулся въ городъ.

Найденныя въ его вещахъ, при арестованіи, фальшивая борода и парикъ были доставлены ему Юрловымъ послѣ того, какъ вывели на Волгу перваго мальчика, Шерстобитова. Уже тогда Юрловъ подговаривалъ его бѣжать изъ батальона и, принеся бороду, парикъ, обѣщалъ достать также фальшивый паспортъ. Оказавшаяся у него, Богданова, за обшлагомъ рукава пятирублевая ассигнація представляетъ ту часть платы за вывозъ трупа, которую онъ, Богдановъ, еще не успѣлъ истратить.

Какъ Михель Шлиферманъ учинилъ полное заперательство по поводу того, что показалъ о немъ мальчикъ Степанъ Канинъ, такъ Юрловъ, Юшкевичеръ, Зайдманъ, Берлинскій и Фогельфельдъ стали совершенно отрицать все, что рассказалъ о нихъ Богдановъ. Юрловъ заявилъ, что познакомился съ Богдановымъ лишь послѣ того, какъ попалъ въ одну съ нимъ роту. Остальные евреи показали, что вовсе Богданова не знаютъ. Однако солдаты-христіане удостовѣрили, что Юрловъ и Богдановъ были дружны между собой, что Юрловъ еще до поступленія своего на военную службу приходилъ въ 1 роту, гдѣ служилъ Богдановъ; что поздно осенью 1852 г. онъ явился къ Богданову въ караулъ при рабочемъ домѣ и оба вмѣстѣ куда-то ушли.

Описывая убійство перваго мальчика, свезеннаго на Волгу, Шерстобитова, Богдановъ, между прочимъ, указалъ, что Янкель Юшкевичеръ, совершая обрѣзаніе вертѣвшейся подъ нимъ жертвы, порѣзалъ себѣ палецъ лѣвой руки. Слѣдователь Дурново произвелъ немедленно судебно-медицинское освидѣтельствованіе Юшкевичера и, дѣйствительно, на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки свидѣтельствуемаго былъ обнаруженъ рубецъ, по поводу котораго Юшкевичеръ объяснилъ, что порѣзался щучьимъ зубомъ. Однако врачъ-экспертъ удостовѣрилъ, что тогда края рубца были бы иные, менѣе гладкіе, здѣсь же ровность краевъ указываетъ, что рана причинена не зубомъ, а болѣе острымъ орудіемъ.

На это Янкель Юшкевичеръ дополнительно объяснилъ, что онъ замѣтилъ порѣзъ, когда чистилъ рыбу наканунѣ еврейской пасхи (т. е., по справкѣ, 10 апрѣля 1853 г.), но, можетъ быть, таковой причиненъ и не зубомъ, а ножомъ. Однако, врачъ удостовѣрилъ, что и это объясненіе невѣроятно, ибо бѣлизна рубца указываетъ, что рана причинена не раньше, какъ мѣсяца

за четыре до освидѣтельствования, происходившаго 31 мая 1853 года.

Далѣе, слѣдствіемъ была отыскана свидѣтельница Чернышева, которая показала, что въ декабрѣ 1852 г., вечеромъ, проходя около дома «Петербургской гостиницы», она встрѣтила жида Янкеля, державшаго за руку мальчика, лѣтъ десяти. Янкель говорилъ ему: «иди», а мальчикъ, упираясь, хотѣлъ освободиться.

Другая свидѣтельница, Ирина Попова, показала, что, служа стряпухой у цехового Цыганова, квартирующаго рядомъ съ Янкелемъ Юшкевичеромъ, она, незадолго до масленицы 1853 года, услышала донесшійся изъ квартиры жалобный дѣтскій крикъ. Начавъ прислушиваться, она различила слова: «Отпустите, лучше тятенька вамъ денегъ дастъ». Потомъ послышался какой-то шорохъ и все затихло. Попова прошла на квартиру Юшкевичера узнать, кто кричалъ, но въ дверяхъ ее остановила старшая дочь Янкеля и не пустила въ квартиру, а на вопросъ о странномъ крикѣ отвѣтила: «Это дѣти играютъ». Попова тогда же рассказала о случившемся Цыганову, который ея ссылку впослѣдствіи подтвердилъ.

Спустя довольно много времени послѣ ареста Юшкевичера, отъ ремесленниковъ-христіанъ, поселившихся на его бывшей квартирѣ, стало извѣстнымъ, что въ темной комнатѣ, гдѣ была раньше спальня Юшкевичера и его жены, замѣчены на полу какія-то странныя пятна, которыя не смываются даже горячей водой. Приступивъ къ провѣркѣ этихъ свѣдѣній, слѣдственная власть, дѣйствительно, обнаружила въ указанномъ мѣстѣ мало замѣтныя на глазъ, но довольно большія темнубурыя пятна, которыя, однако, выступили гораздо явственнѣе, когда доски были смочены теплой водой, и снова сдѣлались мало замѣтными по мѣрѣ высыхания досокъ. Новые обитатели квартиры Юшкевичера объяснили, что въ то время, когда они туда переѣхали— въ іюль 1853 г.—пятна были гораздо болѣе краснаго цвѣта и очень походили на кровяныя, а потомъ, послѣ неоднократнаго мытья, потемнѣли.

Врачебная управа и медицинскій совѣтъ высказались, что при такихъ условіяхъ опредѣлить свойства и происхожденіе пятенъ не представляется возможнымъ.

Надъ пятнами, на потолокъ, штукатурка оказалась гораздо болѣе свѣжею, чѣмъ остальная. Заинтересовавшись симъ обстоятельствомъ, слѣдственная власть выяснила, что какъ разъ въ

этомъ мѣстѣ у Юшкевичеровъ были вбиты въ потолокъ большіе гвозди, которые испортили штукатурку, впоследствии отремонтированную заново. Когда спросили мужа и жену Юшкевичеровъ, зачѣмъ понадобилось вбивать въ потолокъ гвозди и почему подъ гвоздями образовались такія странныя пятна, спрошенные дали противорѣчивыя показанія. Жена Юшкевичера, Ига, сначала объяснила, что ни гвоздей въ потолокъ, ни пятенъ на полу не замѣчала, а потомъ добавила, что, уже послѣ ареста ея мужа, въ этомъ мѣстѣ были вбиты гвозди, чтобы повѣсить люльку для ея внука. Янкель Юшкевичеръ (по ремеслу мѣховщикъ, какъ было упомянуто выше) заявилъ, что гвозди были вбиты давно—на нихъ вѣшали мѣха, которые потомъ окрашивали: вѣроятно, отъ стекавшей краски и образовались подъ гвоздями пятна. Однако, два эксперта-мѣховщика удостовѣрили, что употребляемая въ ихъ ремеслѣ краски отмываются горячей водой и не могутъ оставить такихъ пятенъ, какія обнаружены въ квартирѣ Юшкевичера.

Свидѣтель Иванъ Кадомцевъ, служившій у содержателя «Петербургской гостиницы» кучеромъ, показалъ, что въ 1853 г., передъ масляной, онъ поздно вечеромъ запрягалъ хозяйскую лошадь для жидовъ. Потомъ Янкель закричалъ: «отворите ворота», а такъ какъ ворота были тяжелы, то дворникъ Михайловъ (умершій до допроса) попросилъ его, Кадомцева, помочь. Онъ видѣлъ, что вѣхали сани, въ которыхъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, а одинъ стоялъ на запяткахъ. Лицъ не разглядѣлъ, но говоръ былъ жидовскій. На саняхъ лежалъ прикрытый чѣмъ-то, повидимому дубленой шубой, предметъ, который, судя по очертанію, могъ быть трупомъ ребенка. Ночью его, Кадомцева, разбудилъ поваръ Иванъ и сказалъ, что надо убрать вернувшуюся лошадь. Въ предыдущія двѣ ночи Кадомцевъ спалъ въ конюшнѣ и замѣтилъ, что въ выходъ подъ гостиницей (т. е. въ подвалъ) ходили какіе-то люди съ фонаремъ.

Поваръ Иванъ сначала, какъ и многіе служащіе «Петербургской гостиницы», говорилъ, что ничего не знаетъ, но потомъ подтвердилъ, что какъ-то ночью, передъ масляной, Янкель зашелъ на кухню и сказалъ ему, чтобы разбудить Кадомцева, потому что вернулась лошадь.

Любовница Федора Юрлова, мѣщанка Горохова, сначала долго говорила, что ничего по дѣлу не знаетъ, но затѣмъ показала, что, узнавъ объ арестѣ Янкеля Юшкевичера, послѣ-

шила въ казарму, предупредить объ этомъ Юрлова. Онъ пришелъ въ сильное волненіе и, заплакавъ, сказалъ: «Нашъ грѣхъ, вѣрно мы все погибли». На вопросъ Гороховой, кто же убивалъ, Юрловъ отвѣтилъ: «Кого арестовали, тѣ и убили».

Во время содержанія подъ стражей Янкеля Юшкевича удалось перехватить письмо, гдѣ онъ обожженной лучиною написалъ по-еврейски: «Увѣдоми іудеевъ, чтобы они молились. Стойте крѣпко. Крѣпись, дорогая моя дочь, объ этомъ я прошу тебя и брата».

Выше уже упомянуто, что въ числѣ солдатъ-евреевъ, оговоренныхъ Богдановымъ, какъ участниковъ убійствъ, былъ Ицка Берлинскій. Еще до оговора, хотя и незадолго, у Берлинскаго былъ произведенъ обыскъ (въ апрѣлѣ 1853 г., а оговоръ въ маѣ) по другому дѣлу, хотя и довольно сходному: «о сманиваніи мальчика Никифорова». Среди отобранныхъ по обыску предметовъ оказался кусокъ синей клѣтчатой сарпинки въ аршинъ длины и полъ-аршина ширины. Отецъ Шерстобитова заявилъ, что лоскутъ этотъ отъ той рубашки, въ которой пропалъ его сынъ. Въ доказательство онъ предъявилъ свою рубашку—такого же узора и доброты. Это же подтвердили его жена, братъ и сосѣдъ. Берлинскіе—мужъ и жена—сначала не могли объяснить, откуда взялся у нихъ лоскутокъ, и лишь черезъ нѣкоторое время Ицка Берлинскій заявилъ, что это остатокъ отъ сношенной уже имъ рубашки, которую четыре или пять лѣтъ тому назадъ сшила ему Фрейда Фогельфельдъ—жена того рядового-еврея, который также былъ оговоренъ Богдановымъ и, будучи взятъ подъ стражу, удавился въ тюрьмѣ. Фрейда Фогельфельдъ въ подтвержденіе словъ Ицки Берлинскаго заявила, что у ней даже остался лоскутокъ той же сарпинки, вшитый въ большое одѣяло. По осмотрѣ одѣяла оказалось, что туда вшить, дѣйствительно, кусокъ такой же сарпинки, но совершенно новый и даже не мытый.

Кромѣ дѣла о неудавшейся попыткѣ сманить мальчика Никифорова, гдѣ девятилѣтній Иванъ Никифоровъ прямо призналъ въ сманивателѣ Ицку Берлинскаго, сулившаго ему мотокъ нитокъ, весьма интересны показанія мальчиковъ Александра Андреева и Алексѣя Константинова. Они удостовѣрили, что въ томъ же Саратовѣ, зимою 1852—1853 года, шли изъ училища домой обѣдать. Имъ встрѣтился незнакомый солдатъ, говорившій «съ жидовскимъ выговоромъ» и сталъ ихъ зазывать къ

себѣ, обѣщая по колодѣ картъ и по аспидной доскѣ. Они согласились и пошли, но, такъ какъ солдатъ сталъ ихъ заводить слишкомъ далеко, то побоялись и вернулись. Наконецъ, мальчикъ Константинъ Крохинъ разсказалъ, что тою же зимою хозяинъ послалъ его въ лавку, на верхній базаръ. По дорогѣ какой-то незнакомый человѣкъ въ дубленомъ тулупѣ началъ звать его съ собою, суля гривенникъ, но Крохинъ отказался. На третій день онъ видѣлъ на улицѣ этого человѣка въ компаніи съ какимъ-то солдатомъ и съ Янкелемъ Юшкевичеромъ, котораго зналъ раньше. До мальчиковъ этихъ, однако, такъ же, какъ и до многихъ другихъ уликъ, слѣдствіе добралось не сразу и опозналъ тѣхъ, кто ихъ смѣнивалъ, Андреевъ, Константиновъ и Крохинъ уже не могли.

Изъ повинной, принесенной Богдановымъ, видно достаточно ясно, зачѣмъ понадобилось евреямъ участіе его въ преступленіи. Богдановъ былъ нанятъ — и, несомнѣнно, за довольно крупныя деньги, — чтобы выбросить на Волгу трупы христіанскихъ мальчиковъ послѣ убійства. Благодаря его помощи, съ первой жертвой, Шерстобитовымъ, дѣло довели до конца и за-тащили мертвое тѣло на островъ, въ тальникъ, но съ трупомъ Маслова вышло иначе: Богдановъ, по его словамъ, на крутомъ взвозѣ сорвался съ саней, везшихъ мертвое тѣло, вернулся въ городъ и оставилъ, такимъ образомъ, евреевъ безъ своей помощи. Имъ оставалось одно изъ двухъ: или выбрасывать трупъ самимъ, или, на этотъ разъ, вовсе отказаться отъ выбрасыванія, отложить его. Здѣсь-то и приходится вернуться къ тому несовершеннолѣтнему бродягѣ, Авксентію Локоткову, о которомъ упоминалось въ самомъ началѣ изложенія. Тамъ было сказано, что 5 марта (на другой день послѣ обнаруженія трупа Маслова) Локотковъ явился въ полицію и «учинилъ въ убійствѣ сознаніе», которому не придали значенія какъ потому, что оно показалось невѣроятнымъ, такъ и потому, что на другой же день Локотковъ отъ него отказался. Однако, когда за слѣдствіе взялся Дурново, на сидѣвшаго подъ стражей за бродяжество Локоткова было обращено болѣе серьезное вниманіе, онъ былъ снова допрошенъ и разсказалъ слѣдующее: съ шарманщикомъ Юрловымъ и цырульникомъ Михелемъ (Шлиферманомъ) знакомъ довольно давно — съ 1851 г., когда былъ сидѣльцемъ въ кабакѣ, куда они приходили неоднократно. Затѣмъ Локоткова, какъ просрочившаго паспортъ, выслали изъ Саратова въ Пен-

зенскую губернію. Оттуда онъ опять самовольно вернулся въ Саратовъ передъ масляницей 1853 года, нѣсколько ночей ночевалъ въ ночлежномъ домѣ, а затѣмъ, оставшись окончательно безъ денегъ, присмотрѣлъ, еще съ утра, для ночевки старый, заброшенный, каменный амбаръ, стоявшій на берегу Волги, какъ разъ около взвоза. Локотковъ влѣзъ туда черезъ окно — единственное свободное отверстіе—и увидѣлъ, на кучѣ сора и щепы, трупъ мальчика. Локотковъ вылѣзъ изъ амбара и черезъ нѣкоторое время, стоя невдалекѣ, обнаружилъ, что туда подошелъ Михель Шлиферманъ, однако, не въ солдатской одеждѣ, а въ штатской. Замѣтилъ ли Шлиферманъ, что его выслѣдили, или нѣтъ, но только, когда Локотковъ, не подавая вида, пошелъ въ сторону, «цырульникъ Михель» догналъ его и позвалъ угостить въ Столбовскую гостиницу, куда вскорѣ явился Юрловъ. Изъ гостиницы они отправились въ сосѣдній кабакъ, оттуда опять въ гостиницу и, когда къ вечеру Локотковъ достаточно наугощался и опьянѣлъ, предложили ему вытаскать трупъ изъ лабаза на Волгу, посуливъ 15 рублей. Локотковъ согласился, пошелъ вмѣстѣ съ Юрловымъ къ лабазу, влѣзъ туда и, обхвативъ трупъ поперекъ, высунулъ его въ окно, головой впередъ, а Юрловъ принялъ. Затѣмъ они взяли тѣло за голову и за ноги, снесли на Волгу и бросили подъ дощаникъ. Когда черезъ нѣкоторое время трупъ мальчика Маслова былъ неожиданно найденъ подъ дощаникомъ, и въ городѣ пошло волненіе, Шлиферманъ съ Юрловымъ снова звали Локоткова въ гостиницу и, угостивъ, стали уговаривать, чтобы онъ пошелъ въ полицію и принялъ все преступленіе на себя, ибо, хотя доказать и ничего нельзя, но по городу ходятъ слухи, что убійство совершено жидами. Если Локотковъ сознается, то Юрловъ и Шлиферманъ обѣщали немедленно принести ему въ полицію же сто рублей. Убѣждая, они говорили, что Локоткову, какъ безпаспортному бродягѣ, тюрьмы все равно не миновать, судить же его за убійство стануть, какъ несовершеннолѣтняго, въ совѣстномъ судѣ, и ничего не будетъ, а деньги останутся. Локотковъ соблазнился, пошелъ на другой день въ полицію и заявилъ, что убилъ Маслова, но потомъ «одумался» и взялъ заявленіе обратно.

Для такого «одумыванья» были, повидимому, соображенія не только духовнаго, но и матеріальнаго порядка: слѣдствіемъ установлено, что, послѣ признанія, Локотковъ былъ отправленъ

изъ первой полицейской части въ третью. Ночью туда явился доставившій Локоткова полицейскій стражникъ, пьяный, и настаивалъ, чтобы ему сдали Локоткова обратно и тогда, черезъ нѣсколько времени, онъ снова его приведетъ изъ первой части въ третью уже съ надлежащей бумагой. Однако дежурный на это не согласился и Локоткова не отпустилъ. Было замѣчено, что стражника дожидаются внизу у крыльца два солдата, про которыхъ у него даже въ части спросили, и онъ отвѣтилъ, что это его знакомые. Квартальный надзиратель Минервинъ категорически, подъ присягой, удостовѣрилъ, что въ этихъ солдатахъ онъ тогда же узналъ извѣстныхъ ему Федора Юрлова и Михеля Шлифермана. Юрловъ и Шлиферманъ учинили и здѣсь полное заперательство, отвергая не только свои сношенія съ Локотковымъ, но и установленный ничѣмъ не заподозрѣннымъ свидѣтелемъ приходъ свой въ полицейскую часть.

Въ маѣ 1853 г., когда уже разслѣдованіе дѣла находилось въ рукахъ Дурново, къ нему явился мелкій чиновникъ, коллежскій регистраторъ Вырыпаевъ, и сообщилъ, что ему, Вырыпаеву, и писцу Кудрявцеву ихъ знакомый, отставной губернскій секретарь Крюгеръ сообщилъ очень важныя по дѣлу свѣдѣнія, но самъ онъ объявить о нихъ слѣдственной власти не рѣшается, боясь отвѣтственности. Узнавъ, о чемъ Крюгеръ рассказывалъ Вырыпаеву и Кудрявцеву, Дурново, черезъ этихъ лицъ, добился того, что Крюгеръ все это подтвердилъ и ему, слѣдователю. Такимъ путемъ удалось выяснить, что Иванъ Крюгеръ уже давно питалъ склонность къ іудеямъ и юдаизму, учился еврейскому языку, интересовался іудейской вѣрой. Онъ находился въ любовной связи съ нѣкою Олимпіадою Бѣлошапченковою, проживавшей въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Эзра Зайдманъ—одинъ изъ солдатъ-евреевъ, принимавшихъ, согласно показанію Богданова, участіе въ убійствахъ мальчиковъ. Съ Зайдманомъ Бѣлошапченкова имѣла постоянныя денежныя дѣла: перезакладывала ему то, что принимала въ закладъ сама. Подъ вліяніемъ Зайдмана, Крюгеръ сталъ все болѣе и болѣе сближаться съ евреями и на вопросы своихъ знакомыхъ, не обратился ли уже онъ въ іудейство, отвѣчалъ: «Да, я іудей», сознаваясь также, что получаетъ отъ евреевъ по 25 рублей въ мѣсяцъ. Впрочемъ, по поводу двухъ послѣднихъ обстоятельствъ, удостовѣренныхъ свидѣтелями, самъ Крюгеръ заявилъ на слѣдствіи, что 25 рублей отъ евреевъ не получалъ и свидѣте-

лямъ этого не говорилъ, а называлъ ли себя іудеемъ — не помнить.

Далѣе, онъ объяснилъ слѣдователю, что хотѣлъ жениться на Бѣлошапченковой, но препятствіемъ къ этому служилъ бывшій при ней малолѣтній сынъ. Тогда Бѣлошапченкова сказала Крюгеру, что Зайдманъ предлагалъ взять ея сына къ себѣ и отправить далеко отъ Саратова; а за это даже далъ деньги «въ задатокъ» — сто или полтораста рублей. Крюгеръ вступилъ по сему поводу въ разговоръ съ Зайдманомъ, который пояснилъ, что намѣренъ сына Бѣлошапченковой сдѣлать іудеемъ. Разговоръ у нихъ перешелъ на то, можно ли во всякомъ возрастѣ перенести обрѣзаніе, и Зайдманъ сталъ приглашать Крюгера посмотрѣть на этотъ обрядъ и вообще побывать у нихъ въ моленной. Крюгеръ согласился, былъ въ моленной и, послѣ службы, когда большинство уже разошлось, остался поговорить съ Янкелемъ Юшкевичеромъ о догматахъ іудейской вѣры, причемъ Юшкевичеръ утверждалъ, что для умилоствленія Бога необходимо приносить кровавыя жертвы.

Черезъ нѣкоторое время, когда Крюгеръ еще ближе сошелся съ евреями, ему въ половинѣ февраля 1853 года Бѣлошапченкова передала отъ имени Зайдмана записку отъ Шлифермана, писанную по-еврейски, гдѣ просили «прийти въ моленную съ приглашеннымъ». Крюгеръ отправился, нашелъ двери закрытыми, произнесъ по-еврейски условленную фразу, заблаговременно сообщенную ему Зайдманомъ. Его впустили. Въ моленной было пять человекъ: Юшкевичеръ, Зайдманъ, Шлиферманъ, Фогельфельдъ и сторожъ Берманъ, — тотъ самый, о которомъ говорилось въ началѣ изложенія по поводу показанія мальчика Канина и желтаго дубленаго тулупа, одѣтаго на «сманителѣ». Жиды толпились посрединѣ моленной, вокругъ скамейки, передъ которой стоялъ мальчикъ, лѣтъ одиннадцати. Юшкевичеръ читалъ молитвы, послѣ которыхъ мальчика положили на скамейку и Шлиферманъ совершилъ надъ нимъ обрѣзанье особеннымъ ножомъ дугообразной формы, — на концѣ онъ нѣсколько толще. Когда мальчикъ пробовалъ кричать, державшіе за руки жиды зажимали ему ротъ. Послѣ обрѣзанія, Шлиферманъ, уже другимъ ножомъ, сдѣлалъ мальчику надрѣзъ на плечѣ и далъ крови стечь въ сосудъ, но нѣсколько капель, вѣроятно, по неосторожности, попали на полъ и образовали пятно. Затѣмъ мальчика, который держался на ногахъ и даже могъ ходить,

перевязали и отвели въ сторожку, подъ присмотръ Бермана. Былъ разговоръ, что оттуда его отправятъ на квартиру Юшкевича.

Изъ сопоставленія съ послѣдующими событіями, для Крюгера ясно, что мальчикъ этотъ былъ Масловъ.

Возвратясь къ Бѣлошапченковой, Крюгеръ отъ сильнаго душевнаго потрясенія заболѣлъ и пролежалъ дня четыре, а когда ему стало полегче, то рѣшилъ сообщить о видѣнномъ по начальству. Однако, Бѣлошапченкова, узнавъ о такомъ его намѣреніи, принялась всячески возражать ему, а потомъ даже грозить и не пускать съ квартиры. Тѣмъ временемъ явился къ ней сначала Зайдманъ, а потомъ Шлиферманъ и Фогельфельдъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, они пришли въ ярость и принялись бить Крюгера. Лишь съ большимъ трудомъ онъ вырвался и, окровавленный, избитый, бросился бѣжать къ себѣ домой, гдѣ заболѣлъ настолько серьезно, что двѣ недѣли пролежалъ безъ памяти, а когда сталъ выздоравливать, то рѣшилъ, что заявлять о случившемся саратовскому начальству нѣтъ никакого смысла, такъ какъ ходили повсемѣстные слухи, будто оно взяло съ жидовъ хорошія деньги.

Кухарка Крюгера подтвердила, что на масляной (конецъ февраля 1853 г.) онъ вернулся домой сильно побитый и прохворалъ почти до Пасхи.

Въ томъ домѣ, гдѣ была раньше еврейская молельная, слѣдователь Дурново засталъ уже частныхъ жильцовъ-христіанъ. Онъ произвелъ осмотръ пола и установилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по показанію Крюгера, образовалось пятно отъ пролившейся крови, доски оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ довольно глубоко прожженными. Новые жильцы удостовѣрили, что застали полъ въ такомъ видѣ уже при самомъ въѣздѣ своемъ въ домъ послѣ евреевъ.

Оговоренные Крюгеромъ жидаы отрицали даже какое-либо съ нимъ знакомство, а Бѣлошапченкова признала лишь, что Крюгеръ бывалъ у нея довольно часто. Это полное заперательство представляется не лишнимъ сопоставить съ фактомъ, о которомъ упомянуто въ предшествующемъ изложеніи. Антонъ Богдановъ, описывая въ своемъ показаніи, какъ вывозили со двора Юшкевича трупъ Маслова, рассказалъ, что водившій его въ тотъ день предварительно по кабакамъ Зайдманъ зашелъ, между прочимъ, въ домъ по Сергіевской улицѣ, а когда вы-

шелъ, то его провожала какая-то говорившая скороговоркой женщина и, прощаясь, сказала: «Богъ съ вами».

Эту женщину Богдановъ призналъ въ предъявленной ему Бѣлошаченковой. Она, какъ оказалось, дѣйствительно говорить скороговоркой.

Вся обстановка, въ коей совершались Саратовскія убійства; большое количество участниковъ; значительное число мальчиковъ, пропадавшихъ въ тѣхъ же мѣстахъ за прежніе годы, до того, какъ случайно и неожиданно были найдены трупы Шерстобитова и Маслова; большія денежные средства, которыми, видимо, евреи не стѣснялись; вся постановка дѣла «на широкую ногу», породившая «повсемѣстные слухи, что саратовское начальство взяло деньги отъ жидовъ»; изумительный образъ дѣйствій «градской» саратовской полиціи, послужившій предметомъ особаго разслѣдованія; чрезвычайная дерзость и наглость, до которыхъ дошли убійцы—все это, весь, такъ сказать, «масштабъ» — ясно свидѣтельствовалъ, что преступленія, совершаемыя въ Саратовѣ, нужны были не для однихъ только саратовскихъ жидовъ—немногочисленныхъ и небогатыхъ, что корни, нити злодѣяній раскинулись шире и глубже.

Слѣдствіе собрало матерьялъ и о томъ, что творилось внѣ Саратова, но въ связи съ Саратовымъ.

На очень большія денежные суммы, полученныя Янкелемъ Юшкевичеромъ изъ какого-то неизвѣстнаго источника—имѣются въ дѣлѣ прямыя данныя.

Есть свидѣтельское показаніе, что женѣ Янкеля Юшкевичера, уже послѣ его ареста, удалось уничтожить письмо, гдѣ сообщалось о посылкѣ на Волынь двухъ бутылокъ съ кровью, добытою въ разные мѣсяцы еврейскаго счисленія, соотвѣтственно чему одна бутылка была запечатана краснымъ сургучомъ, другая чернымъ. «На адресѣ было написано: *Любавичскому ходоку Тауткину*, а внизу: *для передачи Любавичскому раввину*».

Въ показаніи своемъ о тѣхъ лицахъ, которыя были на квартирѣ Юшкевичера передъ обрѣзаніемъ Шерстобитова, Богдановъ указалъ, между прочимъ, на еврея въ халатѣ и высокой грузинской шапкѣ. Слѣдствіемъ было установлено, что въ это время въ Саратовѣ, дѣйствительно, пріѣзжали на короткое время

два еврея съ Кавказа и видѣлись съ Юшкевичеромъ. У евреевъ этихъ—Ильягу-Назаръ-оглы и Бениля-Евда-оглы—были произведены на Кавказѣ обыски, причемъ, въ числѣ религиозныхъ книгъ, оказавшихся у Бениля, обратило вниманіе рѣдкое въ Россіи и не имѣвшее цензурнаго пропуска, изданное въ Антверпенѣ, іудейское сочиненіе: «Чинъ устнаго преданія о пасхѣ», гдѣ, въ числѣ прочихъ гравюръ, изображенъ фараонъ, ищущій кровью еврейскихъ дѣтей получить исцѣленіе отъ проказы. Таково, впрочемъ, *еврейское объясненіе* гравюры. А изображаетъ она голаго человѣка въ вѣнцѣ, простирающаго руку на кровь, текущую изъ закалываемаго передъ нимъ младенца. Гораздо болѣе опредѣленные свѣдѣнія о вѣсаратовскихъ сношеніяхъ Юшкевичера удалось почерпнуть изъ показаній нѣкоей Маріи Ивановны, по отцу Безверховой, по мужу Слюняевой. Начинается оно съ событій, происшедшихъ года за три до убійства Шерстобитова и Маслова.

Выданная въ очень молодомъ возрастѣ замужъ и весьма быстро убѣжавшая отъ мужа, крестьянина Пензенской губерніи, Слюняева начала «шататься по разнымъ селеньямъ» и, такимъ образомъ, добралась до Тамбова. Въ этомъ городѣ, выйдя на базаръ, она встрѣтила какого-то плотника, который искалъ нанять женщину въ стряпухи. Сойдясь съ нимъ въ цѣнѣ, она въ тотъ же день отправилась въ мѣстечко Ляды, на винокуренный заводъ Чичерина, въ артель работавшихъ на заводѣ плотниковъ. Отсюда сманилъ ее къ себѣ въ услуженіе жившій при заводѣ князя Гагарина еврей-винокуръ, называвшійся Александръ Григорьевичъ (а по слѣдствію Хацкель Аріевъ) Кониговъ. У Коникова и жены его «Арины» Моисеевны Слюняева была въ услуженіи, съ перерывами, три года. Во время еврейской пасхи съѣзжалось къ «Александру Григорьевичу» много евреевъ изъ разныхъ мѣстъ. Собирались и жида, служившіе на заводѣ, которыхъ было до 15 человѣкъ. Въ ихъ числѣ Марія Слюняева припоминаетъ двухъ старыхъ евреевъ, какъ ихъ зовутъ—не знаетъ, но слышала, что одного прозывали «Ребе», то есть учитель, а другого—«Пчельникъ».

Вскорѣ послѣ ея поступленія, на самую еврейскую пасху, Александръ Григорьевичъ и старый раввинъ, при другихъ еще евреяхъ, заставъ Марью въ ихъ моленной, стали требовать, дабы она поклялась исполнить все, что они отъ нея потребуютъ, и никому не говорить о томъ, что она у нихъ увидитъ.

Жиды говорили такими словами: «Не возьмешься ли сдѣлать то, что мы прикажемъ? Поѣдешь ли съ нами и не будешь ли болтать? Если ты намъ ввѣришься, мы тебя такъ устроимъ, что вѣкъ будешь счастлива и обезпечена!» Она, Марья, клялась исполнить все. Но жиды, не вѣря христіанской божбѣ, требовали, чтобы она позволила выпустить себѣ кровь изъ пальца. Согласясь, она дала лѣвую руку. Ей сдѣлали на безымянномъ пальцѣ почти нечувствительный надрѣзъ и выпустили немного крови. Александръ Григорьевичъ и старый раввинъ увѣрили ее, что, если она не сдержитъ обѣщанія, то сейчасъ умретъ.

Скоро послѣ еврейской пасхи, жиды отправили ее съ работникомъ Моисеемъ Леонтьевымъ (по слѣдствію Мовша Шая) въ г. Кирсановъ, гдѣ Леонтьевъ взялъ еще другого работника, жида «Бориса», за кучера и втроемъ они поѣхали въ Саратовъ на зеленой, крашеной бричкѣ, принадлежавшей Пчельнику. Приѣхавъ въ Саратовъ, остановились по близости Волги. Моисей Леонтьевъ и Борисъ тотчасъ же куда-то ушли, а часа черезъ два вернулись и принесли стеганный на ватѣ баулъ, въ родѣ чемодана, завязанный шнуркомъ, припечатанный, и какую-то записку.

Что въ этомъ баулѣ находилось, она тогда не знала.

Возвратясь въ Ляды, отдали баулъ и записку старому раввину. Вскорѣ онъ уѣхалъ и больше Марья его не видала. Одновременно уѣхали изъ Лядъ и старый «Пчельникъ», и Моисей Леонтьевъ.

На слѣдующій годъ (1852 г.), около Крещенія, Марья опять поѣхала изъ Тамбова въ Саратовъ съ молодымъ раввиномъ. Остановились въ Саратовѣ на постояломъ дворѣ. Раввинъ куда-то ушелъ, но скоро возвратился съ другимъ жидомъ, молодымъ, курчавымъ, котораго раввинъ назвалъ ей сыномъ красильщика, Александромъ (впослѣдствіи Слюняева признала въ этомъ «Александрѣ» сына Янкеля Юшкевича, Файвиша, о которомъ было упомянуто въ началѣ изложенія). На сей разъ она, вообще, пользовалась уже большимъ довѣріемъ, чѣмъ годъ назадъ; ей отдали баулъ и записку, которые она и доставила въ Ляды.

На слѣдующій годъ, къ веснѣ, Александръ Григорьевичъ сказалъ Марьѣ, что надо опять ѣхать въ Саратовъ, и, нанявъ кучера—уже не жида, а русскаго—велѣлъ розыскать въ Саратовѣ солдата Шварца, который готовитъ кушанье саратовскимъ

евреямъ во время ихъ праздниковъ — и отдать ему записку. вмѣстѣ съ запискою «Александръ Григорьевичъ» далъ Марья (довѣріе къ ней, видимо, все увеличивалось) особую печать въ футлярѣ, чтобы, при розысканіи Шварца и при разспросахъ о немъ у могущихъ ей встрѣтиться въ Саратовѣ евреевъ, они имѣли бы возможность узнать, для чего Марья отыскиваетъ этого солдата. Печать была трехугольная; по угламъ — три шпилька, въ серединѣ — еврейская надпись. По приѣздѣ, Марья нашла Шварца въ гарнизонномъ батальонѣ. Онъ взялъ привезенный ею баулъ и ушелъ, но вскорѣ вернулся съ женщиною, возвратившею Марья баулъ, съ которымъ Марья въ тотъ же день уѣхала въ Ляды. Впослѣдствіи въ этой женщинѣ она признала прислугу Янкеля Юшкевича.

Въ первые два раза Марья полагала, что въ баулѣ краска, какъ о томъ ей говорили жида, но въ этотъ разъ она открыла баулъ, откупорила находившуюся въ немъ бутылку и убѣдилась, что содержащаяся тамъ жидкость — не краска, потому что на рукѣ скоро сохла. Тогда Марья вновь закупорила бутылку и припечатала имѣвшуюся у нея жидовскою печатью. Приѣхавъ въ Ляды, баулъ, печать и записку она отдала молодому раввину.

Показаніе это Слюняева дала въ саратовской тюрьмѣ, куда ее препроводили, задержавъ «за безписьменность». Находясь въ заключеніи, она начала обнаруживать признаки сильнаго душевнаго волненія, много плакала. На разспросы, выразила желаніе поговорить со священникомъ и, уже послѣ бесѣды съ нимъ, дала показаніе слѣдователю.

На безымянномъ пальцѣ у нея обнаруженъ рубецъ отъ надрѣза, сдѣланнаго довольно давно острымъ орудіемъ.

Слѣдователь, взявъ съ собою Слюняеву, немедленно отправился для провѣрки ея показанія въ Ляды.

При обыскѣ на квартирѣ Хацкеля Аріева (Александра Григорьевича) Коникова, вмѣстѣ съ разными предметами, необходимыми при іудейскомъ богослуженіи, подъ шкафомъ или кивотомъ, въ которомъ хранилась сейферъ-торе (библія на пергаментѣ), въ особомъ выдвигаемомъ ящикѣ оказался лоскутъ холста, пропитанный, повидимому, кровью и завернутый въ три полулиста печатной по-еврейски бумаги. Тутъ же были найдены другой лоскутъ въ вершокъ шириною и пять вершковъ длиною, краснаго цвѣта и, въ отдѣльномъ конвертѣ, небольшой кривой ножъ, съ пуговкою на концѣ.

Слюняева называла безошибочно каждого изъ членовъ семьи Коникова и выказала совершенное знаніе мѣстности на заводѣ.

Хацкель Кониговъ объяснилъ, что Маріи Слюняевой не знаетъ вовсе, и никогда она у него не проживала; не знаетъ, кому принадлежатъ найденные у него на квартирѣ лоскуты, пропитанные, повидимому, кровью. Кривой ножъ есть фруктовый. Въ Саратовѣ онъ, Хацкель Кониговъ, былъ въ октябрѣ или нояблѣ 1852 года, чтобы закупить лѣсной матеріалъ (брусья) для лядинскаго завода. Купилъ ихъ у саратовскаго купца Артамонова. При семъ видѣлся съ Янкелемъ Юшкевичеромъ, былъ у него на квартирѣ и въ еврейской моленной.

Работникъ Коникова, Мовша Шая (Моисей Леонтьевъ) заявилъ первоначально, что видалъ Марью въ Лядахъ, въ домѣ Коникова, но потомъ, на очной съ ней ставкѣ, лишь только она начала рассказывать о поѣздкѣ въ Саратовъ, но еще не дошла до объясненій, зачѣмъ туда ѣздила, Мовша Шая, какъ удостовѣряетъ слѣдственный протоколъ, рѣзко измѣнился въ лицѣ и рѣшительно отказался отъ того, что онъ знаетъ Марью и гдѣ-либо ее видѣлъ, утверждая, что показалъ другое съ испуга. Тряпка, найденная въ ящикѣ подъ кивотомъ, какъ Мовша полагаетъ, запачкана дѣтьми, во время рѣзанья гусей, дня за три до обыска.

Далѣе, Хацкель Кониго въ заявилъ, что никакого работника Бориса не знаетъ и такого у него не было. Однако, стараніями слѣдственной власти былъ разысканъ и работникъ Борисъ, который оказался оршанскимъ мѣщаниномъ Беркою Бокштейномъ. Онъ, въ противорѣчіе съ показаніемъ Коникова, призналъ, что проживалъ на Лядинскомъ винокуренномъ заводѣ, но знакомство свое съ Марьею Слюняевой и онъ отрицалъ вовсе.

По разсмотрѣніи въ медицинскомъ совѣтѣ холщевыхъ лоскутовъ, взятыхъ у Коникова, найдено, что они пропитаны кровью млекопитающаго (человѣка или животнаго — различать въ то время не умѣли).

По переводѣ съ еврейскаго въ азіатскомъ департаментѣ трехъ печатныхъ листковъ, въ которые была завернута одна изъ этихъ тряпокъ, оказалось, что листки содержатъ: 1) отрывокъ изъ мистическаго еврейскаго сочиненія подъ заглавіемъ: «Лѣтопись блаженнаго Моисея, основателя нашей вѣры», съ повѣствованіемъ объ избленіи Господомъ первенцевъ у Египтянъ на пользу еврейскаго народа; 2) отрывокъ изъ книги Левитъ

(гл. 6, ст. 7), гдѣ заключаются законы и обряды, данные Богомъ Моисею, о принесеніи жертвъ и 3) отрывокъ изъ пророка Исаи, осуждающій язычниковъ и прославляющій Израиля.

Ножикъ,—по объясненію Коникова, «фруктовый»,—врачебная управа признала хирургическимъ инструментомъ, который называется «Поттовымъ бистуреємъ» и употребляется для вскрытія свищовыхъ ходовъ, для вырѣзыванія миндалевидныхъ железъ и при операціи грыжесѣченія.

Купецъ Артамоновъ удостовѣрилъ, что Коникова не знаетъ и никакихъ брусевъ ему не продавалъ.

Какъ уже было упомянуто, Марія Слюняева, во время послѣдней своей поѣздки въ Саратовъ, получила тамъ бауль съ «красною жидкостью» отъ неизвѣстной женщины, въ которой она, впоследствии, опознала прислугу Янкеля Юшкевичера. Нечего пояснять, конечно, какое огромное значеніе для дѣла могло имѣть откровенное, чистосердечное показаніе этой прислуги, Акулины Осиповой Дмитріевой. И вотъ, оказывается, что вскорѣ послѣ убійства Маслова и Шерстобитова, въ мартѣ 1853 года (а убійства—одно въ декабрѣ 1852 года, а другое—въ январѣ 1853 г.), Дмитріеву совершенно случайно задержали по подозрѣнію, что проживаетъ она «по фальшивому билету». Для выясненія этого обстоятельства, задержанная была препровождена въ третью часть г. Саратова, съ тѣмъ, чтобы оттуда ее доставили въ тюремный замокъ. Третья часть г. Саратова, гдѣ приставомъ былъ титулярный совѣтникъ Вандышевъ—та самая, въ районъ которой входила гостиница Гильгенберга и квартира Янкеля Юшкевичера. Въмѣсто того, чтобы препроводить Дмитріеву въ тюремный замокъ, эта «третья часть» сейчасъ же освободила задержанную, и та немедленно скрылась неизвѣстно куда. «Билетъ» же ея, какъ было установлено дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ, оказался несомнѣнно фальшивымъ.

Въ объясненіе тѣхъ основаній, по которымъ Дмитріеву столь неожиданно освободили, третья полицейская часть г. Саратова сослалась, что за Дмитріеву объявился благонадежный поручитель.

Когда слѣдствіе перешло въ руки Дурново, онъ принялся за розыски скрывшейся Дмитріевой, а попутно обратилъ вниманіе на странныя обстоятельства, сопровождавшія ея первоначальное освобожденіе. Приставъ Вандышевъ былъ отстраненъ отъ должности, послѣ чего открылось, что актъ, коимъ Дми-

тріева была отдана на поручительство—подложный и составленъ безъ всякаго вѣдома и согласія того благонадежнаго «мѣщанина Кожевникова», который значился въ этомъ актѣ поручителемъ, но въ дѣйствительности Дмитріевой не зналъ и никогда на поруки ея не бралъ.

Разыскать Дмитріеву и снова ее задержать удалось только черезъ полгода. Но она, будучи доставлена въ Саратовъ, учинила во всемъ полное заперательство и даже отрицала, что служила раньше у Юшкевича прислугой. Три арестантки, вмѣстѣ съ ней содержавшіяся подъ стражей, показали, что солдатъ Шварцъ, бывая въ караулѣ въ тюремномъ замкѣ, вызывалъ Акулину въ коридоръ, съ нею шептался и разъ принесъ ей блины. Смотритель замка и двое служащихъ удостовѣрили, что Акулина «во время содержанія въ замкѣ неоднократно переговаривалась съ секретнымъ арестантомъ изъ евреевъ по дѣлу объ убійствѣ двухъ мальчиковъ, за что было съ нею взыскиваемо».

Приговоромъ, постановленнымъ по Саратовскому дѣлу, одновременно съ осужденіемъ евреевъ, виновниковъ убійствъ, о чемъ ниже, приставъ Вандышевъ за подлоги и беспорядки по должности лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ Сибирь, а Акулина Дмитріева, за ложныя при слѣдствіи безъ присяги показанія, отдана въ рабочій домъ на полтора года.

Согласно особому Высочайшему повелѣнію, слѣдствіе по Саратовскому дѣлу должно было поступить въ Правительствующій Сенатъ, а оттуда, независимо отъ вопроса о какихъ-либо жалобахъ или разномысліяхъ, въ Государственный Совѣтъ, для окончательнаго разрѣшенія.

Приговоръ, постановленный 10 мая 1860 г. Государственнымъ Совѣтомъ, огромнымъ большинствомъ 22 голосовъ противъ трехъ, и утвержденный 30 мая 1860 г. Государемъ Императоромъ Александромъ II, оставилъ въ силѣ то рѣшеніе, которое уже въ общемъ собраніи Сената было принято большинствомъ.

Измѣненія послѣдовали сравнительно маловажныя и не касались подсудимыхъ-евреевъ.

Юшкевичеръ, Шлиферманъ и Юрловъ были сосланы въ каторжныя работы на рудникахъ, первые два на двадцать лѣтъ

каждый, а Юрловъ на 18, «за убійство въ г. Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ черезъ истязанія и мученія».

Богдановъ и Локотковъ признаны укрывателями этого преступленія. По закону—находитъ Государственный Совѣтъ—они должны подлежать строгому наказанію: ссылки въ каторжныя работы, но, принимая во вниманіе ихъ чистосердечное раскаяніе и сознаніе, Государственный Совѣтъ повергаетъ на Высочайшее благовозрѣніе, чтобы Богданова отдать на два года въ исправительныя арестантскія отдѣленія, а Локоткова — на такой же срокъ въ рабочій домъ.

Относительно Ивана Крюгера, виновнаго въ недонесеніи, просить, по тѣмъ же основаніямъ, о замѣнѣ полагающагося ему по закону наказанія высылкой на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній, съ подверженіемъ строгому полицейскому надзору.

Ицку Берлинскаго, Эздру Зайдмана и Янкеля Бермана оставить въ подозрѣніи по участію въ убійствѣ и отослать для водворенія въ мѣста Сибири, не столь отдаленныя.

Приговоръ этотъ, или, правильнѣе, «мнѣніе Государственнаго Совѣта», былъ утвержденъ Государемъ.

Чтобы судить о степени строгости наказанія, опредѣленнаго подсудимымъ, необходимо помнить, что дѣло возникло въ 1853 г., а было окончательно разрѣшено лишь въ іюнѣ 1860 года. Все это время, то есть семь лѣтъ, перечисленные подсудимые провели подъ стражей, въ тюрьмѣ.

Далѣе, слѣдуетъ помнить, что въ то время, въ дореформенномъ процессѣ, приговоры постановлялись на основаніи такъ называемыхъ «формальныхъ доказательствъ», которыя требовали «прямыхъ» уликъ—собственнаго сознанія, поличнаго, показаній свидѣтелей-очевидцевъ преступленія (свидѣтелей, а не сообвиняемыхъ). Если такія «формальныя» и «прямые» доказательства отсутствовали, то постановленіе обвинительнаго приговора чрезвычайно затруднялось, ибо одного внутренняго убѣжденія въ виновности (теперешній судъ присяжныхъ) было мало—надлежало подкрѣпить его рядомъ формальныхъ доводовъ. Одновременно въ законѣ указывался и весьма благовидный выходъ—«оставленіе въ подозрѣніи».

Такимъ образомъ, недостатки дореформеннаго процесса—которые несомнѣнны и на которые такъ любятъ указывать — были, въ данномъ случаѣ, къ выгодѣ осужденныхъ іудеевъ, а

не ко вреду, ибо, при отсутствіи ихъ сознанія, поличнаго и свидѣтелей-очевидцевъ преступленія, для Юшкевичера, Шлифермана и Юрлова не была потеряна возможность по формальнымъ, казуистическимъ основаніямъ избѣжать обвинительнаго приговора и, подобно Берлинскому, Зайдману, Берману, «остаться въ подозрѣніи», несмотря на неотразимыя косвенныя улики и на полное внутреннее убѣжденіе судей.

Это и подтверждается особымъ мнѣніемъ трехъ членовъ Государственнаго Совѣта, оставшихся въ меньшинствѣ: они, находя, что «самый фактъ обрѣзанія, истязанія и убійства въ Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію», высказались за оставленіе Юшкевичера, Шлифермана и Юрлова «въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, со ссылкой на водвореніе въ Сибирь».

Попытки іудеевъ не допустить до постановленія обвинительнаго приговора весьма достопримѣчательны. Въ 1855 году, сейчасъ же послѣ смерти Императора Николая I, послѣдовавшей, какъ извѣстно, 18 февраля того же года, къ тогдашнему Министру Государственныхъ Имуществъ, графу Киселеву, дѣятелю, извѣстному своимъ либерализмомъ и поддержкою еврейскихъ домогательствъ, поступило массовое еврейское ходатайство купцовъ Раппопорта, Зелихина, Райха, Лозинскаго и другихъ, гдѣ просители пишутъ: «Сіятельнѣйшій графъ. Не оставьте еврейскаго народа безъ защиты и въ настоящемъ несчастномъ случаѣ поднесеніемъ Его Императорскому Величеству Государю Императору прилагаемаго при семъ прошенія нашего и представительствамъ у Августѣйшаго Монарха».

Въ прошеніи, которое долженъ былъ поднести Государю графъ Киселевъ, іудеи, ссылаясь на «грамоты, привилегіи и папскія буллы», добиваются, чтобы Саратовское дѣло разслѣдовалось, какъ обыкновенное убійство, а ритуальная, обрядовая его сторона была изъята изъ обсужденія судебныхъ властей и чтобы къ производству слѣдствія и суда были отряжены «два депутата изъ нашихъ единовѣрцевъ», ибо «къ сему обвиненію, весь нашъ народъ считаетъ себя прикосновеннымъ».

Знаменательное признаніе и неслыханное, совершенно невѣроятное домогательство! «Послы» отъ «прикосновеннаго къ дѣлу» еврейскаго народа будутъ заниматься наблюденіемъ и провѣркою надъ дѣйствіями русскихъ властей! Можно себя представить, во что превратилось бы слѣдствіе по Саратовскому дѣлу,

если бы каждый свой шагъ слѣдователь производилъ подѣ бдительнымъ надзоромъ двухъ іудеевъ, отряженныхъ для сей цѣли кагаломъ!

Переходящая всякія границы претензія эта удовлетворена не была, но, вѣ сомнѣній, іудеи подавали свое прошеніе такому дѣятелю, какъ графъ Киселевъ, не зря, не наобумъ, а тщательно изучивъ и взвѣсивъ положеніе вещей, ибо, хотя еврейскихъ депутатовъ къ надзору за слѣдствіемъ не пустили, но 20 декабря 1855 г. послѣдовало распоряженіе: «Учредить въ С.-Петербургѣ особую специальную комиссію для подробнаго разбора отобранныхъ отъ подсудимыхъ по саратовскому дѣлу евреевъ книгъ и рукописныхъ сочиненій (манускриптовъ) съ цѣлью разъясненія тайныхъ догматовъ религіознаго изувѣрства евреевъ».

Сія «ученая комиссія» была образована изъ четырехъ лицъ: двухъ протоіереевъ, Павскаго и Сидонскаго, и двухъ перекрестовъ—Левисона и Хвольсона. Согласно «Еврейской энциклопедіи» (т. X, стр. 118, т. XV, стр. 586), Левисонъ былъ прежде рѣзникомъ въ Веймарѣ. По принятіи православія назначенъ профессоромъ еврейскаго языка въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Хвольсонъ «сынъ бѣднаго еврея. Первоначально получилъ религіозное образованіе въ хедерѣ и іешиботѣ, гдѣ изучалъ Библию, Талмудъ и средневѣковые комментаріи Талмуда, подѣ руководствомъ ребби Израиля Гинзбурга. Въ 1841 г. отправился за границу, гдѣ въ Бреславлѣ подготовился къ экзамену по гимназическому курсу и поступилъ въ Бреславльскій университетъ. Вернувшись въ Россію, принялъ православіе въ 1855 г.»—т. е. именно въ томъ году, когда, 20 декабря, была учреждена «ученая комиссія» для разсмотрѣнія того вопроса «о догматѣ крови», къ которому «весь еврейскій народъ считалъ себя прикосновеннымъ».

Какъ видно изъ дѣлъ «Еврейскаго комитета», въ ученую комиссію были переданы «матеріалы, которые состояли изъ весьма значительной массы еврейскихъ книгъ и манускриптовъ, простирающихся числомъ болѣе двухсотъ, но, какъ двое изъ членовъ комиссіи, протоіереи Павскій и Сидонскій, объяснили, что имъ удобопонятенъ лишь одинъ еврейскій языкъ библейскій, между тѣмъ всѣ сіи сочиненія были изложены письменами съ примѣсью сирскихъ, арабскихъ и преимущественно халдейскихъ словъ, или же на языкѣ раввинскомъ, отличающемся отъ еврей-

скаго языка библейскаго еще и тѣмъ, что слова ставятся безъ точекъ, т. е. съ одними согласными буквами и при томъ съ большими сокращеніями, соответствующими славянскимъ титламъ, то упомянутый разборъ книгъ и манускриптовъ палъ на долю лишь остальныхъ членовъ комиссіи, профессоровъ Левисона и Хвольсона. Членамъ симъ, въ видахъ береженія времени, было предоставлено, не подвергая означенныя сочиненія по-очередному разсмотрѣнію, раздѣлить ихъ между собою съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ представилъ разсмотрѣнное сочиненіе съ краткимъ отзывомъ о томъ, заключаетъ ли оно въ себѣ какія-либо указанія на существованіе тайнаго догмата о религиозномъ дѣтоубійствѣ».

Такихъ указаній Левисонъ и Хвольсонъ не нашли и «въ заключеніе, по собственному движенію, признали нужнымъ подкрѣпить акты своихъ настоящихъ объясненій о совершенной ложности взводимаго на евреевъ обвиненія силою клятвеннаго удостовѣренія».

Такъ удалось іудеямъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, вырвать изъ энергичныхъ рукъ слѣдователя Дурново вопросы о сектѣ, о ритуалѣ и устроить имъ, усиліями Левисона и Хвольсона, похороны по первому разряду.

Вмѣсто точнаго, дословнаго перевода хотя бы нѣкоторыхъ болѣе важныхъ выдержекъ—краткіе отзывы и клятвенное удостовѣреніе двухъ еврейскихъ ученыхъ. При разслѣдованіи дѣла объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго, хватились этихъ интереснѣйшихъ документовъ, но тщетно Н. А. Машкевичъ перерылъ всѣ архивы, всѣ канцеляріи многообразныхъ присутственныхъ мѣстъ—книги и рукописи, препровожденныя изъ Саратова въ ученую комиссію, исчезли безслѣдно. О томъ, какое громадное значеніе онѣ имѣли бы даже теперь, можно судить по слѣдующему: при обыскѣ въ Лядахъ, у Хацкеля Коникова и его домашнихъ, саратовскія слѣдственные власти отобрали около двухъсотъ (182) еврейскихъ писемъ и записокъ, которыя были даны въ Саратовѣ для перевода мѣстному переводчику Тюльпанову, послѣ чего саратовская слѣдственная комиссію пришла къ такому заключенію: «Нѣкоторыя употребленныя въ нихъ (т. е. въ письмахъ и запискахъ) выраженія, судя по ихъ переводу, заставляютъ подозрѣвать писавшихъ оныя если не въ прямомъ участіи, то въ знаніи содѣянныхъ въ Саратовѣ евреями преступленій и заключаютъ въ себѣ, по мнѣнію комиссіи, если переводъ Тюль-

панова хотя приблизительно вѣренъ, несомнѣнное свидѣтельство существованія у евреевъ догмата крови».

И эти письма попали въ «ученую комиссію», послѣ чего погибли.

Насколько далека была дѣятельность Левисона и Хвольсона отъ научности и безпристрастія, показываетъ, напримѣръ, «записка», начинающаяся словами: «Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь, Авраамъ Сергѣевичъ», поданная Левисономъ Министру Народнаго Просвѣщенія, гдѣ Левисонъ, послѣ пространныхъ соображеній о недопустимости употребленія евреями христіанской крови, пишетъ:

«Наконецъ, если это (Саратовское) дѣло окончится, какъ я вполне убѣжденъ, тѣмъ, что вносимое на евреевъ обвиненіе окажется ложнымъ, то осмѣливаюсь высказать свое сердечное желаніе, чтобы оно было однажды навсегда уничтожено, и правительство не позволяло впредь ни принимать подобныхъ ложныхъ доносовъ, ни давать имъ значеніе дѣла судебнаго, исполненіе же постановленія ограндчить всею строгостью законнаго наказанія за нарушеніе его».

Что касается Хвольсона, то, какъ онъ самъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, «мой отзывъ (въ качествѣ члена комиссіи) занималъ около ста листовъ и въ концѣ его былъ помѣщенъ подробный разборъ Саратовскаго дѣла, въ которомъ я указывалъ, что всѣ Свидѣтельскія показанія, въ особенности же показанія главныхъ свидѣтелей, Крюгера и Богданова, исполнены вымысла и лжи».

Вотъ такъ «догматическое» изслѣдованіе!

Но еще поразительнѣе тотъ способъ, которымъ Хвольсонъ старается свести на нѣтъ хотя бы, напримѣръ, уличающее жидовъ показаніе Крюгера.

«Главный свидѣтель Крюгеръ—читаемъ у Хвольсона—показалъ, что онъ присутствовалъ въ синагогѣ при томъ, какъ саратовскіе евреи обрѣзали будто бы мальчика и выпустили нужную имъ кровь и что паролемъ для того, чтобы его допустили въ синагогу къ присутствованію при церемоніи, ему даны были еврейскія слова: «Bereschit bara Elohim et haschsamajim weet haagez». (Быт. I, 1). На это я замѣтилъ, что какъ мало возможно, чтобы русскій извозчикъ могъ дать въ пароль стихъ изъ Гомера или Горація, такъ же мало возможно, чтобы саратовскіе евреи могли дать въ пароль Крюгеру вышеприведенныя еврейскія слова. Ибо эти еврейскія слова произносятся вышесказан-

нымъ образомъ только испанскими евреями, а также и христианами, всѣ же другіе евреи, у насъ, въ Польшѣ, Австріи, Германіи, Франціи, Англіи и Италіи произносятся эти слова такимъ образомъ: «Breschis bogo Elauhim es haschomajim wes hoogez». За исключеніемъ весьма немногихъ европейски образованныхъ евреевъ, къ числу которыхъ навѣрно не принадлежали саратовскіе евреи—солдаты и ремесленники, наши евреи совсѣмъ не знаютъ о существованіи испанскаго произношенія еврейскаго языка. Очевидно, какой-нибудь семинаристъ написалъ Крюгеру эти извѣстныя всякому семинаристу еврейскія слова, которыми начинается Библия, и Крюгеръ сдѣлалъ изъ нихъ нужное ему употребленіе. Судьи же, которые и не подозрѣвали, чтобы упомянутое произношеніе еврейскихъ словъ было совершенно неизвѣстно подсудимымъ, дали вѣру словамъ Крюгера. Точно также и всѣ остальные показанія Крюгера суть только ложь и выдумки, какъ это я доказалъ».

Пожалуй, и дѣйствительно доказалъ! Во всякомъ случаѣ, произвелъ своими доводами несомнѣнное впечатлѣніе. И впрямь, не выдумалъ ли, не нагаль ли всего Крюгеръ? Не дали ли маху русскіе судьи по незнанію еврейскаго языка? Не даромъ іудеи такъ хотѣли приставить къ нимъ двухъ своихъ депутатовъ!

Но вотъ на какое изумительное обстоятельство натолкнулся каноникъ Пранайтисъ, знакомясь для кievской экспертизы съ дѣломъ саратовскимъ: Крюгеръ вовсе не приводилъ тѣхъ словъ, которыя вкладываетъ ему въ ротъ Хвольсонъ.

Ссылаясь на листъ 211 хранящихся доселѣ по архиву Государственнаго Совѣта актовъ саратовскаго производства, отъ Пранайтисъ, въ своемъ показаніи, данномъ въ качествѣ эксперта судебному слѣдователю, говоритъ:

«Пароль, данный Крюгеру Зайдманомъ, былъ: «Бара рахи арець шамаамъ iamъ тегемоо», а не такъ, какъ приводитъ проф. Хвольсонъ. Такимъ образомъ все построеніе проф. Хвольсона теряетъ всякую силу, такъ какъ онъ для высказанныхъ имъ соображеній использовалъ, несмотря на заявленную «весьма тщательную» освѣдомленность въ данныхъ дѣла, совершенно несуществующія въ дѣйствительности данныя и очутился въ роли того семинариста, о которомъ онъ говоритъ. Такими приемами создаются кадры лицъ, невѣрящихъ въ ритуальныя убійства, и создается фальсифицированное общественное мнѣніе о «кровавомъ навѣтѣ»¹⁾.

Ученая комиссія была составлена—и, вѣроятно, не безъ умысла—такъ, что главную роль въ ней захватили іудеи; въ

¹⁾ Не лучше и другіе приемы Хвольсона. Они подробно разобраны въ моей монографіи о Саратовскомъ дѣлѣ: «Умученные отъ жидовъ». СПб. Изд. 2-ое, гл. X.

ихъ рукахъ оказалось всецѣло осуществленіе самой важной задачи, упавшей на комиссію—переводъ подлинныхъ документовъ. Отъ нея русскіе члены комиссіи—Сидонскій и Павскій—были отстранены совершенно, но затѣмъ, когда комиссія приступила къ сужденіямъ по общему вопросу о томъ, существуетъ ли у евреевъ догматъ крови, и Хвольсонъ съ Левисономъ выступили съ пространными записками, что все это выдумки и неправда, то Сидонскій представилъ свое мнѣніе, весьма интересное и обстоятельное, гдѣ высказалъ взглядъ, совершенно противоположный домоганіямъ еврейскихъ ученыхъ.

Сидонскій писалъ:

«Обвиненія въ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей къ нашему времени повторялись и оправдывались разслѣдованіями такъ многократно, что считать ихъ плодомъ одного предразсудка со стороны христіанъ нѣтъ болѣе возможности. Обстоятельства сего дѣтоубійства, раскрытыя различными процессами, такъ близки между собою, что заставляютъ необходимо предполагать одинаковость побужденій и цѣлей, для коихъ эти губительства совершались, наичаще повторяясь въ такихъ странахъ, гдѣ многочисленность евреевъ порождаетъ наибольше дерзости, богатство—наибольше средствъ покрыть подобное злодѣяніе подкупомъ.

Указаній на жестокую вражду іудейства противъ христіанства собрано такъ много, что нѣтъ возможности утверждать, чтобы раввинизмъ и талмудизмъ проповѣдывали по отношенію къ христіанству какую-либо терпимость...

Но при всей враждѣ противъ христіанъ раввинство, даже удаляясь отъ Моисея, не могло сдѣлать сего обряда закономъ. Возникнувъ же однажды въ изобрѣтательной головѣ изувѣра, одного или нѣсколькихъ, обрядъ сей могъ переходить отъ столѣтія къ столѣтію въ видѣ глубокаго секрета...

По современному возрѣнію, конечно, человѣческія жертвы немислимы. Но въ еврействѣ, въ свое время, онѣ замѣнены жертвами животныхъ, и законъ, требующій приношенія сихъ жертвъ, для послѣдующихъ ему не отмѣненъ новымъ равносильнымъ законодательствомъ, а только воспященъ въ своемъ исполненіи разрушеніемъ строенія (храма), съ которымъ законъ, къ счастью или несчастью, связалъ совершеніе сихъ жертвъ. Воспященный потокъ прокладываетъ тайные пути, если не въ силахъ прорвать свою плотину. Непризнаніе Мессіи, давшаго свою кровь для питія и очищенія вѣрующихъ, необходимо должно

вести къ приисканію иной крови очистительной и какая для этого будетъ лучше, какъ не дѣтская, въ коей есть еще сходство съ юностью животнаго, которое требовалось для жертвы, а что безъ крови можетъ достигаться очищеніе для еврея, это воззрѣніе, которое возникаетъ только съ новѣйшимъ раціонализмомъ. Древній еврей, жившій на временахъ перелома, когда ветхій завѣтъ долженъ былъ замѣниться новымъ, судилъ въ чисто еврейскомъ духѣ такъ: Безъ пролитія крови не бываетъ (по закону) прощенія грѣховъ (Евр. 9, 22).

Не забудемъ, что іудейство талмудическое всё отношенія религіозныя для еврея опредѣлило до послѣднихъ мелочей закономъ, а главное требованіе закона—жертвы; объ нихъ печатные трактаты сообщаютъ только историческія свѣдѣнія, какъ совершалось въ храмѣ, а какъ должно совершаться безъ онаго—говорится глухо, какъ бы дѣло это предоставлялось больше требованію обычая и преданія устнаго, не писаннаго.

Что всего больше можетъ и должно приостанавливать признаніе справедливости подозрѣній, возбуждаемыхъ обличенными преступленіями, это ненависть, которая можетъ быть возбуждена противъ цѣлаго народа еврейскаго. Не думаю, чтобы могъ кто быть болѣе меня далекъ отъ желанія возбуждать подобныя ненависти, но, глядя прямо на факты, какъ они проявляются въ исторіи и обличаютъ тяжкія преступленія, нельзя не сказать: Христіане, не думайте, чтобы ваши малютки были совершенно безопасны отъ уловленія, но не думайте и того, чтобы еврей, какъ еврей, искалъ уловлять обманомъ дѣтей вашихъ. Нѣтъ, это вырождокъ еврейскаго народа, который своимъ обрядомъ безчеститъ своего Бога, но котораго, за всѣмъ тѣмъ, должна отстаивать цѣлая нація, чтобы не подвергнуться и губительству всеобщему. Пусть евреи, если хотятъ уничтожить наши подозрѣнія, сами постараются обличить среди себя гнусный обычай, съ его достойными мрачнаго язычества обрядами,—пусть вся нація отступится отъ защиты подобныхъ злодѣевъ и мы увѣримся, что это дѣло мрака отнюдь не есть дѣло ей извѣстное, ея завѣтное».

Когда надвинулось окончательное разрѣшеніе дѣла, то жидами была предпринята новая рѣшительная попытка свести на нѣтъ грозное обвиненіе. Какова она была, видно изъ всеподданнѣйшаго доклада Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Орлова, отъ 9 іюня 1860 г.

Докладъ гласилъ:

«Шефъ Жандармовъ (князь Долгоруковъ) по Высочайшему Вашему Императорскаго Величества повелѣнію передалъ мнѣ (8 іюня 1860 г.) всеподданнѣйшую просьбу находящихся въ г. Петербургѣ евреевъ Гинцбурга, Бродскаго и другихъ, въ коей они ходатайствуютъ о пріостановленіи разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ уголовного дѣла насчетъ убійства въ г. Саратовѣ евреями двухъ мальчиковъ,—до разрѣшенія въ особѣ Комиссіи догматическаго по этому предмету вопроса. Генераль-адъютантъ князь Долгоруковъ присовокупилъ, что Вашему Императорскому Величеству угодно, дабы по сему дѣлу были представлены мною Вашему Величеству докладъ и соображеніе.

Вслѣдствіе сего долгомъ считаю всеподданнѣйше довести до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что дѣло объ означенномъ убійствѣ уже кончено въ Государственномъ Совѣтѣ. Журналъ по оному Общаго Собранія подписанъ въ минувшій понедѣльникъ 6-го іюня. Меморія по этому дѣлу, гдѣ изложены всѣ вообще подробности онаго, при семъ представляется на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Вашего Величества. Изъ этой меморіи и изъ обстоятельствъ сего дѣла Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что Государственный Совѣтъ рѣшительно не касался догматическаго по этому дѣлу вопроса, но ограничился обсужденіемъ только совершившагося факта... Въ этомъ положеніи дѣла, я съ своей стороны нахожу неудобнымъ отлагать рѣшеніе дѣла объ убійствѣ мальчиковъ по существу онаго, до разрѣшенія вопроса о томъ: допускаетъ ли еврейская вѣра употребленіе въ ея обрядахъ христіанской крови. Объ этомъ вопросѣ уже спорятъ нѣсколько столѣтій и, вѣроятно, будутъ спорить очень долго; рѣшеніе Комиссіи, о коей говорится въ просьбѣ Гинцбурга, Бродскаго и другихъ евреевъ,—Комиссіи, объ учрежденіи коей вовсе не было извѣстно Государственному Совѣту и о которой я слышу въ первый разъ,—по всей вѣроятности не разъяснитъ дѣла и не увѣритъ христіанъ... Я долженъ съ полною откровенностью объяснить, что въ настоящей просьбѣ Гинцбурга, Бродскаго и прочихъ жительствоющихъ въ г. Петербургѣ евреевъ я вижу желаніе отдалить на неопредѣленное время рѣшеніе дѣла, къ коему прикосновенны ихъ единовѣрцы и обвиненіе коихъ въ убійствѣ должно подвергнуть ихъ наказанію по всей строгости законовъ».

На докладѣ этомъ Государь Императоръ Александръ II положилъ собственноручно такую резолюцію: «Нахожу вашъ взглядъ на дѣло совершенно правильнымъ и потому Я не остановился утвердить заключеніе большинства».

Жидовскія махинаціи не избавили виновныхъ отъ справедливаго приговора, но съ какою ловкостью, какъ тонко и своевременно, не безъ чьей-то сильной поддержки, было пущено въ ходъ прошеніе «Гинцбурга, Бродскаго и другихъ», именно въ тотъ моментъ, когда назрѣло окончательное рѣшеніе дѣла, для іудеевъ, какъ они почуяли, неблагопріятное.

VII.

«Кровавый навѣтъ».

Изувѣрныя убійства, совершаемыя іудеями для полученія христіанской крови, раскинулись на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, захватили множество странъ и народовъ, возбудили громадное количество уголовныхъ дѣлъ, создали на всевозможныхъ языкахъ огромную литературу. И тѣмъ не менѣе, при возникновеніи каждаго новаго дѣла о ритуальномъ убійствѣ жида и ихъ христіанскіе подголоски поднимаютъ неистовый вопль о томъ, какъ смѣютъ возбуждать подобныя «лживыя навѣты», какъ «находятся люди, которые вѣрятъ столь чудовищнымъ, невѣроятнымъ измышленіямъ».

Однако «обвиненія въ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей къ нашему времени повторялись и оправдывались разслѣдованіями такъ многократно, что считать ихъ плодомъ одного предразсудка со стороны христіанъ нѣтъ болѣе возможности» — пишетъ въ своемъ официальномъ заключеніи о еврейскомъ догматѣ крови протоіерей Сидонскій, членъ ученой комиссіи, учрежденной въ связи съ Саратовскимъ дѣломъ. Для отрицанія ритуальныхъ убійствъ — дѣлаетъ выводъ каноникъ Пранайтисъ — «пришлось бы допустить недобросовѣстность всѣхъ судей, разрѣшавшихъ подобныя процессы въ теченіе вѣковъ и выносившихъ обвинительныя приговоры... Пришлось бы признать, что лѣтописцы разнообразныхъ странъ лгали, какъ бы сговорившись, когда писали о совершенно аналогичныхъ обстоятельствахъ злодѣяній и повторяли другъ друга нерѣдко въ мель-

чайшихъ подробностяхъ». Разборъ отдѣльныхъ процессовъ о ритуальныхъ убійствахъ, возникавшихъ въ Западной Европѣ, задавилъ бы изложеніе громадностью своего матеріала. Достаточно еще разъ отмѣтить ту часть заключенія о. Пранайтиса, гдѣ онъ удостовѣряетъ, что въ нѣкоторыхъ дѣлахъ этого рода улики были совершенно очевидны и даже выражались въ захватѣ виновныхъ на мѣстѣ совершенія преступленія, а среди обвинительныхъ приговоровъ есть и такіе, которые были постановлены съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Что касается уже разобранныхъ русскихъ процессовъ—дѣлъ Велижскаго и Саратовскаго—то нѣкоторыя сопоставленія съ дѣломъ объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго тутъ необходимы.

Во всѣхъ этихъ трехъ дѣлахъ на лицо характернѣйшій признакъ ритуальныхъ убійствъ, неизмѣнно повторявшійся въ цѣломъ рядѣ соответствующихъ западно-европейскихъ процессовъ: жертву нельзя предавать землѣ, и вотъ мертвыя тѣла замученныхъ дѣтей выброшены «какъ падаль»—хотя убійцы имѣли полнѣйшую возможность выполнить то, чего требовала ихъ безопасность: зарыть убитаго. Съ точки зрѣнія обыкновеннаго убійства такому выбрасыванію нѣтъ объясненія. Это бессмысленный, безумный поступокъ людей, совершившихъ преступленіе въ остальномъ весьма обдуманно, искусно. Но какъ только мы взглянемъ на эти убійства, какъ на ритуальныя, такъ сейчасъ же найдемъ ключъ для уясненія того, что иначе представляется необъяснимымъ. Мало того, мы убѣдимся, что дѣяствія преступниковъ, безумныя въ условіяхъ обыкновеннаго убійства, были наиболѣе цѣлесообразными въ условіяхъ убійства ритуальнаго. Недалеко отъ той пещеры, гдѣ нашли тѣло Андрюши Ющинскаго, на той же глухой и безлюдной Загоровщинѣ, было нѣсколько заброшенныхъ колодцевъ, прикрытыхъ сверху разнымъ хламомъ, глубокихъ и съ довольно большимъ количествомъ воды—особенно весною. Объ ихъ существованіи убійцы, обнаружившіе полное, отчетливое знакомство съ мѣстностью, не могли не знать. Утопить тамъ мертвое тѣло и завалить сверху прежнимъ хламомъ—не гораздо ли это проще и безопаснѣе, чѣмъ тащить въ пещеру, но топить въ водѣ, въ колодцѣ столь же недопустимо со стороны ритуала, какъ закапывать въ землю: надо выбросить. А въ такомъ случаѣ лучше мало доступной пещеры ничего не придумать: правда, запахъ разлагающагося трупа долженъ былъ бы, въ концѣ концовъ,

привлечь вниманіе, но эта опасность, при выбрасываніи, была вообще неустраима, зато представлялось полное основаніе надѣяться, что въ столь укромномъ мѣстѣ тѣло останется необнаруженнымъ до полного своего разложенія, а тогда самая главная улика, даваемая видомъ трупа и данными его вскрытія, сотрется безслѣдно. Кто могъ ожидать, что какой-то мальчикъ Элланскій, во время игры съ товарищемъ, вздумаетъ лѣзть въ пещеру? Да и это совершенно случайное событіе произошло все же лишь на девятый день послѣ убійства.

Развѣ не такія же черты даетъ намъ Саратовское дѣло? Трупъ замученнаго Шерстобитова убійцы вывезли на Волгу. Казалось бы, проще и безопаснѣе всего утопить его тамъ въ первой попавшейся проруби. Однако, нѣтъ—мертвое тѣло затащили на безлюдный, заливаемый половодьемъ островъ, въ тальникъ и тамъ бросили. Ко времени обнаруженія трупа онъ сгнилъ настолько, что вскрытіемъ очень многого установить уже нельзя было. Такъ же старались убійцы поступить съ тѣломъ другого замученнаго въ Саратовѣ мальчика — Маслова, а въ Велижѣ трупъ четырехлѣтняго Федора Емельянова преступники свалили въ болото, въ кустарникъ—пріемъ почти одинаковый.

Многочисленныя раны, обнаруженныя на тѣлѣ Емельянова, поражаютъ своимъ сходствомъ съ поврежденіями, оказавшимися у Андрюши Ющинскаго. Конечно, актъ вскрытія, составленный почти сто лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ штабъ-лекаремъ, въ общемъ совершенно неудовлетворителенъ съ современной точки зрѣнія, однако именно описаніе ранъ весьма точное и вразумительное: «маленькія, круглыя, глубиною почти въ полдюйма, подобныя происшедшимъ отъ выстрѣла крупной дробью», сдѣланныя, какъ полагаетъ штабъ-лекаръ, «гвоздемъ, у котораго острый конецъ нарочно отломленъ». Если бы этому штабъ-лекарю довелось вскрывать Андрюшу Ющинскаго, то, надо полагать, о большинствѣ ранъ, оказавшихся у несчастнаго мальчика, штабъ-лекаръ далъ бы именно такое же, до буквальной схожее заключеніе. Въ отдѣлѣ медицинской экспертизы указано, насколько трудно поразить кровеносный сосудъ колющимъ орудіемъ, и объяснено, что трудность эта устраняется, если орудіе будетъ не колющимъ, а колюще-рѣзущимъ, другими словами, если конецъ такого орудія (напримѣръ, шила, швайки, большого гвоздя) будетъ обломанъ и потомъ заточенъ, если на концѣ колющаго орудія окажется нѣкоторое рѣзущее протяженіе. Съ дру-

гой стороны въ главахъ, отведенныхъ вопросамъ ритуала, установлена разница, съ точки зрѣнія іудейскаго религіознаго закона, между кровью, добытою путемъ разрѣзыванія (ее надо покрывать) и кровью, добытою отъ прокалыванія (ея можно не покрывать). Эти данныя приводятъ къ выводу, что, разъ тѣло жертвы, послѣ ритуальнаго убійства, выбрасывается «какъ падалъ», то добываніе крови при такомъ убійствѣ должно производиться путемъ прокалыванія, а такъ какъ колющее орудіе неудобно въ техническомъ отношеніи, то отсюда естественный выходъ, что орудіе это надо заточить: тогда и законъ будетъ соблюденъ — ибо добытую кровь можно разсматривать, какъ полученную отъ прокалыванія,—и техническая трудность устранится, ибо колющее орудіе, будучи заточено, для пораженія кровеносныхъ сосудовъ вполне удобно.

И вотъ оказывается, что именно такой способъ былъ примѣненъ и при убійствѣ Андрюши Ющинскаго и, почти сто лѣтъ назадъ, при убійствѣ Федора Емельянова.

«Сіе злодѣяніе исполнено на раздѣтомъ ребенкѣ, ибо на его рубашкѣ вовсе знака крови не было»,—пишетъ штабъ-лекаръ.

То же самое было и съ Андрюшею Ющинскимъ: онъ былъ раздѣтъ до рубашки, а рубашку убійцы, нанося удары, поднимали и кололи въ голое тѣло.

«Губы крѣпко къ зубамъ и носъ ко рту придавлены... Ротъ былъ крѣпко завязанъ»...—удостоверяетъ про Федора Емельянова штабъ-лекаръ, догадываясь далѣе: «дабы крика его не было слышно».

У Ющинскаго «на внутренней поверхности губъ были замѣтны слѣды отъ надавливанія зубовъ съ ссадненіемъ слизистой оболочки».

Экспертиза категорически установила, что отверстія носа и рта у мальчика были закрыты, что задушеніе было доведено до того періода, когда появляются судороги всего тѣла, наступаетъ потеря сознанія.

Это гораздо больше того, что требовалось, дабы обезопасить себя отъ крика ребенка. Да и у Емельянова врядъ ли нужно было только для этой цѣли «придавливать крѣпко носъ ко рту», а потому не лишнее по поводу этихъ данныхъ, столь схожихъ между собою и въ отношеніи Ющинскаго, и въ отношеніи Емельянова, имѣть въ виду 1) ту часть заключенія о. Пранайтиса, гдѣ онъ указываетъ на опредѣленный, жертвенный, каба-

листическій способъ убійства: «при заткнутомъ ртѣ, какъ у животнаго, которое умираетъ безъ голоса и рѣчи»; 2) тотъ безспорный фактъ, что душеніемъ (закрытіемъ, зажиманіемъ не только рта, но и носа) вызывается явленіе, для обезкровленія отнюдь не безразличное: сильный притокъ крови къ виѣшной поверхности тѣла.

А то обстоятельство, что убійцы Емельянова принимали во вниманіе «циркуляцію крови», удостовѣряетъ тотъ же штабъ-лекаръ. Въ его заключеніи читаемъ: «ноги (младенца) потому были сильно связаны, дабы теченіе крови къ верхнимъ частямъ болѣе привести».

Федоръ Емельяновъ подвергся обрѣзанію, а ногти у него на рукахъ и на ногахъ обстрижены вплоть до мякоти. Обрѣзаны были и жертвы Саратовскихъ убійствъ, Масловъ и Шерстобитовъ, причемъ у Шерстобитова ногти тоже обстрижены вплоть до мякоти. На тѣлѣ Андрюши Ющинскаго слѣдовъ обрѣзанія не оказалось, но на вискѣ обнаружена группа ранъ, числомъ 13, нанесеніе которыхъ было непонятно, необъяснимо ни цѣлью лишить жизни, ни желаніемъ истязать, мучить, ни намѣреніемъ собрать изъ нихъ кровь, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что раны эти нанесены не случайно, а умышленно, обдуманно. Но вотъ, когда обратились къ вопросамъ ритуала, то выяснилось, что, согласно Каббалѣ, каждое слово имѣетъ свое цифровое выраженіе и число 13 есть выраженіе слова «эхадъ», а словомъ «э адъ» оканчивается та молитва, съ которою долженъ отходить въ вѣчность каждый благочестивый еврей, причемъ вся сила молитвы именно въ этомъ словѣ. Мало того, кабалистическій текстъ (Зогаръ, II, 119, а.), опредѣляющій, согласно указанію о. Пранайтиса, что «смерть ихъ (аммэ гаарець— не-евреевъ) пусть будетъ при заткнутомъ ртѣ, какъ у животнаго»... далѣе гласитъ, что «ежедневно должно быть его убіеніе во Эхадѣ, какъ при убіеніи скота— двѣнадцатью испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ тринадцать».

Такимъ образомъ, раненія, непонятныя, необъяснимыя съ точки зрѣнія обыкновеннаго убійства, получаютъ полный смыслъ съ точки зрѣнія убійства ритуальнаго: на вискѣ жертвы было начертано слово, которому убійцы-изувѣры придавали громадное жертвенное значеніе.

Думаю, что это начертаніе, совершенное на несчастномъ Андрюшѣ, представляется явленіемъ того же порядка, какъ

обрѣзаніе, учиненное надъ Емельяновымъ, Масловымъ, Шерстобитовымъ. Это первый актъ ритуальнаго убійства и источенія крови: кровавое посвященіе жертвы.

Въ Саратовскомъ дѣлѣ есть показаніе Маріи Слюняевой о томъ, какъ она доставляла кровь изъ Саратова въ Ляды Хацкелю Коникову. Слѣдователь послѣ такого показанія немедленно произвелъ въ Лядахъ у Хацкеля Коникова внезапный обыскъ, и подъ кивотомъ, въ которомъ хранилась сейферъ-торе (библія на пергаментѣ), въ особомъ выдвижномъ ящикѣ нашелъ лоскутъ холста, пропитанный кровью и завернутый въ три полуплиста печатной по-еврейски бумаги. Листки эти содержали повѣствованіе объ избіеніи первенцевъ у египтянъ и обряды о принесеніи жертвъ. Объясненія Хацкеля Коникова и его домашнихъ оказались явно измышленными.

Итакъ, храненіе іудеемъ пропитаннаго кровью холста въ обстановкѣ, свидѣтельствующей, что это предметъ религіознаго значенія—таковъ фактъ, установленный незыблемо результатами обыска, не говоря уже о сопутствующихъ этому факту уликахъ, о томъ, почему былъ произведенъ самый обыскъ.

И вотъ оказывается, что въ сочиненіи о ритуальныхъ жиновскихъ убійствахъ, изданномъ по-гречески, въ Константинополѣ, появившемся впервые за пятьдесятъ лѣтъ до возникновенія Саратовскаго дѣла, способъ употребленія христіанской крови для іудейскихъ обрядовъ описывается именно такой, который вполнѣ соответствуетъ найденному въ Лядахъ: согласно разоблаченіямъ монаха Неофита, бывшаго раввина, кровью пропитываются тряпки и полученный отъ ихъ сжиганія пепелъ замѣняетъ самую кровь.

Весьма достопримѣчательно мнѣніе такого выдающагося знатока Востока, какъ епископъ Порфирій Успенскій. Въ матеріалахъ для его біографіи, изданныхъ въ 1910 г. Императорскою Академіею Наукъ, одно изъ писемъ, написанныхъ этимъ замѣчательнымъ ученымъ, въ познаніяхъ и добросовѣстности котораго невозможно сомнѣваться (второй томъ «матеріаловъ», стр. 578—580) гласитъ:

«Какъ христіанскіе народы удержали многія языческія суевѣрія, такъ и евреи, разумѣется не всѣ, продолжаютъ проливать кровь младенцевъ и отроковъ не ихъ племени по древнѣйшему преданію, указывающему искупленіе цѣ-

лаго рода ихъ въ кровавой человѣческой жертвѣ... На Востоку всѣ увѣрены въ томъ, что убіеніе христіанскихъ мальчиковъ евреями распредѣлено такъ, что сіе злодѣйство совершается въ одинъ годъ, напримѣръ, въ Солуни, въ другой въ Дамаскѣ, въ третій—въ Испани, или Россіи, или Валахіи и т. д., и что полотенца, намоченныя кровью злополучной жертвы, сожигаются, а пепель ихъ разсылается во всѣ синагоги для запеченія его въ пасхальномъ хлѣбѣ... Судите послѣ сего, какъ трудно уличить ужасное преступленіе... Скорблю о существованіи такого изувѣрства между евреями».

Если бы Императорская Академія Наукъ не считала епископа Порфирія Успенскаго ученымъ высоко-авторитетнымъ, она бы, вѣроятно, не предприняла печатанія «матеріаловъ» для его біографіи...

Кромѣ данныхъ о доставкѣ крови изъ Саратова въ Ляды, Саратовское дѣло даетъ указаніе еще на одно мѣсто, куда шла переписка, касавшаяся отправки крови: «на адресъ было написано: Любавичскому ходоку Таулкину, а внизу: для передачи Любавичскому раввину».

Такъ какъ жидамъ удалось вырвать вопросъ о сектѣ, о догматѣ крови изъ рукъ работавшихъ въ Саратовѣ слѣдственныхъ властей, то для нихъ, ограниченныхъ въ рамкахъ своего изслѣдованія только изувѣрными убійствами, учиненными въ Саратовѣ, указаніе на Любавичи потеряло свое роковое значеніе. Однако, предшествующимъ изложеніемъ достаточно выяснена та роль, которую играли Любавичи въ исторіи жидовскихъ изувѣрныхъ сектъ и ученій. И вотъ, въ Саратовскомъ дѣлѣ, въ указаніи на письмо о доставкѣ крови, названъ не какой-либо иной пунктъ, а именно Любавичи, изъ дѣла же объ убійствѣ Ющинскаго видно, что на еврейскомъ кирпичномъ заводѣ, гдѣ онъ былъ замученъ, единственнымъ человѣкомъ, проживавшимъ тамъ безъ всякаго отношенія къ кирпичному производству, былъ Файвель Шнеерсонъ изъ Любавичъ.

Полагаю, не нужно повторять, каково значеніе рода Шнеерсоновъ и для Любавичей, и для исторіи хасидизма, но нельзя не отмѣтить еще одного совпаденія, сюда относящагося: Грець, посвящая въ своей двѣнадцати-томной исторіи евреевъ особое приложеніе Залману Шнеерсону, основателю литовскаго толка

хасидовъ, озаглавливаетъ это приложение: «Шнееръ Залманъ изъ Ляды» (т. XII, стр. 518), а въ текстѣ (стр. 110) пишетъ: «Шнееръ Залманъ изъ Ляды (род. въ Лознѣ, близъ Витебска, 1751 г., ум. 1813 г.), обычно называемый просто Лядійскимъ... сдѣлалъ Любавичъ центромъ своихъ приверженцевъ» и т. д.

Цитированная выше (на стр. 299, 401) «Еврейская Энциклопедія» также удостовѣряетъ тѣсную связь Залмана Шнеерсона съ Лядами. Сообщая, что въ концѣ марта 1801 г., съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I, Залманъ Шнеерсонъ былъ освобожденъ изъ тюремнаго заключенія, въ которомъ онъ содержался при Павлѣ I, названный еврейскій источникъ продолжаетъ: «послѣ этого онъ (Шнеерсонъ) переселился въ м. Ляды, гдѣ отдался всецѣло своимъ научнымъ работамъ, заботамъ объ упрядоченіи хасидскихъ общинъ и духовному руководительству своими послѣдователями». Далѣе, переходя къ потомству Залмана Шнеерсона, въ періодѣ до 1866 г., Энциклопедія пишетъ, что «раби Хаимъ-Залманъ осѣлъ въ Лядахъ, а раби Самуиль Шнеерсонъ въ Любавичахъ. Ихъ потомки занимаютъ и нынѣ посты падиговъ» (т. XVI, стр. 58).

Итакъ, согласно еврейскимъ источникамъ, родоначальникъ Шнеер'оновъ и основатель литовскаго толка хасидовъ сосредоточилъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, въ двухъ мѣстечкахъ: въ Любавичахъ и въ Лядахъ. А Саратовское дѣло, въ которомъ ни о Шнеерсонахъ, ни вообще о хасидахъ никакого изслѣдованія не производилось, выдвигаетъ, въ качествѣ пунктовъ, связанныхъ съ доставкой крови, тоже главнымъ образомъ два мѣстечка: Любавичи и Ляды.

Изъ другихъ сопоставленій обращаютъ вниманіе сходственные черты въ дѣйствіяхъ полиціи кievской и саратовской. О роли Красовскаго, брившаго и завивавшаго Луку Приходьку, о роли Мищука, прибѣгнувшаго къ подлогу для того, чтобы направить слѣдствіе по невѣрному пути, отвлекающему вниманіе отъ жидовъ, изложено подробно въ первой части настоящей книги. Оказывается, отъ сихъ героевъ кievскаго сыска саратовскій приставъ Вандышевъ ушелъ недалеко: онъ тоже былъ признанъ виновнымъ въ подлогѣ, благодаря которому удалось освободиться изъ тюрьмы и на продолжительное время безслѣдно исчезнуть изъ Саратова Акулинѣ Дмитріевой, прислугѣ главнаго виновника, Юшкевича, показанія которой, особенно на первыхъ порахъ, могли быть губительны для этого подсудимаго

Отцы замученныхъ въ Саратовѣ мальчиковъ, Масловъ и Шерстобитовъ, «ежедневно просили» полицію произвести обыски въ жидовскихъ помѣщеніяхъ, но полиція упорно «подозрѣніе это отводила» и ни одного обыска не произвела.

Развѣ не то же самое повторилось шестьдесятъ лѣтъ спустя въ Кіевѣ, когда бабушка Андрюши, 70-лѣтняя старуха Нѣжинская, во время обысковъ, производимыхъ полиціею, вопреки очевидности, у нея, на Слободкѣ, «кричала, плакала, говорила: Что вы дѣлаете!? что вы тутъ шукаете, вы бы шукали тамъ, гдѣ люди его напши... Тамъ не хотѣли шукать, а только до насъ ходили»...

Что касается Велижскаго дѣла, то въ немъ, правда, указаній на прямыя злоупотребленія мѣстной полиціи не содержится, однако, и въ Велижѣ настоящее разслѣдованіе началось лишь тогда, когда о томъ, два года спустя, послѣдовала особая Высочайшая резолюція—а тѣмъ временемъ успѣли все дѣло «предать волѣ Божьей». Вотъ почему я и теперь продолжаю пребывать въ той же увѣренности, которую я высказалъ очень скоро послѣ обнаруженія трупа Ющинскаго: жида рѣшаются на ритуальныя убійства лишь тамъ, гдѣ они имѣютъ основанія считать, что полиція имъ не опасна.

На судѣ по дѣлу Бейлиса представитель обвинительной власти, поддержанный А. С. Шмаковымъ и мною, просилъ огласить протоколъ осмотра Саратовскаго дѣла, произведенный на предварительномъ слѣдствіи Н. А. Машкевичемъ по актамъ подлиннаго производства, хранящимся въ архивѣ Государственнаго Совѣта. Эта наша просьба встрѣтила самыя рѣшительныя возраженія со стороны представителей защиты, Карабчевскаго и Грузенберга, въ результатѣ чего Окружный Судъ постановилъ отказать въ нашемъ ходатайствѣ, въ виду того, что въ документахъ, объ оглашеніи коихъ мы просили, «заключаются свидѣтельскія показанія по другимъ дѣламъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ существу предъявляемаго къ подсудимому Бейлису обвиненія; что въ разясненіе вопросовъ историко-религіознаго характера приглашены по настоящему дѣлу эксперты, которымъ, какъ ученымъ специалистамъ, стороны и могутъ предлагать вопросы, касающіеся названныхъ дѣлъ, поскольку въ этомъ представится надобность».

На мой вопросъ, послѣдовавшій послѣ прочтенія судомъ этого опредѣленія:

— И мнѣніе Государственнаго Совѣта (по Саратовскому дѣлу) не подлежитъ оглашенію?

Предсѣдатель отвѣтилъ:

— Да, и Государственнаго Совѣта, потому что въ немъ имѣются свидѣтельскія показанія.

Такое постановленіе суда, сильнѣйшимъ образомъ ограничившее, стѣснившее права прокурора и насъ, гражданскихъ истцовъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ всего процесса, я никоимъ образомъ не могу считать правильнымъ.

Разъ Бейлису, согласно обвинительнаго акта, предъявлялось обвиненіе въ убійствѣ по религіознымъ, изувѣрнымъ побужденіямъ, разъ по дѣлу подлежалъ изслѣдованію общій вопросъ о существованіи среди жидовъ изувѣрныхъ убійствъ и догмата крови (у особой ли секты, у отдѣльныхъ ли фанатиковъ — это въ данномъ случаѣ безразлично); разъ по этому вопросу была даже допущена особая экспертиза, то, внѣ сомнѣній, Саратовское дѣло къ сему предмету имѣло прямое отношеніе. Этого не могъ отрицать и судъ, ибо онъ, отказывая въ оглашеніи протокола осмотра названнаго дѣла, разрѣшилъ однако по обстоятельствамъ такового предлагать вопросы экспертамъ. Сочетаніе, едва ли послѣдовательное, ибо, если «прямого отношенія» не существуетъ, то нѣтъ мѣста и подобнымъ вопросамъ.

Столь же неправильно и другое, главное, повидимому, основаніе, приводимое судомъ: наличность въ актахъ, предполагаемыхъ къ оглашенію, свидѣтельскихъ показаній, тогда какъ, молъ, самые свидѣтели эти на судъ по дѣлу Бейлиса не вызывались. Сей доводъ усиленно выдвигался Грузенбергомъ: «мы можемъ пользоваться приговорами по другимъ дѣламъ лишь тогда, когда лица, показанія которыхъ изложены въ тѣхъ приговорахъ, вызваны на судъ въ качествѣ свидѣтелей» — заявлялъ, ссылаясь на кассационную практику, Грузенбергъ.

Оставляя даже въ сторонѣ, насколько вѣрно съ общей, принципиальной стороны, а также съ точки зрѣнія кассационной практики это положеніе — въ значительной мѣрѣ, однако, спорное и сомнительное — надлежитъ признать, что оно къ данному случаю совершенно непримѣнимо. Во-первыхъ, Саратовскія убійства были учинены за 60 лѣтъ до суда надъ Бейлисомъ. Значитъ, свидѣтелямъ, на которыхъ ссылаются акты Саратовскаго производства, должно было бы быть къ 1913 году, въ среднемъ, лѣтъ около ста. Очевидно, на производство это над-

лежить смотрѣть, какъ на историческій документъ оффиціальнаго характера, весьма важный для той историко-догматической экспертизы, которая была на судѣ произведена. Во-вторыхъ, со стороны процессуальной необходимо помнить, что Саратовское дѣло было разрѣшено въ періодъ дореформеннаго суда, когда теперешняго вызова свидѣтелей на судебное слѣдствіе и прекрестнаго ихъ допроса не существовало вовсе. Состоявшійся по Саратовскому дѣлу мотивированный приговоръ, или, точнѣе, «мнѣніе» Государственнаго Совѣта, на оглашеніи коего я особенно настаивалъ, былъ постановленъ безъ какого-либо вызова въ засѣданіе Государственнаго Совѣта свидѣтелей. Послѣ Высочайшаго утвержденія мнѣніе это сдѣлалось закономъ для даннаго случая — а чтобы огласить его, нужно, оказывается, вызывать свидѣтелей, не вызывавшихся самимъ учрежденіемъ, отъ котораго исходятъ оффиціальныя акты, предполагаемые къ оглашенію. Спрашивать экспертовъ о содержаніи приговора можно, а прочесть подлинникъ нельзя...

Конечно, и прокуроръ, и мы, гражданскіе истцы, постарались использовать въ этомъ направленіи допросъ экспертовъ, но все же установленныя такимъ путемъ данныя по Саратовскому дѣлу не могли идти въ сравненіе по силѣ, глубинѣ и цѣльности впечатлѣнія съ тѣмъ, которое получилось бы отъ оглашенія самыхъ актовъ Саратовскаго производства.

Увѣнчавшіяся успѣхомъ старанія защиты этого не допустить, несомнѣнно, соотвѣтствовали интересамъ подсудимаго, также, какъ, на примѣръ, была вполне въ этихъ интересахъ попытка защитниковъ, правда оставшаяся безплодною, воспрепятствовать оглашенію такого документа, какъ письмо Феофилактова. Однако, когда пробуютъ утверждать, что въ дѣлѣ Бейлиса защита преслѣдовала не только задачу добиться оправданія подсудимаго, но и цѣль идти на встрѣчу возможно широкому и безпрепятственному раскрытію истины во всей ея полнотѣ, то позволительно усумниться, насколько этой второй цѣли соотвѣтствовали возраженія защиты противъ оглашенія вышеупомянутыхъ актовъ и документовъ, осмотрѣнныхъ на предварительномъ слѣдствіи...

Вообще, положеніе вопіющихъ о кровавомъ навѣтѣ становится критическимъ, когда отъ шумихи общихъ фразъ объ истинѣ и справедливости имъ приходится обращаться къ фактамъ и положительнымъ свѣдѣніямъ. Недаромъ въ Саратов-

скомъ дѣлѣ присягавшій «по собственному движенію» Левинсонъ, бывшій Веймарскій рѣзникъ, а затѣмъ профессоръ Духовной Академіи, высказывалъ «сердечное желаніе», чтобы дѣло это «было однажды навсегда уничтожено», если, де, какъ онъ вполне убѣжденъ, «взносимое на евреевъ обвиненіе окажется ложнымъ».

Казалось бы наоборотъ: разъ Левинсонъ вполне убѣжденъ, что евреевъ обвиняютъ несправедливо, то, съ его точки зрѣнія, дѣло надо тщательно и всемѣрно сохранить, ибо оно послужитъ на будущее время яркимъ и безспорнымъ документальнымъ доказательствомъ еврейской невинности. Если обвиненіе ложно, если евреи оправданы,—зачѣмъ же уничтожать, да еще такъ рѣшительно: «однажды навсегда».

Уничтожить и воспретить! Какъ мало вяжутся эти домогательства съ тѣми либеральными лозунгами, которые при всякомъ удобномъ случаѣ выдвигаются на показъ представителями еврейства. А между тѣмъ, какъ только возникало гдѣ-либо дѣло о ритуальномъ убійствѣ, такъ сейчасъ же, не считаясь съ данными судебнаго разслѣдованія и не дожидаясь ихъ конца, поднималась въ жидовскомъ муравейникѣ возня, что, молъ, подобныя дерзновенныя обвиненія или уже воспрещены вообще, или должны подвергнуться воспрещенію.

Сборники сихъ запрещеній даже заготовлялись, повидимому, впрокъ. Такъ, по Саратовскому дѣлу извѣстный ученый Костомаровъ, сообщая, что онъ это дѣло «близко знаетъ», «потому что жилъ въ то время въ Саратовѣ и, находясь на службѣ, былъ прикомандированъ къ слѣдователю», удостовѣряетъ «нахожденіе у еврея Янкеля (Юшкевичера), занимавшагося окраскою мѣховъ, сборника разныхъ историческихъ документовъ, показывавшихъ, что въ разныя времена и въ разныхъ странахъ правительства давали охранительныя грамоты, которыми воспрещалось обвинять евреевъ въ пролитіи дѣтской крови съ религіозною цѣлью. Здѣсь были и папскія буллы, и императорскіе декреты и грамоты различныхъ королей и т. д., и т. д., большею частью печатные, вырѣзанные изъ изданій разныхъ вѣковъ, различной печати и на всѣхъ европейскихъ языкахъ, немногіе были не печатные, а переписанные, какъ видно, изъ рѣдкихъ изданій. Все это было переплетено въ одну книгу. Эта книга возбудила въ свое время большое подозрѣніе: видно было, что собиратель приложилъ немалый трудъ, разыскивая эти

документы, вырѣзывая изъ разныхъ изданій и соединяя ихъ вмѣстѣ — и зачѣмъ, казалось, еврею-промышленнику нуженъ былъ плодъ такой ученой работы, когда у него, кромѣ этой книги, найдены были однѣ общія религіозныя еврейскія книги?» Но все ограничилось здѣсь только подозрѣніемъ—заканчиваетъ Костомаровъ, ибо слѣдственная коммиссія въ этой «книжечкѣ» «уже не нуждалась, при болѣе важныхъ юридическихъ фактахъ»¹⁾.

Въ дѣлѣ Бейлиса исторія съ «запрещеньями», хотя и въ совершенно другихъ условіяхъ, но выпла тоже не изъ удачныхъ для интересовъ еврейства. 30 ноября 1911 г. торжественно появилось въ газетахъ воззваніе «къ русскому обществу по поводу кроваваго навѣта на евреевъ». Сообщая, что по «еще неразслѣдованному убійству въ Кіевѣ мальчика Ющинскаго въ народъ опять кинута лживая сказка объ употребленіи евреями христіанской крови» и совѣтуя «бояться сѣющихъ ложь», воззваніе авторитетно удостовѣряетъ: «многіе папы, духовные и свѣтскіе правители клеймили злое суевѣріе и разъ навсегда запрещали властямъ придавать разслѣдованію убійствъ вѣроисповѣдное значеніе. У насъ такой указъ былъ изданъ 6 марта 1817 г. Императоромъ Александромъ I и подтвержденъ 18 января 1835 г. въ царствованіе Императора Николая I». Подъ воззваніемъ были пропечатаны фамиліи около ста лицъ, его подписавшихъ, съ увѣдомленіемъ, что подписаніе продолжается. Лица были выбраны, видимо, все повиднѣй: шесть членовъ Государственнаго Совѣта, нѣсколько членовъ Государственной Думы, профессора, писатели, публицисты. Очевидно, затѣвалось нѣчто внушительное въ смыслѣ воздѣйствія на «общественное мнѣніе». И вотъ, въ такомъ, претендующемъ на сугубую серьезность документѣ, подписанномъ профессорами Петроградскаго университета съ ректоромъ Гриммомъ во главѣ, въ

¹⁾ Полемика Костомарова съ Хвольсономъ. «Новое Время», 1879 г., № 1172. Въ полномъ собраніи сочиненій Костомарова этой статьи нѣтъ. Въ комплектѣ номеровъ «Новаго Времени» за 1879 г., хранящихся въ Петроградской Императорской Публичной Библіотекѣ № 1172 тоже нѣтъ. Всѣ остальные номера на лицо, но этотъ, согласно справкѣ Библіотеки, уничтоженъ читателемъ. Самый тотъ фактъ, что извѣстный русскій историкъ, ученый, профессоръ, чловѣкъ либеральнаго, если не радикальнаго лагеря, выступилъ съ печальнымъ возраженіемъ противъ лучшаго еврейскаго авторитета, отрицающаго ритуальныя убійства—уже одно это обстоятельство весьма многозначительно: очевидецъ того, что происходило въ Саратовѣ, былъ не въ силахъ молчать...

документъ, гдѣ историческихъ фактовъ и датъ приведено вообще очень немного, допущено грубѣйшее извращеніе событій отъ общественной исторіи изъ области совѣмъ недавняго прошлаго¹⁾. Вполнѣ естественно, что авторы воззванія могли не знать той фальсификаціи съ папскими буллами, которую разоблачилъ Пранайтисъ, но какъ же цѣлый сонмъ ученыхъ могъ приписать Императору Николаю I діаметрально противоположное дѣйствительности!

Предшествующимъ изложеніемъ документально установлено, что на проектъ подтвердить Высочайшее повелѣніе 6 марта 1817 г., со стороны Императора Николая I соизволенія не воспослѣдовало, а борющіеся со «старой ложью» ученые писатели, и иные видные дѣятели увѣряютъ «русское общество», что Императоръ Николай I подтвердилъ повелѣніе 6 марта 1817 г., когда, наоборотъ, Государь отказалъ въ подтвержденіи. Этого мало: какъ авторы воззванія вообще рѣшились въ своемъ отрицаніи ритуальныхъ убійствъ сослаться на волеизъявленія Русскихъ Государей!? Если есть возможность толковать въ этомъ смыслѣ отдѣльно взятое Высочайшее повелѣніе Императора Александра I отъ 6 марта 1817 г., то подобное толкованіе, само по себѣ весьма спорное и произвольное, становится совершенно невозможнымъ при сопоставленіи съ послѣдующимъ историческимъ событіемъ того же царствованія—съ дѣйствіями Императора Александра I по Велижскому дѣлу. Отношеніе Императора Николая I къ ритуальнымъ убійствамъ выражено очень опредѣленно въ приведенной выше резолюціи Государя 22 января 1835 г.; въ то же царствованіе было затѣмъ назначено изъ Петербурга особое, строгое и обстоятельное, разслѣдованіе о Саратовскихъ убійствахъ. Наконецъ, Императоръ Александръ II утвердить обвинительный приговоръ Государственнаго Совѣта по Саратовскому дѣлу и нашелъ совершенно правильнымъ взглядъ, выраженный по сему предмету въ особомъ докладѣ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

Таковы событія трехъ послѣдовательныхъ царствованій, охватывающихъ восемьдесятъ лѣтъ и начавшихся очень скоро послѣ того, какъ въ Россію, съ раздѣлами Польши, влилась крупная масса еврейскаго населенія. Вопіющимъ о кровавомъ налѣтѣ лучше бы на Русскихъ Государей не сослаться.

¹⁾ Текстъ всего воззванія и подписи приведены въ приложеніи.

Существованіе іудейскихъ изувѣрныхъ убійствъ признано народными массами ¹⁾. Признавалось самими евреями. Признано многими учеными изслѣдователями. Признано и западноевропейскими судами и, въ порядкѣ судебномъ, высшимъ государственнымъ установленіемъ Россійской Имперіи. Признано Русскими Государями. Удостоверено церковью и православною, и римско-католическою.

Вотъ почему въ воззваніяхъ, подобныхъ опубликованному 30 ноября 1911 г. «обращенію къ русскому обществу», авторамъ приходится или отдѣлываться общими фразами, или прибѣгать къ утвержденіямъ, явно несогласнымъ съ истиной.

Это, впрочемъ, не мѣшаетъ писать въ воззванія съ большимъ апломбомъ:

«Бойтесь сѣющихъ ложь».

¹⁾ Насколько это убѣжденіе было распространено въ прежней Польшѣ, свидѣтельствуютъ стихи такого польскаго поэта, какъ Мицкевичъ:

«Предстоящихъ стонъ
 Былъ воплемъ Зоси заглушенъ....
 Она, обѣими руками
 Судью съ усилъемъ обхватя,
 Кричала рѣзко, какъ дитя,
 На Пасху взятое жидами,
 Когда, чтобъ кровь его добыть,
 Они, укрывъ его подъ пологъ,
 Со всѣхъ сторонъ спѣшать вонзять
 Въ бѣдняжку тысячи иголовъ!..»

(Изъ поэмы «Панъ Тадэушъ», описаніе «Наѣзда». Изданіе М. О. Вольфа. 1902, т. 3, гл. 8, стран. 102).

Признаетъ ритуальные убійства въ своихъ стихахъ и Тарасъ Шевченко, тотъ Шевченко, торжественно чествовать юбилей котораго такъ дружно добивался въ февралѣ 1914 г. весь лѣвый лагерь, именуя Шевченку великимъ, чисто народнымъ поэтомъ Малороссіи.

Шевченко такими строками описываетъ мать, народившую столько дѣтей, что она не знаетъ, куда ихъ дѣвать:

Наплодила, наводила,
 Та нема де дити. .
 Чи то потопити?
 Чи то подушити?
 Чи жидови на кровь продать,
 А гроши пропити?

(Полное собраніе сочиненій изд. 1908 г., стр. 295).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По дѣлу объ убійствѣ Андруши Ющинскаго на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей судомъ были предложены два вопроса: 1) о событіи преступленія и 2) о виновности Менделя Бейлиса. Первоначально судъ предполагалъ ограничиться только вторымъ вопросомъ и первый вопросъ былъ поставленъ судомъ лишь по моему настоянію, противъ чего усиленно возражала защита. Затѣмъ, когда судъ, рѣшивъ принципиально выдѣлить особый вопросъ о событіи преступленія, огласилъ предполагаемую его редакцію, то защита снова возражала уже противъ этой редакціи, а именно противъ включенія въ вопросъ указанія, что убійство совершено «на заводѣ Зайцева». Такъ какъ, по мнѣнію защиты, «представляется спорнымъ», гдѣ совершено преступленіе, то надлежитъ, не упоминая о заводѣ Зайцева, опредѣлить мѣсто убійства «болѣе широко», сказавъ лишь «въ Кіевѣ», безъ дальнѣйшихъ объясненій, гдѣ именно. Столь изумительное домогательство защиты вызвало мое возраженіе, что невключеніе въ предлагаемый присяжнымъ вопросъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ только потому, что таковыя, по мнѣнію защиты, «спорны», представляется совершенно неслыханнымъ.

Судъ, отклонивъ ходатайство защитниковъ, утвердилъ вопросъ о событіи преступленія въ предположенной редакціи, а затѣмъ, въ напутственномъ словѣ, предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что, буде они признаютъ недоказаннымъ совершеніе убійства именно «на заводѣ Зайцева», то это обстоятельство могутъ отвергнуть путемъ ограничительнаго отвѣта на первый вопросъ, сказавъ, напримѣръ: «да, доказано, но не на кирпичномъ заводѣ». Точно также путемъ ограничительнаго отвѣта, они, присяжные, могутъ исключить изъ во-

проса всякое обстоятельство, признаваемое ими по дѣлу неустановленнымъ.

Первый вопросъ, въ окончательной редакціи, гласилъ слѣдующее: «Доказано ли, что 12-го марта 1911 года въ Кіевѣ, въ Лукьяновкѣ, на Верхне-Юрковской улицѣ, въ одномъ изъ помѣщеній кирпичнаго завода, принадлежащаго еврейской хирургической больницѣ, находящейся въ завѣдываніи купца Марка Іонова Зайцева, 13-лѣтнему мальчику, Андрею Ющинскому, при зажатомъ ртѣ, были нанесены колющимъ орудіемъ въ теменной, затылочной и височной областяхъ, а также въ шеѣ раны, сопровождавшіяся пораненіями мозговой вены, артеріи лѣваго виска и шейныхъ венъ, и давшія вслѣдствіе этого обильное кровотеченіе, а затѣмъ, когда изъ Ющинскаго вытекла кровь въ количествѣ до пяти стакановъ, ему вновь были причинены такимъ же орудіемъ раны въ туловище, сопровождавшіяся пораненіями легкихъ, печени, правой почки и сердца, въ область котораго были направлены послѣдніе удары, каковыя раненія, въ своей совокупности числомъ 47, вызвавъ мучительныя страданія Ющинскаго, повлекли за собою почти полное обезкровленіе тѣла и смерть его».

На этотъ вопросъ присяжные засѣдатели отвѣтили:

«Да, доказано».

На вопросъ о виновности Бейлиса въ совершеніи убійства, послѣдовалъ отвѣтъ: «Нѣтъ, не виновенъ».

Почему, какъ, сколькими голосами былъ оправданъ Бейлисъ—это тайна совѣщательной комнаты, въ которую я вторгаться не буду, но остановиться на томъ, что признано и что отвергнуто отвѣтомъ на первый вопросъ—препятствій нѣтъ.

Отвергнута «чеберяковская версія». Признано, что 13-лѣтній мальчикъ Ющинскій убитъ не въ усадьбѣ Захарченки, не на квартирѣ Чеберяковой, какъ утверждали защитники Бейлиса, а на еврейскомъ кирпичномъ заводѣ, въ одномъ изъ его помѣщеній.

Признано, далѣе, «почти полное обезкровленіе».

Ходъ убійства установленъ именно такой, какой былъ очерченъ проф. Косоротовымъ, Оболонскимъ, Туфановымъ: сначала, при заткнутомъ ртѣ, раны головныя и шейныя; потомъ роковой перерывъ, сопровождавшійся истеченіемъ крови до пяти стакановъ, и, наконецъ, нанесеніе «вновь» ранъ, уже въ туловище, въ сердце.

Думаю, каждый безпристрастный человек согласится, что такое описание события преступления есть описание ритуального убийства.

Правда самые эти слова не произнесены, не сказано, что мальчик убить «евреями по изувѣрнымъ побужденіямъ для получения христіанской крови», однако, этого и не могло быть сказано по условіямъ юридическимъ, процессуальнымъ. Русскій уголовный законъ караетъ за умышленное убійство вообще, не предусматривая специально убійства «ритуального», «изувѣрнаго», а тѣмъ болѣе совершеннаго «для получения крови». Что касается, затѣмъ, вопроса о событіи преступления, то онъ долженъ заключать въ себѣ лишь то, что относится къ этому событію (признаки объективные), отнюдь не затрагивая того, что относится къ лицу, совершившему преступленіе (признаки субъективные). Внести въ вопросъ, что убійство совершено евреями, значило бы грубо нарушить это требованіе уголовного процесса, тогда какъ указаніе, что Ющинскій лишенъ жизни на заводѣ, принадлежащемъ еврейской хирургической больницѣ—представлялось исполнѣ правильнымъ, ибо этими словами опредѣлялось, гдѣ совершено преступленіе (признакъ объективный). По тѣмъ же основаніямъ нельзя было включить въ вопросъ, что убійство совершено для получения крови, ибо цѣль есть признакъ субъективный, относящійся къ лицамъ, совершившимъ убійство, къ ихъ побужденіямъ; но удостовѣрить, что тѣло было обезкровлено, что изъ него во время убійства выпущено пять стакановъ крови—можно: этимъ опредѣляется, какъ учинено преступленіе, т. е. сторона объективная. А между тѣмъ, закрѣпленіе, въ столь точныхъ выраженіяхъ, *гдѣ и какъ* убивали, приводило въ совершенную ясность, *для чего* это дѣлали, *съ какою цѣлью*.

Вотъ почему, когда вопросъ о событіи преступления былъ оглашенъ въ выработанной судомъ редакціи, никакихъ возраженій или дополненій съ моей стороны не послѣдовало. Я находилъ, что текстомъ вопроса ритуальное убійство очерчено съ наибольшей отчетливостью, которая была по данному случаю возможна въ рамкахъ русскаго уголовного процесса, а потому я ограничился лишь заявленіемъ объ отклоненіи тѣхъ возраженій, которыя были предъявлены противъ редакціи вопроса защитой—въ чемъ судъ со мною согласился.

Присяжные отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно, признали все, въ немъ изложенное, доказаннымъ, а Бейлиса оправдали.

Такъ закончился процессъ, который по своему громадному общественному значенію занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ русскаго правосудія.

Раскрытіе убійства Андрюши Ющинскаго, установленіе, что убійство это ритуальное, что оно совершено для полученія крови, что мѣстомъ его совершенія было одно изъ помѣщеній еврейскаго кирпичнаго завода, что заводъ этотъ служилъ не только для выдѣлки кирпича, но и для религіознаго сосредоточенія евреевъ—выясненіе и закрѣпленіе относящихся сюда обстоятельствъ протекало съ самаго начала въ условіяхъ крайне неблагоприятныхъ. Первыми розысками, столь важными, ибо они могутъ устремляться по горячимъ слѣдамъ, завѣдывалъ Мищукъ. Послѣ вѣщихъ сновидѣній подсѣвайлы Кушниря и лжеполичнаго, оказавшагося на Юрковской горѣ, сей агентъ сыска самъ угодилъ въ арестантскія отдѣленія. Очевидно, что отъ его дѣятельности улики въ отношеніи Зайцевскаго завода не обнаруживались, а, наоборотъ, стирались. За Мищукомъ слѣдуетъ въ области розысковъ Красовскій. Плоды его дѣятельности, завершившіеся бритьемъ и завиваніемъ Луки Приходьки, тоже собранію уликъ въ направленіи ритуала не способствовали. Далѣе на сцену выступаютъ разслѣдователи-добровольцы: возятъ въ Харьковъ Чеберякову, напаиваютъ Плиса, угощаютъ по ресторанамъ сестрицъ Дьяконовыхъ. И сія дѣятельность направляется всецѣло къ разрушенію уликъ, относящихся до завода, а не къ ихъ обнаруженію.

Гдѣ же тотъ опытный, добросовѣстный и искусный агентъ сыска, который бы по такому первостепенно-важному, сложному и трудному дѣлу занялся специально заводомъ, всестороннимъ изслѣдованіемъ того мѣста, на которомъ оборвались слѣды жертвы передъ убійствомъ? Такого агента не было, зато работавшихъ въ обратномъ направленіи—сколько угодно.

Можетъ быть, однако, этотъ громадный недостатокъ восполнялся хоть отчасти тѣмъ, что судебный слѣдователь, не ограничиваясь чисто слѣдственными актами, самолично предпринялъ рядъ энергичныхъ шаговъ розыскаго характера? Наоборотъ, дѣйствія судебного слѣдователя Фененко поражаютъ отсутствіемъ инициативы. Получается такое впечатлѣніе, что вся инициатива въ рукахъ Красовскаго, а слѣдователь лишь записы-

ваетъ въ протоколъ тѣ свѣдѣнія и даже слухи, которые ему Красовскій доставляетъ. Этого мало: мною указаны прямые промахи, весьма грубые для слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ: городской Лещенко и околоточный надзиратель Погорскій, явившіеся первыми изъ чиновъ полиціи на мѣсто обнаруженія преступленія и принявшіе, такимъ образомъ, первыя мѣры къ охраненію вещественныхъ доказательствъ, допрошены слѣдователемъ лишь спустя почти два мѣсяца (обнаруженіе 20 марта—допросъ 14 мая). Вслѣдствіе такой непростительной медленности вопросъ о томъ, откуда взялись два весьма важныхъ вещественныхъ доказательства (тряпка съ вышивкой и бумага съ проколами) такъ и остался висящимъ въ воздухѣ. Осмотръ заводской усадьбы—слѣдственный актъ громаднаго значенія—произведенъ спустя полтора мѣсяца (7 мая) и съ двумя крупными промахами, указанными въ своемъ мѣстѣ. Осмотра постройки для конюшни и шорной не произведено вовсе: слѣдователь собрался произвести его черезъ полгода (!) и назначилъ на 13 октября, но 10 октября постройка сгорѣла. Такой важный свидѣтель, какъ Василій Чеберяковъ, допрошенъ лишь 20 декабря 1911 г., черезъ девять мѣсяцевъ послѣ возникновенія дѣла, а Людмила Чеберякова слѣдователемъ Фененкою не допрошена вовсе.

Правда, въ лицѣ Н. А. Машкевича дѣло нашло слѣдователя, выдающагося по искусству и таланту, но въ руки Н. А. Машкевича слѣдствіе попало лишь въ іюль 1912 года, годъ и четыре мѣсяца спустя послѣ совершенія преступленія. Главное—время—было упущено. Сколько уликъ успѣло изгладиться безслѣдно! Если тѣмъ не менѣе доказательствъ оказалось достаточно, то лишь потому, что истина говорить сама за себя. Она выбивается наружу, какъ бы ни старались схоронить ее подъ спудомъ.

А старанія были усиленныя, планомерныя, тщательно продуманныя до мелочей и систематически проведенныя съ первыхъ моментовъ дѣла до самаго конца. 21 марта 1911 г. началось предварительное по дѣлу слѣдствіе, а уже на слѣдующій день, 22 марта, явился къ слѣдователю въ качествѣ свидѣтеля, безъ вызова, «по собственному побужденію», сотрудникъ «Кіевской Мысли» іудей Барцевскій и постарался своимъ невѣрнымъ показаніемъ направить слѣдствіе на ложный путь, на путь обвиненія ни въ чемъ неповинной матери замученнаго мальчика. Только разобрались въ этихъ подозрѣніяхъ—а ужъ слѣдова-

тель допрашиваетъ другого сотрудника «Кіевской Мысли», Ордынскаго, который приноситъ новыя подозрѣнія, въ другомъ родѣ, чѣмъ Барцевскій, но также направленныя противъ родственниковъ Андрюши. Покончили со «свѣдѣніями» Ордынскаго, а на очереди третій сотрудникъ «Кіевской Мысли», Бразуль-Брушковскій, у котораго уже двѣ «версіи»: только слѣдователь установилъ нелѣпость одной, какъ была выдвинута другая. Указывается длинный рядъ свидѣтелей и выясненіе, что свидѣтели эти говорятъ неправду, даютъ измышленныя показанія—требуется отъ слѣдователя огромнаго труда, направленнаго такимъ образомъ уже не на собираніе настоящихъ уликъ, а на разоблаченіе подстроенныхъ. Отданъ подъ судъ за поддѣлку вещественныхъ доказательствъ Мищукъ, устраненъ Красовскій, но это не помогаетъ, не останавливаетъ: одинъ вымыселъ громоздится на другой. Образуется чуть ли не цѣлая контора «добровольнаго разслѣдованія», со своей кассой, съ распредѣленіемъ денежныхъ выдачъ, и Алеша Теофилактовъ, который «устраненъ, но не одураченъ», въ изумленіи пишетъ изъ своего узилища: «Буржуй, сыщикъ и анархистъ дружно работаютъ въ одномъ дѣлѣ. Задумывались ли вы надъ этимъ?»

А чтобы русское общество не задумывалось, были приняты соотвѣтствующія мѣры. Въ теченіе мѣсяцевъ, неустанно, изо дня въ день, захваченная еврействомъ либеральная пресса вопіяла на весь міръ о произволѣ и безсудіи, творимыхъ русскимъ правительствомъ по дѣлу объ убійствѣ Андрюши Юцинскаго.

Гдѣ же произволъ и въ чемъ безсудіе? Въ издѣвательствахъ, учиненныхъ надъ несчастными родственниками замученнаго мальчика? Въ томъ, что содѣяли Мищукъ и Красовскій?

О, нѣтъ! Радикальная печать, не упускающая случая злобно подчеркнуть малѣйшую «незаконмѣрность» власти и захлебающаяся при каждомъ обнаруженіи полицейскаго произвола—не проронила ни слова осужденія въ отношеніи Мищука и Красовскаго—напротивъ, взяла ихъ подъ свою защиту, а изъ Махалина или Бразуля созидала прямо героевъ. Либеральная брезгливость къ сыску, нерасположеніе къ агентамъ полиціи сейчасъ же исчезла, какъ только стала невыгодной реальнымъ интересамъ еврейства. Даже высокіе принципы неприкосновенности личности оказались временно убранными съ радикальной аванъ-сцены: не въ явно-противозаконныхъ арестахъ христіанъ были, по мнѣнію «прогрессивной» печати, произволъ и безсудіе,

а въ томъ, какъ дерзнули «въ XX вѣкѣ» поднять вопросъ о ритуальномъ убійствѣ, какъ осмѣлилась судебная власть возбудить обвиненіе противъ еврея Менделя Бейлиса!

И вотъ, когда тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія еврейства, дѣло дошло до гласнаго суда, то раскрылась картина, передъ которой русское общество не могло не содрогнуться. Помѣщеніе, гдѣ, вѣроятно всего, было совершено убійство, сторгло отъ неизвѣстной причины; главный, самый важный свидѣтель умеръ загадочной смертью; другой весьма опасный для подсудимаго свидѣтель, избитый, растерянно бормоталъ вмѣсто отвѣтовъ, что ему «свѣтъ милѣй»—и все это на фонѣ почти открытаго, разнузданнаго и торжествующаго, противо-дѣйствія правосудію, толканія его по явно невѣрному пути.

Какая громадная, какая злая, разрушительная сила! Она показала себя на дѣлѣ Бейлиса воочию, во всю величину. И тогда сколько слѣпыхъ прозрѣло, сколько лѣнивыхъ, равнодушныхъ прониклось негодованіемъ. Изувѣрныя убійства, совершаемыя жидами для полученія христіанской крови, являются даже для XX вѣка не легендою, не кровавымъ навѣтомъ, а ужасною дѣйствительностью,—въ этомъ, послѣ Кіевскаго процесса, убѣдились многіе, до тѣхъ поръ сомнѣвавшіеся, колебавшіеся. Но историческое и общественное значеніе дѣла Бейлиса далеко не исчерпывается тѣми разоблаченіями о ритуалѣ, о догматѣ крови, которыя были сдѣланы гласно, публично, часто отъ имени государственнаго обвинителя, на судѣ присяжныхъ въ Кіевѣ. Нѣтъ, болѣе того: дѣло Бейлиса—это яркая, неизгладимая страница изъ всемірной исторіи въ той ея части, которая удостовѣряетъ, что юдаизмъ вездѣ, гдѣ только удается ему окрѣпнуть, немедленно, не стѣсняясь средствами, встаетъ на борьбу съ христіанскою государственностью.

I.

Рѣчь Г. Г. Замысловскаго,

произнесенная по дѣлу Бейлиса въ Кіевскомъ Окружномъ Судѣ
24 октября 1913 г.

Господа судьи и господа присяжные засѣдатели! Господинъ прокуроръ настолько, на мой взглядъ, вѣрно, правильно и широко нарисовалъ общую картину разсматриваемаго нами преступленія и его значеніе, что это позволяетъ мнѣ сразу начать свою рѣчь съ чисто дѣлового и фактическаго разбора отдѣльныхъ уликъ и обстоятельствъ. Такъ же, какъ и прокуроръ, я долженъ сдѣлать это, начавъ съ такъ называемыхъ «версій», съ тѣхъ многочисленныхъ версій, гдѣ заподозривались невинные люди. Но я постараюсь эту часть рѣчи изложить по возможности кратче. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе теперь, въ настоящій моментъ процесса, имѣютъ эти заподозриванія сначала матери замученнаго Андрюши, Александры Ющинской, затѣмъ его дяди Федора Нѣжинскаго, затѣмъ отчима, Луки Приходько? Само собой разумѣется, что эти люди невиновны, что ни малѣйшаго подозрѣнія на нихъ въ настоящее время быть не можетъ. Слѣдовательно, и версіи эти интересны намъ не потому, что разборъ ихъ устанавливается невинность перечисленныхъ мною лицъ, а вслѣдствіе другихъ соображеній. Разборъ версій важенъ намъ потому, что показываетъ, какъ органы сыска,—одинъ—начальникъ сыскной полиціи Мищукъ и другой—начальникъ сыскной полиціи Красовскій,—какъ они сразу устремились по пути, который мало назвать ошибочнымъ, по пути, который должно признать завѣдомо невѣрнымъ.

Ошибки всегда возможны, а въ такомъ большомъ дѣлѣ и подавно. И если бы тутъ были только ошибки, то никто бы

ихъ въ вину ошибавшимся не рѣшился поставить, но мы утверждаемъ, что здѣсь были не ошибки, а направленіе розысковъ по завѣдомо невѣрному слѣду. Мы утверждаемъ, что при этихъ розыскахъ допускались приемы, я скажу прямо, безчеловѣчные и преступные, а разъ это такъ, то, несомнѣнно, была та невидимая и таинственная рука, которая подвигла агентовъ сыска на такія дѣянія. Вотъ, гдѣ я вижу смыслъ и значеніе разбора этихъ первоначальныхъ версій. Заподозривать Александру Ющинскую съ самаго начала не было никакихъ основаній, это заподозриваніе уже въ то время было явной нелѣпостью отъ начала до конца. Для производившаго розыски не могло быть сомнѣній съ первыхъ же шаговъ, что Александра Ющинская никакого участія въ преступленіи принимать не могла. Однако, свидѣтели вамъ рассказывали, что дѣлалъ съ Александрой Ющинской Мищукъ, какъ ее взяли подъ стражу послѣ смерти сына, какъ не пустили на его похороны, какъ распространили слухъ, что она убійца, и слухомъ этимъ возстановили базарную толпу, которая чуть не убила Александру Ющинскую, какъ мучили и терзали ее, только-что потерявшую такъ ужасно своего первенца и находившуюся на пятомъ мѣсяцѣ беременности.

Точно также не было никакихъ уликъ ни противъ Федора Нѣжинскаго, ни противъ Луки Приходько. Но такъ какъ въ исторіи съ Лукою Приходько выступаетъ уже не Мищукъ, роль котораго была къ тому времени почти окончена, а Красовскій, то объ этой версіи необходимо сказать нѣсколько словъ, опять-таки не для оправданія Луки Приходько, — онъ въ оправданіи теперь не нуждается, невиновность его очевидна, — а для характеристики Красовскаго, для того, чтобы мы дальше знали, можно вѣрить Красовскому, или нѣтъ. Г. прокуроръ уже указывалъ, какія собственно улики, или, правильнѣе, обрывки уликъ были противъ Луки Приходько. Это — опознаніе его свидѣтелемъ Яценкою и знаменитая записка о «височной кости». По поводу записки, которая была выхвачена Красовскимъ при обыскѣ въ переплетной мастерской Колбасова, гдѣ работалъ Лука Приходько, необходимо вспомнить, что, по его объясненію, у него, какъ у переплетчика, былъ цѣлый рядъ подобныхъ обрѣзковъ и записокъ. Это была принадлежность его ремесла. Переплетая книги, онъ вынималъ изъ нихъ всякія записки и бросалъ въ кучу. И вотъ, изъ всей этой кучи Красовскій вытащилъ только одну записку, касающуюся описанія височной кости, а когда Лука

Приходько немедленно же заявилъ, что, молъ, я могу указать того заказчика, изъ книги котораго эта записка выпала, пойдите къ нему, спросите его и онъ вамъ все объяснитъ,—то вѣдь такой провѣрки Красовскій дѣлать не сталъ.

Вторая и послѣдняя «улика» заключается, будто бы, въ томъ, что свидѣтель Яценко опозналъ въ Лукѣ Приходько того подозрительнаго человѣка, котораго онъ видѣлъ въ день убійства, 12 марта 1911 года, утромъ, около той пещеры, гдѣ 20 марта былъ обнаруженъ трупъ Андруши.

На судѣ разъяснилось, какъ для того, чтобы «облегчить» Яценкѣ опознаніе, Луку Приходько предварительно стригли, брили, красили и одѣвали въ чужое пальто. По поводу этой гримировки не забудьте, что она удостоверяется не только Лукой Приходько, но также Александрой Ющинской и ея матерью, старухой Олимпіадой Нѣжинской, которыя говорятъ, что взяли подъ арестъ Луку Приходько, когда онъ былъ съ бородой, а вернулся Лука изъ-подъ ареста бритый, стриженный, словомъ безъ бороды. Такъ что этотъ фактъ твердо установленъ двумя свидѣтельницами, не вѣрять которымъ нѣтъ возможности. Да и самъ Красовскій видитъ, что заператься нельзя. Здѣсь, на судѣ, съ такимъ видомъ, какъ будто ничего особеннаго не произошло, что все это какіе-то пустяки, онъ говоритъ: «Да, вѣрно, я Луку подстригалъ. Онъ, сидя подъ арестомъ, очень обросъ и передъ предъявленіемъ я его постригъ, чтобы привести въ то состояніе, въ которомъ онъ находился въ моментъ ареста».

Таково объясненіе самого Красовскаго. Но, вѣдь, въ этомъ объясненіи явная несообразность. Зачѣмъ же было приводить Луку Приходько въ тотъ видъ, въ какомъ онъ былъ въ моментъ ареста? Ужъ если приводить его въ какой-нибудь иной видъ, то въ тотъ видъ, въ какомъ онъ былъ 12 марта, когда Яценко видѣлъ около пещеры подозрительнаго человѣка, а никакъ не въ тотъ видъ, въ какомъ Лука Приходько былъ въ моментъ ареста. Дальше, что Лукѣ чернили усы, этого Красовскій тоже не рѣшается отрицать. Такимъ образомъ, мы имѣемъ удостовѣренный фактъ подлога, фальсификаци доказательствъ, произведенной на живомъ человѣкѣ. Одинъ начальникъ сыскной полиціи, Мищукъ, производилъ подлоги съ вещественными доказательствами, съ швайками, съ обрывками брюкъ, а другой умудрился произвести подлогъ живого человѣка. Послѣ этого

факта, вполне удостовереннаго, я прямо говорю, что дальнѣйшимъ показаніямъ Красовскаго не вѣрю, ибо мы наглядно убѣдились въ томъ, что онъ выдѣлывалъ съ самаго начала розысковъ.

Почему собственно былъ приглашенъ Красовскій? Потому, что дѣйствія Мищука стали явно подозрительными, а заключались они въ томъ, что Мищукъ ни за что, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ идти съ розысками на Лукьяновку, онъ *отводилъ розыски отъ Лукьяновки*. Значитъ, когда пригласили Красовскаго, то, чтобы пріобрѣсти нѣкоторое довѣріе начальства и, такъ сказать, выражаясь, можетъ быть, вульгарно, набить себѣ цѣну, Красовскій долженъ былъ обратить вниманіе на Лукьяновку, искать тамъ. Онъ это и сдѣлалъ, онъ искалъ на Лукьяновкѣ, но искалъ для вида, или, если, можетъ быть, и не для вида, то только для себя, а не для другого, чтобы самому добыть свѣдѣнія, но использовать ихъ не въ цѣляхъ правосудія, а въ иныхъ личныхъ цѣляхъ.

Двойственность Красовскаго удостовѣряется фактами, документально; это не разговоры, а обстоятельства, неизбежно установленныя. Г. прокуроръ уже ссылаясь на допросъ Красовскаго судебнымъ слѣдователемъ въ іюлѣ 1911 года, на допросъ, гдѣ Красовскій указываетъ, что, «по его убѣжденію», убійство совершено на заводѣ. Именно такое убѣжденіе ясно высказано въ этомъ протоколѣ, да иначе Красовскій слѣдователю, пожалуй, въ то время и не могъ говорить: онъ боялся, что, если станетъ говорить иначе, то ему не будетъ у судебныхъ властей довѣрія. Это было въ іюлѣ, а самъ Красовскій принужденъ признать, что въ концѣ мая онъ былъ съ докладомъ у генераль-губернатора и высказалъ генераль-губернатору полное убѣжденіе въ томъ, что убили, будто бы, воры. Пока дѣло идетъ о разговорахъ съ «союзниками»¹⁾, Красовскій можетъ еще вывернуться; онъ на судѣ заявляетъ: «Да, я союзникамъ говорилъ, что убійство ритуальное, но только для того, чтобы они отстали. Это люди фанатичные, ихъ не своротить съ такого убѣжденія. Отчета имъ давать я не обязанъ, а чтобы они не лѣзли ко мнѣ, я и говорилъ, что убійство ритуальнаго характера, хотя самъ думалъ иное».

¹⁾ Т. е. съ членами «союза русскаго народа» и другихъ патріотическихъ организацій.

Здѣсь вывернуться можно, но, вѣдь, были не только разговоры съ «союзниками», а былъ, повторяю, докладъ генералъ-губернатору и вотъ оказывается, что на докладѣ генералъ-губернатору Красовскій говорилъ, что убивали воры, а въ показаніи слѣдователю говорилъ, что убійство произошло на заводѣ. Такая двойственность его поведенія, несомнѣнно, указываетъ, что и Красовскимъ двигаетъ все та же невидимая рука, которая двигала Мищукомъ и которая привела ихъ къ подлогамъ и къ скамьѣ подсудимыхъ. Красовскій намъ говоритъ, что производилъ розыски всесторонне, что онъ изслѣдовалъ всѣ версіи, искалъ и тутъ, и тамъ, и на слободкѣ, и у Чеберяковой, и на заводѣ. Да, это онъ такъ повѣствуетъ, а результаты какіе? Результаты вѣдь только въ одномъ направленіи: такъ же, какъ и при Мищукѣ, подвергаются аресту христіане и только христіане; евреевъ не трогаютъ, а христіанъ арестуютъ безъ всякихъ уликъ. Допустимъ, противъ Луки Приходько была уликой эта «височная кость» и будто бы опознаніе со стороны Яценко, но вѣдь арестованъ не только Лука Приходько: арестованъ братъ Луки Приходько, отецъ Луки Приходько, старикъ, который и видитъ-то плохо, арестованъ дядя Андрюши по отцу, Василій Чирковъ. А эти зачѣмъ, спрашивается, были арестованы? Вѣдь идетъ прямо какое-то мщеніе до седьмого колѣна.

Таковы результаты розысковъ Красовскаго въ отношеніи христіанъ. А въ отношеніи завода? Сыщикъ Полищукъ, командированный Красовскому въ помощь, но скоро имъ, какъ «неподходящій», отъ розысковъ отстраненный, говоритъ, что былъ обыскъ и на заводѣ, отобрали какія-то еврейскія письма, книги и по поводу одной изъ нихъ возникло даже большое безпокойство у евреевъ. На книгѣ были записи фамилій, адресовъ. Что же сдѣлалъ съ этими книгами Красовскій? Онъ ихъ привезъ къ себѣ въ гостиницу «Оріонъ» и тамъ нѣсколько дней продержалъ. Затѣмъ книги были доставлены слѣдователю, который въ нихъ ничего предосудительнаго не нашелъ. Но, господа, вопросъ, тѣ ли самыя книги были доставлены слѣдователю или другія, это вопросъ довѣрія Красовскому. Если мы Красовскому вѣримъ, то должны признать, что тѣ самыя; а если не вѣримъ, то, можетъ быть, доставлены были иныя книги, такія, которыя, дѣйствительно, ничего плохого въ себѣ не заключали; но тѣ книги, которыя возбудили безпокойство евреевъ, онѣ могли исчезнуть неизвѣстно куда, если предположить, что Красовскій

работалъ не для раскрытія дѣла, а исключительно для отведенія подозрѣній отъ евреевъ, отъ завода, — а это даже не предположеніе, это убѣжденіе, основанное на фактахъ.

Таковы первыя три версіи. Четвертая версія была выдвинута Мищукомъ, когда прокурорскою властью онъ былъ уже удаленъ отъ розысковъ. По его указанію, на горѣ у Верхней Юрковицы нашли закопанными въ землю «вещественныя доказательства» — куски обгорѣлыхъ брюкъ, будто бы принадлежавшихъ Андриушѣ, Швайки, обрывки письма, навлекавшіе подозрѣніе въ убійствѣ на нѣкихъ Кучеренку и Цупенку. Поддѣлка, фальсификація этихъ «вещественныхъ доказательствъ» установлена вступившимъ въ законную силу приговоромъ судебной палаты, осудившей за подлогъ (по 362 ст. Улож. о нак.) Мищука и его сподвижниковъ, сыщиковъ Падалку и Смоловика, въ исправительныя арестантскія отдѣленія на годъ каждаго. Обстоятельства, при которыхъ они этотъ подлогъ совершили, подробно разобраны прокуроромъ, и я на нихъ останавливаться не буду.

Этими версіями заканчивается въ августѣ 1911 года первый періодъ дѣла.

Отъ официальнаго разслѣдованія Мищукъ и Красовскій къ этому времени устранены и на сцену выступаютъ добровольные сыщики. Начинаетъ работать учрежденіе, которое я назвалъ бы «сыскнымъ отдѣленіемъ при редакціи «Кіевской Мысли» подъ фирмою Бразуль и К^с». Эта фирма дѣйствовала и раньше, съ самыхъ первыхъ шаговъ розыска, но тогда роль ея была другая. Ей незачѣмъ было выступать впередъ, на авансцену: впереди работали Мищукъ и Красовскій, а господа изъ «Кіевской Мысли» являлись только въ роли достовѣрныхъ свидѣтелей въ тѣхъ случаяхъ, когда Красовскому съ Мищукомъ была нужда сказать, что мы, молъ, дѣйствуемъ не на основаніи только слуховъ, а вотъ есть у насъ достовѣрные свидѣтели, публицисты, борцы за передовую общественную мысль, которые подтверждаютъ наши свѣдѣнія, а разъ такіе люди удостовѣряютъ, то мы, сыщики, обязаны идти въ томъ направленіи, которое этими достовѣрными свидѣтелями, вродѣ Барцевскаго или Ордынскаго, указано. Такова первоначальная роль этихъ добровольныхъ сыщиковъ изъ «Кіевской Мысли»: имъ незачѣмъ было выдѣзать впередъ — за нихъ работали другіе. Но когда Красовскаго и Мищука устранили, то положеніе измѣнилось. Уже официальныхъ разслѣдователей, которые бы отводили всѣ улики

отъ евреевъ и затирали всѣ слѣды, больше не было. Тогда за эту роль пришлось прямо взяться сыщикамъ-добровольцамъ, къ которымъ, тоже уже въ качествѣ «добровольца», присоединился, въ мартѣ 1912 года, послѣ окончательнаго увольненія со службы и преданія суду, Красовскій. Всѣмъ съ нимъ «добровольно» работалъ и его правая рука, сыщикъ Выграновъ, тоже уволенный, но раньше—въ августѣ—сентябрѣ 1911 года.

Первое, чѣмъ ознаменовалась открыто дѣятельность Бразуля и компаніи, была поѣздка въ Харьковъ 6 декабря 1911 года. До сихъ поръ, въ первыхъ версіяхъ, все для насъ выяснено, все очевидно, поѣздка же въ Харьковъ носить нѣсколько иной характеръ. Здѣсь не все ясно, здѣсь мы имѣемъ, съ одной стороны, Чеберякову, которая говоритъ одно, а съ другой стороны ея компаніоновъ по харьковской поѣздкѣ: присяжнаго повѣреннаго и виднаго общественнаго еврейскаго дѣятеля Марголина, прогрессивнаго публициста Бразуля-Брушковскаго и щеголявшаго въ студенческой тужуркѣ сыщика Выгранова, бывшаго правою рукою у Красовскаго и одновременно съ нимъ отъ официальныхъ розысковъ устраненнаго. Они говорятъ совсѣмъ другое и въ результатѣ возникаетъ вопросъ: кому же вѣрить? Скажутъ: Чеберяковой, разумѣется, вѣрить нельзя; это женщина порочная, склонная ко лжи; мало ли чего она наплететъ, а съ другой стороны, какъ же не вѣрить присяжному повѣренному Марголину, публицисту и прогрессивному дѣятелю Бразулю-Брушковскому, хотя бы и оказавшимся въ этой небольшой, но почтенной компаніи. Оба они люди съ извѣстнымъ положеніемъ, не чета Чеберяковой.

Обратимся, однако, къ разбору тѣхъ и другихъ показаній.

Чеберякова категорически говоритъ, что ей было въ Харьковѣ сказано: «Вѣра Владиміровна, примите вину на себя, сорокъ тысячъ заплатимъ, лучшіе защитники защищать будутъ, дадимъ такой документъ, что днемъ съ огнемъ не найдутъ!»

Это удостовѣряетъ Чеберякова, но Марголинъ и Бразуль-Брушковскій твердятъ: «Ничего подобнаго, все вретъ: сама просила насъ ѣхать въ Харьковъ, обѣщая тамъ какія-то свѣдѣнія по дѣлу дать. Пришла въ номеръ къ Марголину—онъ хотѣлъ ее посмотреть—все говорила о томъ, какъ ея прежній любовникъ, Мифле, ее недавно побилъ, и ничего больше».

Вотъ и надо въ этомъ противорѣчій разобраться: правду ли намъ говорятъ господа присяжный повѣренный Марголинъ и публицистъ Бразуль-Брушковскій, или неправду?

Прежде всего, оказывается, есть некоторая внутренняя несообразность въ томъ, что они рассказываютъ. По ихъ разсказу выходитъ, что они поѣхали, чрезвычайно довѣряя Вѣрѣ Чеберяковой. Вѣра Чеберякова сказала: «Поѣдемъ въ Харьковъ, тамъ сидитъ въ тюрьмѣ мой знакомый Лисуновъ, я узнаю отъ него и дамъ вамъ всѣ свѣдѣнія по дѣлу». Они ей повѣрили и поѣхали (а Лисуновъ, какъ оказывается, никогда въ харьковской тюрьмѣ и не содержался). Но вотъ, на ряду съ такимъ полнымъ довѣріемъ, оказываются и акты страннаго недовѣрія. Поѣхали по голословному заявленію Чеберяковой и взяли съ собой нѣкоего господина Перехриста (помните, того, про котораго свидѣтельница Малицкая говорила: не то Недохристъ, не то Перехристъ). Этому Перехристу, конторщика изъ «Кіевской Мысли», взяли для спеціальнаго сыска надъ Чеберяковой, такъ что о присутствіи Перехриста, ѣхавшаго въ другомъ вагонѣ, остановившагося въ другомъ номерѣ, она и не подозрѣвала. То, значитъ, ей вѣрили, и никакой провѣрки ея голословнымъ заявленіямъ не требовали, то взяли человѣка, который спеціально бы за ней слѣдилъ.

По приѣздѣ въ Харьковъ, Марголинъ тамъ не прописывается, Марголинъ скрывается! Онъ говоритъ, правда, что собственно скрывалъ свое имя отъ Чеберяковой, ибо «это знакомство ему не дѣлало чести», но факты говорятъ, что Марголинъ скрывался не отъ Чеберяковой, а отъ властей. Потомъ, когда приѣхали слѣдственные власти удостовѣрять—былъ онъ въ Харьковѣ въ декабрѣ 1911 года или нѣтъ, то, послѣ долгихъ и тщетныхъ розысковъ, едва-едва по случайному буфетному счету это удостовѣрили, а когда удостовѣрили, то и прописка Марголина въ гостиничной книгѣ появилась, но... заднимъ числомъ.

Значитъ, эти господа не такъ правдивы и откровенны, какъ это можетъ казаться; они что-то скрываютъ, чего-то не договариваютъ и, если не договариваютъ, то очевидно потому, что не могутъ сказать. А затѣмъ вотъ еще какой любопытный фактъ: вѣдь о харьковской поѣздкѣ намъ говорятъ не только Марголинъ и Бразуль, а говоритъ и Красовскій со словъ Бразуля. Правда, здѣсь, на судѣ, онъ это топкое мѣсто совсѣмъ обошелъ, онъ о харьковской поѣздкѣ не сказалъ ничего. Но, къ его огорченію, есть у насъ акты предварительнаго слѣдствія, которые были прочитаны, и онъ долженъ былъ признать, что на предварительномъ слѣдствіи нѣчто говорилъ и вотъ что именно:

оказывается, вопросъ о денежномъ вознагражденіи Чеберяковой былъ въ Харьковѣ, правда, въ совершенно иной формѣ, чѣмъ рассказываетъ Чеберякова. Она, видите ли, навязывалась со своими розысками, ну и тогда Марголинъ ей сказалъ: «Да, прогрессивная часть русскаго общества очень заинтересована въ томъ, чтобы разсѣять этотъ кровавый навѣтъ, и если она, Чеберякова, будетъ въ этомъ направленіи работать, то получить денежное вознагражденіе».

Красовскій, конечно, гораздо тоньше и умнѣ Бразуля, онъ понимаетъ то, что не вполне понятно Бразулю: гораздо выгоднѣй не отвергать факта наголо, а признать его, но съ одной стороны немного соскоблить, съ другой стороны — немного надставить и тогда этотъ фактъ приметъ совершенно невинный видъ. Такъ Красовскій обрабатываетъ и эту историю съ вознагражденіемъ: онъ не отрицаетъ ея совсѣмъ, а перелицовываетъ на совершенно невинный манеръ и довольно удачно. Но вотъ только бѣда: онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ Бразулемъ. Вѣдь Бразуль говоритъ, что *никакого* разговора, ни слова о вознагражденіи не было, а Красовскій говоритъ, что разговоръ о вознагражденіи былъ, правда, совершенно невинный. И вотъ тогда между этимъ противорѣчіемъ господинъ присяжный повѣренный Марголинъ моститъ мостикъ. Онъ говоритъ такъ: разговора о вознагражденіи не было, но если бы такой разговоръ о вознагражденіи былъ, то онъ, Марголинъ, сказалъ бы какъ разъ то, что говоритъ Красовскій; онъ бы сказалъ: «Если вы, госпожа Чеберякова, разсѣете этотъ кровавый навѣтъ, то—да, мы васъ вознаградимъ». Эти сопоставленія, эти противорѣчія показываютъ, что, хотя Чеберякова и порочная женщина, и воровка, по утверженію Красовскаго, и пристанодержательница, но въ данномъ-то случаѣ, увы, она, воровка, говоритъ правду, а господинъ присяжный повѣренный Марголинъ и господинъ прогрессивный публицистъ Бразуль-Брушковскій говорятъ неправду.

Если мы пойдёмъ дальше по показаніямъ Красовскаго, то увидимъ еще одинъ штрихъ, очень характерный, относительно «документа». Бразуль-Брушковскій и Марголинъ утверждаютъ: «Никакого разговора о документѣ въ Харьковѣ съ Чеберяковой не было»,— а что говоритъ Красовскій? Онъ говоритъ, со словъ Бразуля, что разговоръ о документѣ былъ, но, конечно, совершенно иной, чѣмъ рассказываетъ Чеберякова — невинный. Было

сказано такъ: «Если Вѣръ Владиміровнѣ будетъ грозить опасность, то ей будетъ предоставлена возможность выѣхать»—и тутъ маленькая надставочка всего въ два слова: «опасность *отъ преступника*». Это, разумѣется, похвально и благородно. Вѣра Чеберякова хочетъ раскрыть преступленіе и ей говорятъ. «Если отъ преступника, тобой изобличеннаго, тебѣ будетъ грозить опасность, мы тебѣ дадимъ возможность отъ этой опасности избавиться и выѣхать». Ничего плохого здѣсь нѣтъ, но вотъ въ чемъ дѣло: между Красовскимъ и Бразулемъ опять противорѣчіе. Бразуль твердитъ, что никакого разговора о документѣ не было, а Красовскій, который знаетъ, что гораздо лучше признать фактъ, но его обскоблить и окургузить, заявляетъ, что разговоръ былъ, но невинный. А вѣдь это своя братія, это тѣ, про которыхъ говорятъ: «свои люди, сочтемся»—господа Бразуль и Красовскій. Какъ же они тутъ не спѣлись, какъ же тутъ между ними вышли такія недоразумѣнія!? Вотъ почему складывается убѣжденіе, что хотя Вѣра Чеберякова не такова, чтобы ей можно было вѣрить на слово, но въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, цѣль харьковской поѣздки была та, чтобы уговорить Вѣру Чеберякову принять вину на себя, а это уговариваніе, конечно, должно было сопровождаться посулами, обѣщаніями: иначе никто вины на себя не возьметъ.

Слѣдующая версія выразилась въ крылатыхъ словахъ Бразуля: «ахнемъ на Мифле». «Аханье» состояло въ томъ что въ январѣ 1912 года Бразуль подалъ официальное заявленіе властямъ, будто убили Андрюшу Мифле и нѣкій Назаренко. Воздорность такого поклепа выяснилась очень скоро и съ полной очевидностью. Установлено, напримѣръ, что въ мартѣ 1911 года, во время убійства, Назаренко сидѣлъ подъ арестомъ. Но характерны, опять-таки, нѣкоторые приемы Бразуля. Онъ теперь говоритъ: «Ничего плохого я не сдѣлалъ; у меня были указанія и я лишь заявилъ слѣдователю и прокурору: провѣрьте, я слуга правосудія, вотъ мои свѣдѣнія, а вы ихъ разслѣдуйте».

На самомъ дѣлѣ было не такъ: Бразуль пришелъ къ слѣдователю; настойчиво просилъ, чтобы слѣдователь его принялъ; убѣждалъ слѣдователя арестовать Мифле. Это совсѣмъ не то, что я приду къ слѣдователю и скажу: «Люди рассказываютъ такъ и такъ, а вы провѣрьте, правда ли это». Нѣтъ, здѣсь мы видимъ опять направленіе слѣдователя по завѣдомо невѣрному

пути. Мало того, оказывается, Бразуль давалъ деньги Чеберяковой и ея хорошему знакомому Петрову, чтобы они возводили ложное обвиненіе въ убійствѣ на этого несчастнаго Мифле.

Перехожу къ послѣдней версіи, въ которой надо разобраться болѣе подробно. Послѣдняя версія та, что убійство было совершено у Чеберяковой, въ ея квартирѣ. 12-го марта пришли туда воры: Сингаевскій, Рудзинскій и Латышевъ. Пришелъ также Андруша и его тамъ убили. Эта послѣдняя версія значительно отличается отъ предыдущихъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что предыдущія, повидимому, уже брошены,—насколько я понимаю поведеніе защиты, она теперь не будетъ говорить, какъ о вѣроятныхъ убійцахъ, ни объ Александрѣ Ющинской, ни о Приходько, ни о Нѣжинскомъ, ни о Мифле,—а вотъ эта послѣдняя версія, она не брошена, она и теперь, повидимому, будетъ выдвинута защитой.

Интересно далѣе слѣдующее: почему эта версія возникла такъ поздно? Вѣдь даже тѣ лица, которыя хотѣли отвести подозрѣніе отъ евреевъ, вѣдь они все-таки должны были разсуждать, что лучше представить власти нѣчто правдоподобное, вѣроятное, чѣмъ идти съ разказами совершенно фантастическими. Отчего сначала Чеберякову не трогали, а такъ долго возились съ Александрой Ющинской, Лукою Приходько, Федоромъ Нѣжинскимъ, съ эгими Кучеренкою, Цупенкою, Мифле, Назаренкою? Вѣдь версія о Чеберяковой возникла лишь въ мартѣ 1912 года, черезъ годъ послѣ убійства. Что за притча такая? Почему сразу же не сказали: «вотъ убійца—это Чеберякова».

А версія, какъ будто, совсѣмъ хороша: и отъ евреевъ отводится подозрѣніе—значитъ, заданіе выполнено, и выдвигается нѣчто во всякомъ случаѣ гораздо болѣе правдоподобное, чѣмъ всѣ эти розказни о Цупенкахъ, Кучеренкахъ и Назаренкахъ. Но бѣда вотъ въ чемъ: провалъ предыдущихъ версій положенія заводскихъ евреевъ не ухудшалъ. Подозрѣнія противъ Александры Ющинской, Луки Приходько оказались вздоромъ, но какое это имѣетъ касательство къ Зайцевскому заводу и къ евреямъ!? Версія же о Чеберяковой совершенно иного характера: ея провалъ даетъ улику очень серьезную, огромную улику противъ заводскихъ евреевъ вообще и противъ Бейлиса въ

частности. Вѣдь, чтобы выдвинуть чеберяковскую версію, надо признать фактъ громаднаго значенія: надо признать, что 12-го марта 1911 г., утромъ, передъ убійствомъ, Андрюша Ющинскій былъ на квартирѣ Чеберяковой, слѣдовательно, былъ на Лукьяновкѣ, на Верхне-Юрковской улицѣ. Вотъ, что надо признать, дабы выдвинуть версію о Чеберяковой, а это признать крайне опасно. Почему? Да потому, что, значить, передъ убійствомъ мальчикъ былъ между квартирой Чеберяковой и Зайцевскимъ заводомъ, слѣдовательно и убитъ онъ или на квартирѣ у Чеберяковой, или на заводѣ. Значить, если провалится чеберяковская версія, тогда останется роковой выводъ: убитъ на заводѣ. И вотъ, вы видите, что чеберяковская версія выдвигается послѣдней, только черезъ годъ послѣ убійства. Я думаю, вы понимаете, почему она появилась такъ поздно, вы видите, какая это была хитро обдуманная махинація. Здѣсь ничего не дѣлалось спроста, здѣсь все взвѣшивалось, измѣрялось, обдумывалось и къ Чеберяковой обратились тогда, когда все остальное провалилось, когда уже дѣло было поставлено на судъ, когда надѣялись эту версію бросить передъ присяжными засѣдателями вдругъ, неожиданно и тѣмъ ввести ихъ въ смущеніе.

Въ виду такого значенія чеберяковской версіи, въ виду того, что здѣсь рисковали, шли, я бы сказалъ, ва-банкъ, что здѣсь, провалившись съ Чеберяковой, этимъ самымъ создавали страшную улику противъ Бейлиса,—эта версія была обставлена стараниями добровольныхъ сыщиковъ особо, съ чрезвычайнымъ богатствомъ, роскошью доказа ельствъ. Обрисовывалась она въ общемъ такъ: 8-го марта попадаетъ Чеберякова съ вещами, крадеными у нѣкоей Гусевой; 9-го марта задерживаютъ въ банѣ, по подозрѣнію въ кражѣ, чеберяковскихъ пріятелей, Монзалева и Мосяка; 10-го марта производится обыскъ у Чеберяковой. Всѣ страшно взволнованы—провалился притонъ, а притонъ этотъ разрисованъ всячески: чуть ли, молъ, не всѣ вещи со всѣхъ кіевскихъ кражъ укрывались въ этомъ притонѣ. Воры въ смятеніи, кто-то выдалъ, все провалилось. Начинаютъ искать, кто выдалъ, и находятъ: оказывается, выдалъ Андрюша Ющинскій, мальчикъ настолько порочный, что собирался даже обокрасть Софійскій соборъ. Онъ, Андрюша, видите ли, вращается въ этой преступной средѣ, ночуетъ у Чеберяковой, онъ и выдалъ, надо его уничтожить—и уничтожаютъ. На сцену выдвигаются свидѣтельницы Екатерина и Ксенія Дьяконовы, которыя, оказывается,

все видѣли: и трупъ (правда, въ мѣшкѣ), и смятеніе, и убійца. То, что видѣли Дьяконовы, то слышала свидѣтельница Малицкая, проживающая подъ Чеберяковыми сидѣлица винной лавки. Получается взаимное подтвержденіе. Эги—видятъ, воспринимаютъ зрительнымъ органомъ, та слышитъ, воспринимаетъ слуховымъ аппаратомъ. Затѣмъ начинается рядъ сознаний, всё сознаются: десятилѣтняя Люда Чеберякова сознается Екатеринбургѣ Дьяконовой; братъ Вѣры Чеберяковой, Сингаевскій, сознается Махалину и Караеву; товарищъ Сингаевского, воръ Рудзинскій, сознается Швачкѣ, сосѣдка Чеберяковой, Адель Равичъ, то-же сознается тѣмъ же Дьяконовымъ, что видѣла у Чеберяковой на квартирѣ трупъ въ коврѣ; мужъ Адели Равичъ сознается въ томъ же самомъ свидѣтелю Вышемірскому... Рисунокъ написанъ широкой кистью большого мастера! Все есть, что хотите и даже вещественныя доказательства: кусокъ наволочки и бумага съ проколами, найденныя въ пещерѣ у трупа Андрюши, оказывается, тѣ самыя, если вѣрить Дьяконовымъ, что были у Чеберяковой.

Какъ видите, все доказано, все выяснено. Но дѣло вотъ въ чемъ. Представьте себѣ цѣнный, дорого стоящій механизмъ, идѣ каждое колесико, каждая шестерочка тщательно подобрана одна къ другой. Механизмъ великолѣпно работаетъ, и въ томъ, что онъ очень хорошо пригнанъ, его главное достоинство, его цѣнность. Но у каждой медали есть обратная сторона: въ этомъ цѣнность механизма, но въ эгомъ и его слабость. Когда одно колесико въ такомъ механизмѣ начинаетъ работать неправильно, то оно сейчасъ же ломаетъ другія, сосѣднія, и приводитъ въ негодность весь механизмъ. Когда изъ красиваго, вычурнаго зданія, построеннаго въ легкомъ стилѣ модернъ, вырываютъ одно бревно, то и все зданіе рушится. Такъ и съ чеберяковской версіей: если изъ нея выбросить отдѣльныя составныя части, въ виду, скажемъ, ихъ явной лживости, то вѣдь остальное, вплотную пригнанное къ этимъ частямъ, скрѣпленное, какъ зубчатые колеса, тоже рассыпается. Вотъ мы и пойдѣмъ по этой версіи, придерживаясь только фактовъ—я вообще стараюсь говорить, какъ видите, о чисто фактической сторонѣ дѣла. Итакъ, пойдѣмъ по фактамъ. Центральныя фигуры здѣсь, конечно, Дьяконовы. Про общее впечатлѣніе, ими произведенное, говорилъ вамъ прокуроръ: это дѣвицы, которыя, увидѣвъ въ первый разъ Красовскаго, ѣдутъ съ нимъ въ ресторанъ, и за пол-

тора-два мѣсяца, въ теченіе которыхъ онѣ были особенно нужны Красовскому, бываютъ съ нимъ въ ресторанахъ, по собственному признанію Ек. Дьяконовой, разъ тридцать, засиживаются тамъ до глубокой ночи, пьютъ вино—поведеніе, которое не особенно способствуетъ возбужденію довѣрія.

Оказывается, Екатерина Дьяконова давно уже ходила къ жандармскому подполковнику Иванову, сообщала ему «свѣдѣнія» и получала за сеансъ по 5 рублей «на трамвай». Ходила она долго и, наконецъ, начала рассказывать «о маскѣ», о встрѣчахъ своихъ съ таинственнымъ незнакомцемъ въ маскѣ, который посвящаетъ ее въ чрезвычайныя разоблаченія объ убійцахъ Андрюши Ющинскаго. Но подполковникъ Ивановъ на это сказалъ, «Довольно, не ѣзди сегодня на трамваѣ, иди пѣшкомъ». И вотъ: послѣ этого, Екатерина Дьяконова уже сама, безъ трамвая, безъ 5 рублей, начинаетъ усиленно навѣщать Иванова. Подполковникъ Ивановъ рассказываетъ объ этихъ посѣщеніяхъ такъ: сначала (въ періодъ пятирублевыхъ выдачъ на трамвай) Дьяконова говорила, что ничего по дѣлу Ющинскаго не знаетъ, затѣмъ вдругъ стала приходить (періодъ встрѣчъ съ маской) со свѣдѣніями каждый разъ одно другого сенсационнѣе. «Я по этимъ свѣдѣніямъ,—говоритъ подполковникъ Ивановъ:—предлагалъ ей вопросы. Рассказывала она сама все отлично, а какъ вопросъ предложишь—ничего не отвѣчаетъ. Въ слѣдующій разъ на прежніе вопросы даетъ объясненія великолѣпно, а какъ новый вопросъ задамъ—опять стоитъ и ничего отвѣтить не можетъ».

Возьмемъ для характеристики еще фактъ, исходящій изъ своего же лагеря, отъ своихъ же людей. Посмотримъ, что говоритъ самъ Красовскій, выдвинувшій Дьяконовыхъ. Онъ показываетъ: «Какъ-то раньше попалась Чеберякова съ краденнымъ пальто, потянули ее на судъ и она сказала, что пальто купила на толчкѣ и свидѣтелей тому представила. Въ числѣ свидѣтелей была Ксенія Дьяконова, которая на судѣ *завѣдомо ложно* показала, будто пальто куплено дѣйствительно на толчкѣ, когда на самомъ дѣлѣ оно было принято Чеберяковой отъ воровъ». Самъ Красовскій, который выдвинулъ версію съ Дьяконовыми, въ другомъ случаѣ, когда ему выгодно порочить Чеберякову, говоритъ, что Ксенія Дьяконова, по его мнѣнію, лжесвидѣтельница!

Такова характеристика, но вѣдь характеристика можетъ быть отрицательной, а свидѣтель все-таки можетъ говорить правду.

Вѣдь бываютъ случаи, что человѣкъ порочный и даже лже-свидѣтель говоритъ въ данномъ дѣлѣ правду. Говорили ли Дьяконовы правду намъ, на судѣ? Прежде всего, онѣ чрезвычайно разнорѣчили между собой: одна сестра говорила одно, другая—другое. Даже г. защитникъ счелъ нужнымъ ихъ спрашивать:

— «Вы вмѣстѣ живете?»

— «Да, вмѣстѣ».

— «Значить, вы имѣли бы возможность сговориться?»

— «Да, имѣли».

Но, господа присяжные засѣдатели, «сговориться»—это совсѣмъ не такъ легко и просто. Представьте себѣ, что у кого-нибудь изъ васъ возникла бы мысль уговориться съ товарищемъ, что вы, де, съ нимъ вчерашній день проводили съ утра до вечера вмѣстѣ, а въ дѣйствительности вы вовсе вчера и не видались. Вотъ вы сговорились, все условлено и, повидимому, предусмотрено, а затѣмъ васъ начнутъ подробно допрашивать, какъ именно оба вы вчера совместно проводили время, и повѣрите, что на допросѣ вы неминуемо собьетесь. Одинъ одно начнетъ говорить, другой—другое. Таково свойство неправды. Какъ бы вы тамъ ни сговорились, но, если начнутъ васъ подробно допрашивать, неправда неизбежно обнаружится. Обнаружилась она и въ данномъ случаѣ. Прежде всего, Екатерина Дьяконова говоритъ, что 12 марта, придя къ Чеберяковой и заставъ у нея всю честную компанію только-только послѣ убійства, она въ числѣ бывшихъ тамъ лицъ видѣла Лисунова. Разъ пять фамилія Лисунова упоминается въ ея показаніи на предварительномъ слѣдствіи, а здѣсь, на слѣдствіи судебномъ, она уже о Лисуновѣ ни слова не говоритъ, а когда мы просили прочесть, что ею на предварительномъ слѣдствіи сказано, она заявила: «Да, тамъ это сказано, но это ошибка». Слѣдователь ошибся! И какъ упорствовалъ въ ошибку—повторилъ ее пять разъ! Ларчикъ просто открывался: 12 марта Лисуновъ сидѣлъ подъ стражей и бытъ у Чеберяковой не могъ, чего Дьяконова, во время допроса ея судебнымъ слѣдователемъ, не знала. Дабы такихъ досадныхъ ошибокъ не было, околоточный надзиратель Кириченко, столь преданный Красовскому, ходилъ по всѣмъ участкамъ, собиралъ справки, какіе воры сидѣли, а какіе были на свободѣ въ серединѣ марта 1911 года, и далъ эти справки Красовскому. Къ сожалѣнію для сего послѣдняго, было поздно: Дьяконова уже указала

на Лисунова, въ то время сидѣвшаго подѣ стражей. Но этого мало. Припомните дальше показаніе Екатерины Дьяконовой. Между первымъ ея посѣщеніемъ квартиры Чеберяковой въ первыхъ числахъ марта 1911 года, когда играли «въ почту», а для игры брали, будто бы, бумагу съ проколами, и между посѣщеніемъ 12 марта она еще разъ была у Чеберяковой и прямо заявляетъ: «пришла передъ 12 марта и видѣла у нея Лисунова». Таково показаніе на предварительномъ слѣдствіи, а тутъ, на судѣ, она опять говоритъ, что и это ошибка. Да, дѣйствительно, большая ошибка, потому что и въ это время Лисуновъ сидѣлъ подѣ стражей.

Переходимъ къ слѣдующей неправдѣ: 11 марта, говоритъ Екатерина Дьяконова, она видѣла у Чеберяковой Андриюшу Ющинскаго. А по дѣлу совершенно точно установлено, что 11 марта Андриюша не могъ быть у Чеберяковой. Вторая ложь, фактически доказанная.

Третья ложь относится къ разсказу Екатерины Дьяконовой о ночевкахъ ея у Чеберяковой послѣ 12 марта. Красовскій, ссылаясь на Дьяконову, говоритъ объ этихъ ночевкахъ на предварительномъ слѣдствіи такъ: въ первый разъ Екатерина Дьяконова ночевала на квартирѣ Чеберяковой въ ночь съ 14 на 15 марта и ночевку довела до благополучнаго окончанія—утромъ встали и разошлись. Ночью Екатерина Дьяконова, просунувъ съ кровати ногу, нащупала какой-то мѣшокъ, въ которомъ было что-го скользкое, холодное и страшное. Вторая ночевка была, по Красовскому, съ 15 на 16 марта, и вотъ тогда на Екатерину Дьяконову, ночевавшую на сей разъ вмѣстѣ съ нѣкоей Черняковой, напалъ ужасный страхъ, и всѣ онѣ—Дьяконова, Чернякова и сама Чеберякова—убѣжали изъ ея квартиры посреди ночи. Понятно, что про эти ночевки надо разсказывать именно въ такой послѣдовательности, потому что, если ихъ переставить, то выйдетъ внутреннее противорѣчіе. Если поставить ночевку со страхомъ первой, то получится несообразность. Какъ же такъ, люди чего-то страшно испугались, посреди ночи убѣжали, имъ мерещился Ющинскій, казалось, это онъ по пятамъ за ними гонится, а на слѣдующій день, какъ ни въ чемъ не бывало, убѣжавшія пошли опять туда, откуда въ ужасѣ бѣжали, и снова, безъ всякой видимой надобности, остались ночевать. Красовскій это понималъ и первой поставилъ ночевку, доведенную до конца, а второй—ночевку съ испугомъ. Но Екатерина Дьяконова сіе не вполнѣ

усвоила и въ показаніи у судебного слѣдователя порядокъ ночевокъ переставила: первой поставила ту ночевку, которая окончилась бѣгствомъ, второй ту, когда она ногой трогала этотъ мѣшокъ, холодный и скользкій. И вотъ на судѣ Красовскій уже равняется подъ Дьяконову и описываетъ ночевки въ томъ же порядкѣ, какъ она, въ прямое противорѣчіе тому, что онъ говорилъ у слѣдователя, причемъ Красовскому приходится мѣнять и числа: раньше онъ говорилъ, что первая ночевка была съ 14 на 15, вторая—съ 15 на 16. Теперь, приспособляясь къ Дьяконовой, Красовскій приурочиваетъ первую ночевку къ ночи съ 13 на 14, вторую—съ 14 на 15.

Еще подробность. Красовскій, воспроизводя, со словъ Дьяконовой, исторію съ подозрительнымъ мѣшкомъ, показываетъ, что, на вопросъ Дьяконовой о мѣшкѣ, Чеберякова отвѣтила: «Это барахло» (на воровскомъ языкѣ—краденое). Между тѣмъ сама Дьяконова совершенно отрицаетъ, чтобы Чеберякова называла мѣшокъ или его содержимое «барахломъ». А какое значеніе имѣетъ упоминаніе Красовскаго о «барахлѣ», мы скоро увидимъ. Затѣмъ вышла совершенная несообразность съ показаніемъ Черняковой: не слѣлись. Чернякова говоритъ, что ночевка была, но въ гораздо болѣе ранній срокъ, задолго до марта 1911 года. Наконецъ, два слова о положеніи этого барахла, мѣшка: сама Дьяконова нарисовала слѣдователю планъ комнаты, гдѣ она, будто бы, у Чеберяковой ночи ала; вамъ его показывали и подробно спрашивали Екатерину Дьяконову: какъ же она могла, лежа «къ стѣнкѣ» (а Чеберякова лежала на той же кровати съ внѣшней стороны), какъ же она, Дьяконова, могла тронуть ногой мѣшокъ, барахло. Для этого надо было вывихнуть ногу! Думаю, вамъ, когда вы смотрѣли на планъ и слушали Дьяконову, это было совершенно очевидно.

Такова картина измышленнаго, фантастическаго показанія. Но этого мало. Дьяконовы опознаютъ и вещественныя доказательства. Съ листками, правда, вышелъ конфузъ. Слѣдователь предложилъ сестрамъ нарисовать, какіе были листки у Чеберяковой, когда тамъ играли «въ почту». Каждая изъ сестеръ нарисовала по разному и несложе съ тѣми листками, которые имѣются при дѣлѣ, которые взяты на мѣстѣ обнаруженія трупа. Что касается взятаго тамъ же полотнянаго куска съ вышивкой (повидимому, отъ наволочки) и наволочекъ, бывшихъ у Чеберяковой, то Дьяконовы категорически говорили на пред-

варительномъ слѣдствіи, что вышивка на чеберяковскихъ наволочкахъ шита только красными нитками, черныхъ нитокъ тамъ нѣтъ, однѣ красныя, а кусокъ наволочки, находящійся при дѣлѣ,—вещественное доказательство,—вы всѣ видѣли: тамъ, въ вышивкѣ, дѣйствительно много красныхъ нитокъ, но съ боку черный стерженекъ, зашитый черными нитками. (Этого куска судебный слѣдователь, весьма благоразумно, свидѣтельницамъ Дьяконовымъ не предъявлялъ).

Пришли Дьяконовы на судъ, ихъ спрашиваютъ:

— «Какая была вышивка на чеберяковскихъ наволочкахъ?»

— «Красная и черная».

— «Какъ же вы у слѣдователя показывали, что черного нѣтъ, однѣ красныя нитки?»

— «Я ошиблась».

Странная, однако, ошибки: съ Лисуновымъ ошиблась, съ нитками ошиблась.

Первой предъявили находящійся при дѣлѣ кусокъ наволочки Екатеринѣ Дьяконовой и она его опознала:

— «Да, это та самая наволочка, которую я видѣла у Чеберяковой».

Подумайте, господа присяжные засѣдатели, вѣдь послѣ такого показанія какъ легко даже совершенно невинному человѣку угодить на каторгу! Защита все настаивала, что слѣдователь долженъ былъ, будто бы, сразу предъявить находящійся при дѣлѣ кусокъ наволочки свидѣтельницамъ Дьяконовымъ. Я тогда же просилъ, чтобы мнѣ указали законъ, который обязывалъ бы къ этому слѣдователя. Защитники сказали, что это потомъ, въ рѣчахъ, выяснится. Наступили рѣчи, и я продолжаю утверждать, что такого закона нѣтъ, и слѣдователь не долженъ былъ предъявлять вещественное доказательство, разъ свидѣтельница давала описаніе, явно къ этому вещественному доказательству неподходящее. Представьте себѣ, что судебный слѣдователь сразу предъявилъ бы Екатеринѣ Дьяконовой кусокъ съ вышивкой, находящійся при дѣлѣ. Она немедленно опознала бы въ этомъ кускѣ часть чеберяковской наволочки. И что же? Чеберякова была бы на скамьѣ подсудимыхъ вмѣсто Бейлиса. Вотъ, господа, куда ведетъ чеберяковская версія, созданная господами Красовскимъ, Бразулемъ и К°.

Еще поучительнѣе вышло съ Ксеніей Дьяконовой: она теперь тоже говорить, что вышивка на чеберяковской наволочкѣ

была красная съ чернымъ, а раньше, у слѣдователя, говорила, что только красная,—ошиблась.

Хорошо, ошиблась, но въ какомъ же порядкѣ чередуется на вышивкѣ красный цвѣтъ съ чернымъ? — спросилъ я Ксенію Дьяконову.

— «А вотъ какъ: крестикъ черный, крестикъ красный».

Разъ пять я спрашивалъ объ этомъ свидѣтельница, и она совершенно опредѣленно каждый разъ отвѣчала: «крестикъ черный, крестикъ красный».

Показываютъ ей кусокъ съ вышивкой, находящійся при дѣлѣ. Ничего подобнаго, оказывается, тамъ нѣтъ: никакого чередованія крестиковъ красныхъ съ черными, а вся черная часть вышивки, очень небольшая, помѣщается въ одномъ мѣстѣ, сбоку, въ видѣ какъ бы стержня.

Посмотрѣла, посмотрѣла Ксенія Дьяконова и говоритъ: «А знаете, это та самая, чеберяковская».

— «Какъ же та самая, да вѣдь вы только сейчасъ описывали ее совершенно иначе?»

— «Да, дѣйствительно, описывала иначе, ошиблась, но это та самая».

Это было при васъ, господа присяжные засѣдатели, вы все это видѣли и я думаю, что у васъ осталось совершенно единодушное убѣжденіе, у всѣхъ 12, безъ исключенія, что Дьяконовы говорятъ явную неправду. Остается еще воспроизводимое Екатериной Дьяконовой сознаніе Люды, тоже совершенно невѣроятное. Люда, оказывается, созналась Дьяконовой, что мать Люды убивала!

Таково главное колесико механизма. Въ него тѣсно входитъ зубчиками другое колесико—Малицкая. То, что тѣ видѣли, эта слышала. Показаніе Малицкой, сидѣлицы въ той винной лавкѣ, которая расположена подъ квартирою Чеберяковыхъ, показаніе о томъ, какъ она, Малицкая, слышала 12 марта и крикъ мальчика наверху, и возню убійць, и перетаскиванье по полу мертваго тѣла—все это произвело на васъ, я полагаю, впечатлѣніе столь же опредѣленное, какъ и показанія Дьяконовыхъ. Вы помните, напримѣръ, о «слабомъ звукѣ черезъ носъ», звукѣ, который былъ, однако, слышенъ изъ второго этажа въ первый; вы помните слова Малицкой: «Чеберякова скажетъ (дискантомъ) мм...—я внизу слышу, а кто-нибудь другой скажетъ тамъ (ба-

сомъ) мм...—я тоже слышу». Однако, во время мѣстнаго осмотра, мы были и наверху, въ квартирѣ Чеберяковой, и внизу, въ винной лавкѣ, производили даже опытъ, и хорошо знаемъ, что ничего подобнаго Малицкая слышать не могла. Впрочемъ, сначала на предварительномъ слѣдствіи она и говорила, что ничего не знаетъ; потомъ ее подучили, но плохо: она стала говорить, что все это слышала *вечеромъ*; дальше Малицкую вразумили какъ слѣдуетъ, и теперь она показываетъ, соотвѣтственно съ Дьяконовыми, объ утрѣ, когда «несли что-то мягкое, длинное, а Чеберякова шла посрединѣ» и даже размѣръ этого мягкаго, длиннаго свидѣтельница опредѣлила: какъ разъ въ ростъ 12—13-лѣтняго мальчика. Нѣкоторыя подробности показанія Малицкой тоже весьма характерны. Она вначалѣ говорила, что все сидитъ одна-одинешенька. Разумѣется, когда человѣкъ одинъ-одинешенекъ, слухъ у него изощренъ, онъ слышитъ многое, что въ разговорѣ и въ суетѣ не слышно. Малицкая сидѣла одна и поэтому хорошо слышитъ. Но когда ее дальше спросили, почему она слышала только возню утромъ 12 марта и ни раньше, ни позже ничего не слышала, Малицкая отвѣчала: «какъ же слышать, когда я все время въ работѣ, народъ постоянно ходитъ». Впрочемъ, она не только слышала происшествіе 12-го, но и «слышала» дьяконовскую ночевку, которой не было. Это настолько безподобно, что я вамъ прочту данное ею передъ нами на судѣ показаніе въ этой части съ дословной точностью:

«Послѣ того, что я слышала 12-го, тамъ хотѣли заснуть и не могли заснуть, и я внизу хочу заснуть и не могу заснуть; они успокаиваются и я успокаиваюсь; они поднимаются, и я не сплю. И такимъ образомъ они не могли заснуть, и я не спала. Я слышу смѣхъ, говоръ, шевелятся, поднимаются, переходятъ въ другую комнату, опять сюда приходятъ и вотъ опять тишина, тишина».

(Смѣхъ въ публикѣ).

Переходимъ къ недопрошенному на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелю Вышемірскому, вызванному сюда, на судъ, защитой. Онъ удостовѣрилъ, что мужъ чеберяковской сосѣдки, лавочницы Адели Равичъ, собирався, вмѣстѣ съ женой, уѣхать въ Америку, пришелъ передъ отъѣздомъ къ нему, Вышемірскому, и сознался... Сознался въ томъ, что Адель Равичъ,

придя къ Чеберяковой, увидѣла трупъ Андрюши, завернутый въ коверъ и положенный въ ванну!

Больше ничего Вышемирскій по дѣлу не знаетъ. Никакихъ другихъ разговоровъ мужъ Адели Равичъ съ нимъ не велъ. Пришелъ, разказалъ о трупѣ, о коврѣ, о ваннѣ—и ушелъ.

А теперь извольте провѣрять, когда Равичи въ Америкѣ.

Сознаніе Люды, сознаніе Равичъ. Дальше идетъ сознаніе Рудзинскаго, удостовѣряемое свидѣтелемъ, парикмахеромъ Швачкою. Отсидѣвъ въ тюрьмѣ три мѣсяца—за что, сказать не желаетъ—Швачко снова попалъ подъ арестъ, въ часть, въ полицейскую арестантскую, гдѣ тогда находился и Рудзинскій. Спать они на нарахъ, и вотъ ночью Швачко просыпается и застаётъ Рудзинскаго какъ разъ на разговорѣ съ сосѣдомъ о томъ, какъ они... «прихватили байструка» (т. е. Андрюшу, котораго такъ звали, какъ виѣбрачнаго). Услышавъ эту фразу о байструкѣ, Швачко опять заснулъ и больше ничего не слышалъ. Подобно Вышемирскому, онъ слышалъ только то, что надо.

Пока Швачко воспроизводитъ намъ сознаніе Рудзинскаго, все у него шло гладко, но затѣмъ съ Швачкою случилось недоразумѣніе. Какъ вы помните, выслушавъ отъ Красовскаго разказъ о Софійскомъ соборѣ, куда на кражу, будто бы, собирался идти Андрюша, мы хотѣли добиться, откуда Красовскій знаетъ, что Андрюша хотѣлъ обокрасть Софійскій соборъ. Свидѣтель отвѣтилъ, что слышалъ это отъ Швачки, но, когда наступилъ допросъ Швачки, тотъ этого не подтвердилъ. Тогда Красовскій извернулся, что слышалъ не прямо отъ Швачки, а черезъ Бразуля: Швачко сказалъ Бразулю, а Бразуль ему, Красовскому. Вызвали Бразуля, спрашиваемъ его: говорилъ вамъ о Софійскомъ соборѣ Швачко?

— «Да, говорилъ».

— «А когда говорилъ?»

Вотъ тутъ во всѣхъ этихъ показаніяхъ самое тощее мѣсто по вопросу о томъ, какъ всѣ эти господа вошли въ дѣло, какъ они сдѣлались свидѣтелями, какъ они попали къ этимъ добровольнымъ разслѣдователямъ?

Вѣдь Швачко сначала разказывалъ намъ такъ: онъ въ концѣ мая 1912 года послалъ Бразулю письмо съ увѣдомленіемъ, что имѣетъ по дѣлу свѣдѣнія, но самого Бразуля не видалъ. Послѣ этого письма, посланнаго въ «Кіевскую Мысль», явился къ нему, Швачкѣ, постричься Караевъ. Постригся и

началъ Швачку разспрашивать. Черезъ нѣкоторое время пришелъ стричься Красовскій. Постригся и тоже началъ разспрашивать. Но самого Бразуля Швачко, молъ, не видалъ, а тутъ оказывается, что былъ разговоръ съ Бразулемъ и приходится отвѣчать: когда же былъ?

Бразуль намъ отвѣтилъ (а Швачку, по моей просьбѣ, на это время удалили изъ зала), что разговоръ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ заявленія: Швачко, молъ, пришелъ ко мнѣ и я разспрашивалъ его на парадной.

Позвали Швачку, спрашиваемъ его, когда былъ разговоръ? Онъ говоритъ, что черезъ мѣсяць, полтора.

Черезъ мѣсяць-полтора! Помилуйте, да Бразуль къ этому времени уже уѣхалъ на курортъ отдохнуть послѣ своего «служенія правосудію». Черезъ мѣсяць-полтора—т. е. въ іюнѣ—іюлѣ 1912 года—Бразуля не было въ Кіевѣ.

Швачко устанавливаетъ сознаніе одного убійцы, Рудзинскаго, а другой убійца, Сингаевскій, тоже сознается—свидѣтелямъ Махалину и Караеву. Что касается характеристики Махалина, то вы его видѣли—очень изящный молодой человѣкъ; правда, сидѣлъ въ тюрьмѣ въ 17-ти-лѣтнемъ возрастѣ по подозрѣнію въ экспроприаціи, но, однако, совершенно невинно. Времени сидѣнья въ тюрьмѣ не потерялъ даромъ: въ совершенствѣ изучилъ воровской языкъ и знаетъ на немъ даже такія слова, которыхъ не знаютъ сами воры. Имѣетъ пристрастіе къ студенческой тужуркѣ, подобно сыщику Выгранову, хотя ни тотъ, ни другой на эту тужурку не имѣютъ ни малѣйшаго права. Готовится къ оперной карьерѣ и, конечно, по сравненію съ нимъ Швачко и Вышемірскій—только комнатные исполнители домашнихъ романсовъ, и то подъ фальшивый аккомпаниментъ. Занялся добровольными розысками изъ желанія безкорыстно послужить правосудію, но почему это случилось лишь въ 1912 году, какъ разъ тогда, когда возникла чеберяковская персія и была въ разгарѣ работа Бразуля—объяснить не можетъ. Столь же странно появленіе Караева. Живетъ онъ на Кавказѣ и вдругъ его выписываютъ письмомъ оттуда въ Кіевъ. Если человѣкъ, живущій на Кавказѣ, получаетъ письмо: «пріѣзжай въ Кіевъ», то вѣдь для такой поѣздки нужны какія-нибудь вѣскія основанія. Каковы же были основанія, чтобы Караеву все бросить и ѣхать съ Кавказа въ Кіевъ? Увы, тутъ дѣло обстоитъ со всѣмъ слабо: приходится, чтобы избѣжать отвѣта, прикрываться

ст. 722 Уст. Угол. Судопр., которая позволяет свидѣтелю не отвѣчать на вопросъ, уличающій его въ преступленіи. Караевъ въ своемъ показаніи слѣдователю (а на судъ онъ не явился) объясняетъ: «я получилъ отъ Махалина письмо партійнаго характера (а Караевъ, какъ вамъ извѣстно, изображалъ изъ себя анархиста-коммуниста; Махалинъ же, на мой вопросъ, не раздѣляетъ ли онъ программы партіи социалистовъ-революціонеровъ, заявилъ, что отвѣчать не желаетъ); я думалъ—продолжаетъ въ своемъ показаніи Караевъ,—что вызываютъ меня по партійнымъ дѣламъ, а по какимъ дѣламъ, я—на основаніи ст. 722—говорить не хочу».

Какъ же Караевъ и Махалинъ приступили къ розыскамъ? Махалинъ показываетъ: я пришелъ къ Караеву по пріѣздѣ его въ Кіевъ—а это замѣчательно благородный человѣкъ, — и говорю ему: не хочешь ли заняться розыскомъ, можетъ быть придется кое-кого подпортить, кое-кому солгать. Выписанный «по партійнымъ дѣламъ» Караевъ вскипѣлъ, даже браунингъ выхватилъ: «ни за что, говорить, это предательство!» Такъ рассказываетъ Махалинъ, а вотъ Красовскій—своя компанія—рассказываетъ иначе. Онъ говоритъ, что вовсе Махалинъ былъ не одинъ, а было ихъ двое: Махалинъ и Красовскій. Къ Караеву съ предложеніемъ приняться за розыски обратился Красовскій и никакого браунинга тотъ не вытаскивалъ, а сказалъ: «подумаю»—и быстро согласился.

По поводу этого противорѣчія была очная ставка Махалина съ Красовскимъ и на очной ставкѣ они начали говорить, что было не одно свиданіе, а два (о чемъ, однако, раньше, у слѣдователя, вовсе не упоминали). Первое свиданіе то, когда Махалинъ былъ одинъ и вытаскивался браунингъ, а второе свиданіе, когда Махалинъ былъ вдвоемъ съ Красовскимъ и никто уже браунинга не вытаскивалъ. Но вѣдь тогда получается внутренняя несообразность. Вѣдь если Махалинъ видѣлъ, что анархистъ-коммунистъ Караевъ принялъ такъ горячо его предложеніе взяться за сыскъ, разсердился и даже браунингъ выхватилъ, какъ же онъ, Махалинъ, послѣ этого, когда Караевъ «думаетъ», принять предложеніе или нѣтъ, приводитъ къ нему совершенно незнакомаго человѣка, да еще кого?—бывшаго начальника сыскной полиціи, котораго Караевъ легко могъ знать въ лицо, и приводитъ съ тѣмъ же предложеніемъ—стать сыщикомъ-добровольцемъ. Когда Махалинъ, товарищъ Караева,

предлагалъ ему это и тотъ такъ разсердился, какъ же онъ, Махалинъ, не давъ Караеву успокоиться, приводитъ къ нему бывшего начальника сыскной полиціи!? Разумѣется, тутъ что-то не такъ. Выписывали Караева по инымъ основаніямъ и ввели его въ дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ намъ рассказываютъ. Стало быть, здѣсь что-то такое, о чемъ на судѣ Красовскому и Махалину говорить нельзя.

Теперь попробуемъ разобраться въ этомъ сознаніи Сингаевского, по воровскому прозвищу Плиса. Зазвали его Караевъ и Махалинъ въ гостиницу Михайловскаго монастыря, въ номеръ къ Караеву, напоили и затѣмъ ошарашили такимъ извѣстіемъ, что вотъ-вотъ тебя заберутъ, арестуютъ, чѣмъ привели Сингаевского, конечно, въ нервное состояніе. Приемы не изъ чистоплотныхъ, но скажутъ: конецъ вѣнчаетъ дѣло, побѣдителей не судятъ, какіе бы ни были приемы, а Плисъ-то вѣдь сознался. Въ чемъ же онъ собственно сознался и какъ сознался? Оказывается, всѣ четыре свидѣтеля, дающіе объ этомъ показанія—Махалинъ, Караевъ, Бразуль и Красовскій—хотя составляютъ одну компанію, но всѣ четверо рассказываютъ каждый по своему, причемъ рассказъ одного находится въ непримиримомъ противорѣчій съ рассказомъ другого. Махалинъ заявляетъ, что онъ и Караевъ говорили съ Сингаевскимъ часа три, четыре и Сингаевскій чистосердечно все открылъ, «а я—заявилъ намъ Махалинъ—передаю вамъ здѣсь, на судѣ, только *эссенцію*». Сравнивая, однако, показаніе Караева и показаніе Махалина, оказывается, что одинъ говоритъ, будто, согласно этому откровенному сознанію, Сингаевскій вмѣстѣ съ Рудзинскимъ *въ тотъ же день* уѣхали въ Москву (т. е. 12-го марта, въ день убійства), а другой, слышавшій это же самое признаніе, показалъ, что уѣхали *на другой день*. Таково первое противорѣчіе, не устранимое настолько, что даже Махалинъ принужденъ былъ признать: «да, противорѣчіе есть». Но вотъ обращаемся къ Бразулю и усматриваемъ, что онъ описываетъ дѣло совсѣмъ иначе: когда Махалинъ и Караевъ въ караевскомъ номерѣ напоявали Плиса, то онъ, Бразуль, въ ожиданіи того, что произойдетъ, былъ въ номерѣ Махалина, въ той же гостиницѣ Михайловскаго монастыря. Черезъ нѣкоторое время приходитъ къ нему Махалинъ и говоритъ: «Ничего не выходитъ, поймъ мы Плиса, а получается то, что мы напились, а онъ трезвъ». Какъ же такъ? Махалинъ вѣдь говорилъ, что съ самаго начала Плисъ сталъ сознаваться, а тутъ «ничего не выходитъ!»

Пойдемъ дальше. Караевъ, добывъ, будто бы, столь цѣнныя улики, ѣдетъ и одѣлится ими съ Красовскимъ и говоритъ: «Преступникъ сознался!» А вотъ какъ произошло это сознание по словамъ Красовскаго, къ которому Караевъ послѣшилъ съ докладомъ: «Съ самаго начала Караевъ *спугнулъ* Плиса, и Плисъ сказалъ ему: безъ Борьки (т. е. Рудзинскаго) я не могу тебѣ ничего рассказать». Какъ видите, совсѣмъ не то, что рассказываетъ Махалинъ. По Махалину откровенный разговоръ шелъ въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ и Плисъ все время сознавался. Красовскій же говоритъ, что никакого откровеннаго разговора собственно не было: онъ только начался и сейчасъ же оборвался.

Но вѣдь и Бразулю Караевъ съ Махалинымъ рассказывали на другой день о своей бесѣдѣ съ Плисомъ. Какъ же обрисовывается эта бесѣда по Бразулю? А вотъ какъ: «Сингаевскій признался, что Ющинскаго искололъ Борисъ Рудзинскій и *кромѣ Рудзинскаго никого изъ убійцъ не называлъ*». Караевъ же съ Махалинымъ говорятъ на слѣдствіи и на судѣ совсѣмъ другое, что Плисъ не только назвалъ Рудзинскаго, но назвалъ еще и Латышева. Вы, вѣроятно, помните даже изъ показанія Махалина фразы, будто бы сказанныя Плисомъ, что «Латышевъ слабъ въ мокромъ дѣлѣ», что Латышевъ во время убійства «поѣхалъ въ Ригу». Для васъ можетъ быть не вполне понятно это жаргонное выраженіе «поѣхалъ въ Ригу» — оно значитъ, что Латышева стошнило, вырвало. Махалинъ удостовѣряетъ, что Плисъ, будто бы, такъ выразился о Латышевѣ. Могъ ли Сингаевскій, котораго вы здѣсь видѣли, употреблять такія выраженія, какъ «Латышевъ поѣхалъ въ Ригу», «Ющинскаго росписала министерская голова Рудзинскаго» — вы оцѣните; я же удостовѣряю пока полное, непримиримое противорѣчіе между свидѣтелями, воспроизводящими сознание Плиса.

Но разберемъ это сознание дальше:

«Послѣ убійства,—говоритъ будто бы Плисъ, — пришли двѣ шмары и увидѣли тюкъ, а Вѣрка имъ сказала, что это баракло».

Такъ воспроизводитъ слова Плиса Махалинъ, а Караевъ выражается еще опредѣленнѣе: онъ называетъ «шмаръ» двумя сестрами и даже приводитъ ихъ фамилію—Дьяконовы.

Какъ видите, сознание Сингаевскаго стараются пригнать къ показанію Дьяконовыхъ, но главное колесо нашего механизма—

Дьяконовы — уже безнадежно разсыпалось. Прежде всего, изъ двухъ Дьяконовыхъ только одна рѣшилась показать, что 12-го она была у Чеберяковой, а другая этого не показала. Выходить, что Сингаевскій въ приливѣ откровенности, обуреваемый потребностью сознаться, сказать правду, говорить эту правду «по Красовскому», правду, которой въ дѣйствительности не существуетъ. Вѣдь «двухъ шмаръ» 12-го марта у Чеберяковой ужъ никакъ не было: если была, то одна—Екатерина Дьяконова. Что касается «барахла», то въ показаніи Красовскаго, тамъ, гдѣ онъ воспроизводитъ рассказъ Дьяконовой, «барахло» фигурируетъ, но какъ разъ въ этомъ пунктѣ Дьяконова сбилась и своего учителя не поддержала: она въ своемъ показаніи, какъ я уже упоминалъ, слова «барахло» не упоминаетъ и отъ него отрекается. Не ясно ли изъ всего этого, что заранѣе всѣмъ были распредѣлены роли, но каждый исполняетъ свою роль, какъ можетъ. У лицъ, готовящихся къ оперной карьерѣ, она выходитъ лучше, у другихъ хуже. Вотъ почему получается разнорѣчіе, колесики механизма не согласуются въ своихъ движеніяхъ и начинаютъ ломать другъ друга. Оказывается, что сознающійся Сингаевскій, въ порывѣ правдивости и откровенности, говоритъ то, чего не было, но то, что желательно для Красовскаго.

Въ отношеніи Караева и Махалина есть еще одно любопытное обстоятельство, это письмо къ Караеву анархиста - коммуниста Алексѣя Феофилактова, перехваченное при обыскѣ, произведенномъ въ тюремной камерѣ, гдѣ Феофилактовъ содержался.

Всего письма воспроизводить не буду—оно слишкомъ длинно, но суть его въ томъ, что Феофилактовъ упрекаетъ Караева въ предательствѣ, упрекаетъ въ томъ, что Караевъ политическій провокаторъ и прямо пишетъ:

«Согласитесь, Караевъ, что у меня матеріала болѣе, чѣмъ достаточно, дабы укрѣпить мнѣніе о томъ, что вы провокаторъ».

Согласно письму, Феофилактовъ, убѣжавъ изъ Сибири съ поселенія и проживая здѣсь, въ Кіевѣ, по подложному паспорту Томилина, былъ Караевымъ и нѣкімъ «Марой» выданъ. Кто такой Мара—выяснено, это присяжный повѣренный Виленскій. То, что Феофилактовъ былъ выданъ, онъ выводитъ изъ слѣдующаго:

«Если бы я былъ арестованъ по жандармской слѣжкѣ, то сочетаніе арестовъ было бы одно, а то сочетаніе арестовъ, которое произошло теперь, та компанія, которая «сѣла», убѣждаетъ меня, что я арестованъ не по жандармской слѣжкѣ, а потому, что меня именно вы, Караевъ, и господинъ Мара выдали жандармскимъ властямъ»—и выясняетъ, зачѣмъ понадобилось выдавать. Оказывается, что Феофилактовъ желалъ совершить совместно съ Караевымъ какое-то революціонное преступное дѣло, за которое, въ случаѣ обнаруженія, имъ грозила опасность—тюрьма, ссылка. Въ это время къ Караеву обращается Мара-Виленскій съ предложеніемъ работать по дѣлу Бейлиса, а Караевъ поневолѣ долженъ обратиться къ «Алешѣ», т. е. Феофилактону.

Алеша отказывается: «у меня свое революціонное дѣло, зачѣмъ я буду отвлекаться, зачѣмъ мнѣ работать по дѣлу Бейлиса»—и этимъ отказомъ ставитъ Караева въ безвыходное положеніе. Вѣдь Караевъ изображаетъ изъ себя до поры до времени анархиста-коммуниста. Какъ же ему, при такомъ положеніи, отказаться отъ идейнаго, революціоннаго дѣла и пойти на розыски по дѣлу Бейлиса?

Вотъ тогда и рѣшаютъ, что Феофилактовъ человекъ неудобный, надо его устранить. Господинъ Караевъ вмѣстѣ съ Марой-Виленскимъ выдаютъ Феофилактова.

Что это мое толкованіе письма вѣрное, что оно соответствуетъ тексту письма, что иначе текста понять невозможно—я постараюсь вамъ доказать, прочтя нѣкоторыя выдержки изъ письма.

Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ текстуально:

Попытавшись убѣдить меня и получивъ рѣшительный и рѣзкій отказъ, что долженъ былъ дѣлать Мара, чтобъ предотвратить этотъ ударъ?

Попытаться убѣдить Караева.

Онъ видится съ Караевымъ.

Чѣмъ его убѣждаютъ: ритуаль, нація, Бейлисъ, крахъ того дѣла, надъ которымъ Караевъ работалъ».

Т. е., поясню я, возможность провала того революціоннаго дѣла, надъ которымъ «работали» Феофилактовъ и Караевъ. Продолжаю чтеніе:

«Опасность предпріятія (т. е. этого революціоннаго дѣла, предпріятія, о возможномъ крахѣ котораго только что сказано)

и, наконецъ, Караеву намекали, что подарятъ 5 тысячъ рублей: значитъ и матеріальная выгода».

Сопоставьте прочтенное съ показаніемъ подполковника Иванова, который говоритъ, что денежными выдачами въ этомъ добровольномъ сыскѣ до 50 руб. завѣдывалъ Бразуль, а выше 50 рублей — присяжный повѣренный Виленскій — этотъ самый Мара.

Читаю дальше:

«Согласитесь, что аргументовъ много: тутъ и идея, въ родѣ ритуала, и выгода — 5 тысячъ рублей, и опасность тюрьмы». (Опасность, добавлю я, если продолжать «дѣло», надъ которымъ работаетъ «Алеша»). — И дѣйствительно, нужно быть очень стойкимъ человекомъ, чтобы не отказаться.

Я, пожалуй, и не прочь отказаться (отъ этого революціоннаго дѣла), — отвѣчаетъ Караевъ, — но Алеша, — онъ не отступитъ. Въдъ онъ дѣлу Бейлиса посторонній, никакой благодарности не получитъ, о націи онъ вамъ уже отвѣтилъ. Что съ нимъ подѣлаешь?»

Тогда Мара предлагаетъ Караеву сказать Алешѣ, что онъ (т. е. Караевъ) не хочетъ (больше участвовать въ этомъ революціонномъ предпріятіи).

Но Караевъ не согласенъ; тогда о немъ будутъ плохого мнѣнія. Скажутъ, что онъ трусъ, болтунъ, шантажистъ: пока требовать и угрожать — годится, а когда приходится дѣйствовать — не хочетъ. Нѣтъ. Караевъ не согласенъ.

Что остается Марѣ предложить? Нужно Алешу убрать съ дороги. Ивановъ свой человекъ, да хотя бы и не свой, сдѣлаетъ съ удовольствіемъ».

Само собой разумѣется, что жандармскій полковникъ обязанъ арестовать анархиста, если доносятъ, что этотъ анархистъ живетъ по подложному паспорту Томилина и бѣжалъ изъ Сибири.

— Нѣтъ, и на это я не согласенъ, — отвѣчаетъ Караевъ.

— Почему?

— Это, значитъ, вы хотите, чтобы я выдалъ анархиста?

Начинается снова убѣжденіе идейное и т. д.: развѣ если бы Ал. (т. е. Алеша) былъ анархистомъ, онъ не посчитался бы съ дѣломъ Б. (т. е. Бейлиса)? Съ ритуаломъ? Націей? и т. д.

И, наконецъ, отъ васъ никто не требуетъ его выдавать, а только молчать.

Каравевъ снова возразяетъ: «но если Ал. (Алену) арестуютъ— онъ меня будетъ подозревать въ выдачу!?»

— Ну, что же, придется немного посидѣть и вамъ «за знакомство», во имя націи и... пяти тысячъ».

Каравевъ начинаетъ молчать.

А финалъ письма такой:

Только ваше дѣло Бейлиса является поразительнымъ, нелпымымъ случаемъ: буржуй, жандармъ, сыщикъ и анархистъ дружно работаютъ въ одномъ дѣлѣ. Задумывались ли вы надъ этимъ? Если нѣтъ,—посмотрите, что изъ этого выходитъ.

Какъ часто со скамей защиты мечутся громы о вредѣ и безнравственности провокаціи. Я съ интересомъ жду, какъ будетъ теперь защита основывать свои выводы на показаніяхъ, по моему мнѣнію, несомнѣнныхъ провокаторовъ.

Такова эта исторія съ добровольнымъ розыскомъ, таково это противоестественное сочетаніе: здѣсь, въ Кіевѣ, «буржуи, сыщики и анархисты», тамъ, въ Харьковѣ,—присяжный повѣренный, прогрессивный журналистъ, госпожа Чеберякова и сыщикъ, правда, въ студенческой тужуркѣ. Присяжный повѣренный Марголинъ по поводу того, что этой компаніи (даже и Бразулю!) онъ не подавалъ руки, сослался намъ на примѣры «самого фешенебельнаго общества», на, такъ сказать, «последній крикъ» заграничной еврейской моды. Можетъ быть, за границей все это и считается «фешенебельнымъ», но у насъ пока называется совсѣмъ иначе.

Упомяну еще объ одной подробности: вспомните, какъ Бразуль здѣсь говорилъ, что онъ, «слуга правосудія», безкорыстно работая по розыскамъ, совсѣмъ истратился; свидѣтель говорилъ даже, что у него накопился цѣлый пукъ ломбардныхъ квитанцій. Однако, несмотря на эти ломбардныя квитанціи, Бразуль, сейчасъ же по завершеніи его розысковъ, уѣхалъ на курортъ, чего раньше за нимъ не водилось. А другіе приемы этого добровольнаго сыска—развѣ не характерны? Все валять на мертвыхъ или уѣхавшихъ. Красовскій, на примѣръ, говоритъ, что Наталія Ющинская ему рассказывала, будто Андрюша вовсе не такой чистый, хорошій, безупречный мальчикъ, какъ это единоголосно утверждаютъ всѣ, безъ исключенія, свидѣтели, про-

шедшіе на судѣ. Красовскому, будто бы, Наталья Ющинская, безумно любившая своего племянника, говорила, что онъ, Андриуша, «часто дома не ночеваль, а ночеваль у Чеберяковой, самовольно не ходилъ въ школу на уроки, скрывая это отъ домашнихъ, и т. д.». Но Наталья Ющинская въ могилѣ и этой возмутительной неправды опровергнуть не можетъ.

Или вотъ Адель Равичъ съ мужемъ уѣхали въ Америку,— и на нихъ сейчасъ же начинаютъ валить всевозможныя небылицы: мужъ Адели, оказывается, сознавался, что она видѣла трупъ Андриуши въ коврѣ и ваннѣ, а сама Адель Равичъ тоже будто бы созналась Дьяконовымъ. Но тутъ вышло маленькое неудобство: одна Дьяконова говоритъ, что Равичъ созналась на похоронахъ Жени, а другая, что на похоронахъ Вали; одна говоритъ, что Адель Равичъ созналась тогда, когда обѣ сестры были вмѣстѣ, а другая — что сознавалась каждой сестрѣ порознь. Во всякомъ случаѣ, стоило только Адели Равичъ уѣхать,— и она оказывается чуть не укрывательницей убійства; стоило Наталіи Ющинской умереть,— и про нее утверждаютъ, вопреки ея показанію, данному на предварительномъ слѣдствіи, будто она, обожавшая Андриушу, считала его вовсе не такимъ хорошимъ мальчикомъ, а признавалась, что онъ ходилъ къ ворами и ночеваль у Чеберяковой. А вотъ что показываетъ сама Адель Равичъ у судебного слѣдователя: «Въ тотъ день, когда нашли трупъ Ющинскаго, весь исколотый, я должна была ѣхать къ себѣ, въ Виленскую губернію. Поѣхала съ сестрой и въ вагонѣ громко говорила, что, несомнѣнно, мальчика убили жида». Дальше свидѣтельница объясняетъ: «Вамъ, господинъ слѣдователь, можетъ казаться страннымъ, что мы вѣримъ въ существованіе ритуальныхъ убійствъ, но я долго жила въ Виленской и Минской губерніяхъ и я знаю, что это есть. Я жила сама въ мѣстечкѣ Долгиновѣ, гдѣ нашли трупъ исколотого младенца, послѣ чего былъ погромъ». Давъ столь опредѣленное, категорическое показаніе, какъ же Равичъ могла потомъ говорить, что видѣла трупъ въ квартирѣ Чеберяковой?

Но возвращаюсь къ «чеберяковской версіи».

Фактическій матеріалъ по ней совершенно опровергнуть. Отъ этого матеріала ничего не осталось. Чѣмъ больше свидѣтелей мы слышали въ подтвержденіе того, что убивали у Чеберяковой, тѣмъ сильнѣе убѣждались въ полной измышленности этихъ показаній. Но, кромѣ того, чеберяковская версія невоз-